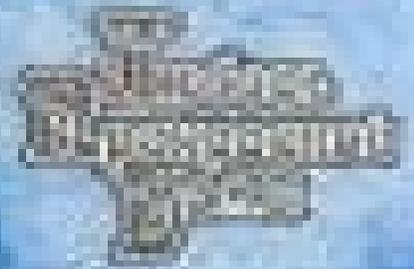
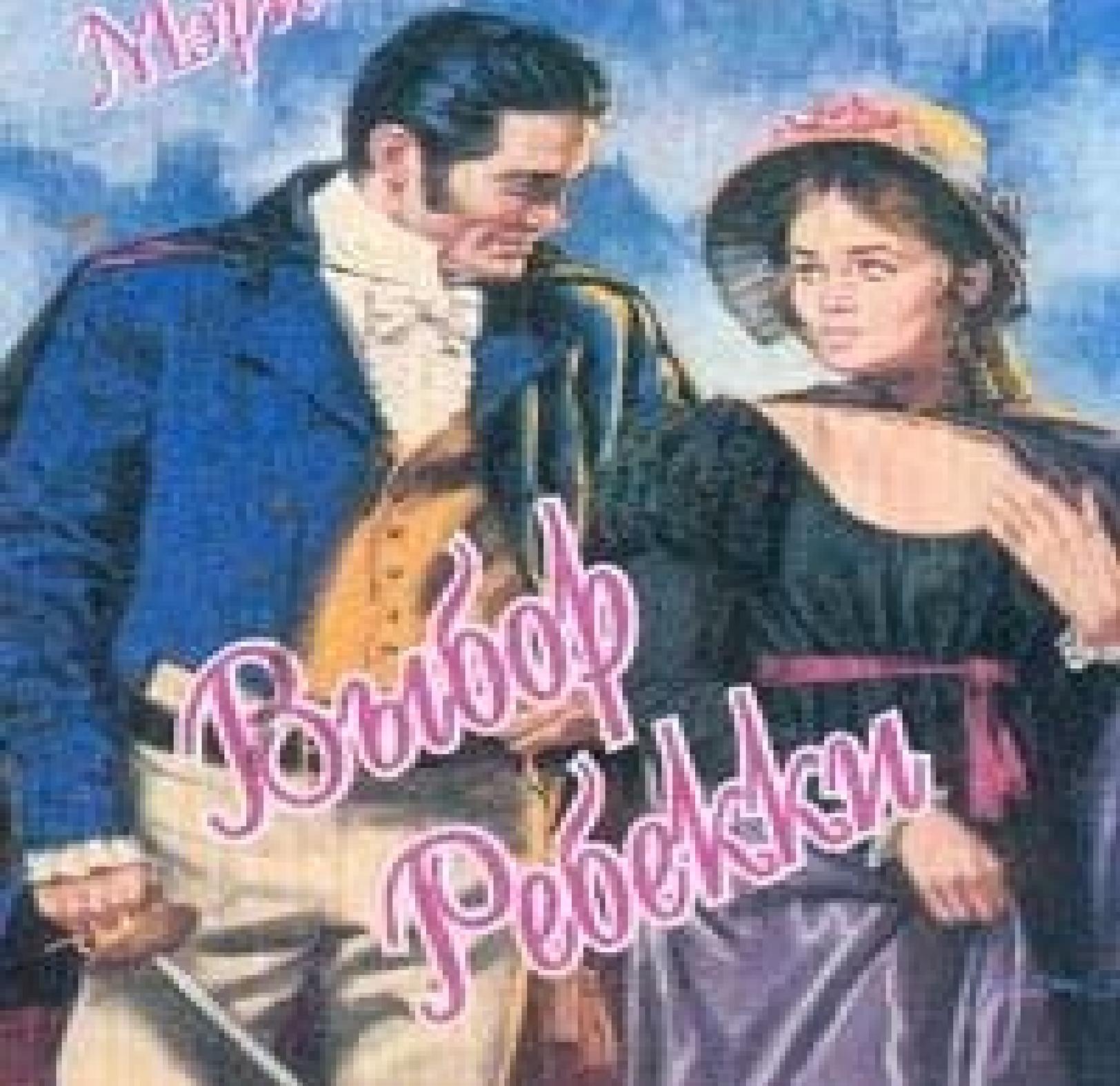

HARLEQUIN

Harlequin
Quinn

Barbed
Peasden

Annotation

М.: ОАО Издательство «Радуга», 2002. – (Серия «Любовь Прекрасной Дамы», №67)

ISBN 0-263-81286-3, 5-05-005453-2 2002

Переводчик: В. Цибина

© Mary Brendan “Mr Trelauney’s Proposal”, 1998

OCR – Lara

Spell check – Valentina

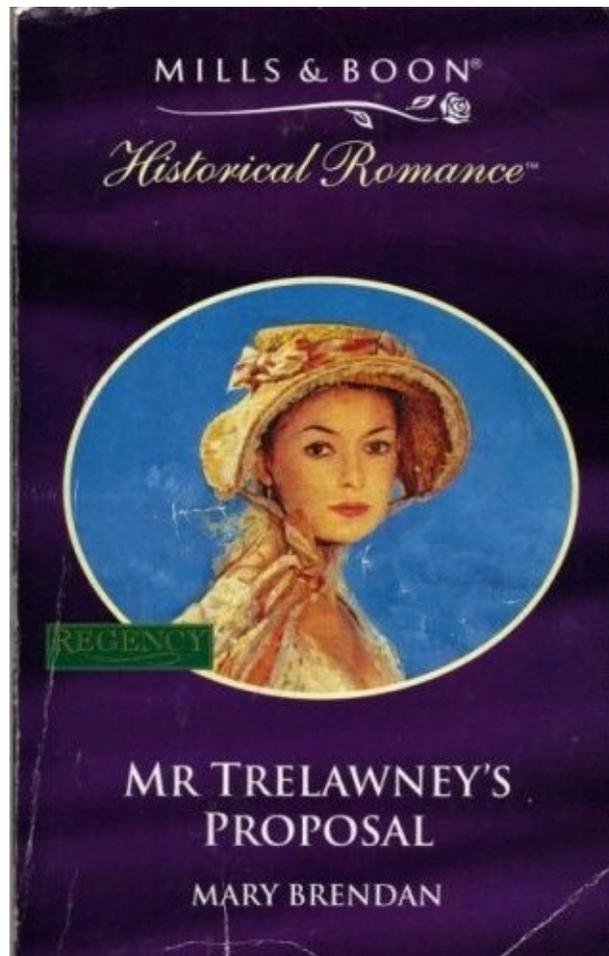
<http://la-magicienne.com>

Два полюса земли. Две жизни – до и после. Два ответа на одно предложение – «да» и «нет». Какой выбрать? Что предпочесть? Любовь и бесчестие? Или честь и одиночество? Ребекка – красавица и умница – должна сделать выбор. А если в сделанном ей предложении содержится иной, не понятый ею смысл? В таком случае только истинные чувства помогут ей выйти на дорогу света, найти свое счастье.

После смерти родителей Ребекка Нэш осталась без гроша в кармане, и только благодаря великодушию дальнего родственника сумела открыть пансион для девочек в его владениях, обрела кров, достойное дело и доход. Внезапно благодетель девушки умер, и теперь ее будущее полностью зависит от нового владельца поместья, Люка Трилоуни. Богатый, самоуверенный, пользующийся успехом в обществе мистер Трилоуни был очарован красивой девицей, и сделал ей одно за другим два предложения: первое – возмутительное, а второе – благородное. Ребекка с гневом отвергла первое, но осторожность и недоверчивость не дают ей принять и второе...

-
- [Мэри Брендан](#)
 -
 - [Аннотация](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)

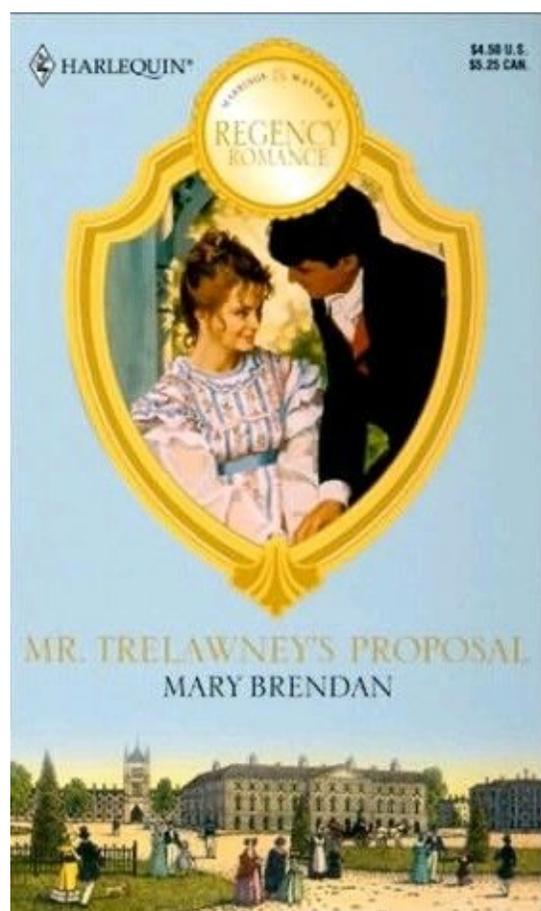
- [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
-

Мэри Брендан

Выбор Ребекки

(Трилоуни, №1)

М.: ОАО Издательство «Радуга», 2002. – (Серия «Любовь Прекрасной Дамы», №67)

ISBN 0-263-81286-3, 5-05-005453-2 2002

Переводчик: В. Цибина

© Mary Brendan “Mr Trelawney’s Proposal”, 1998

OCR – Lara

Spell check – Valentina

<http://la-magicienne.com>

Аннотация

Два полюса земли. Две жизни – до и после. Два ответа на одно предложение – «да» и «нет». Какой выбрать? Что предпочесть? Любовь и бесчестие? Или честь и одиночество? Ребекка – красавица и умница – должна сделать выбор. А если в сделанном ей предложении содержится иной, не понятый ею смысл? В таком случае только истинные чувства помогут ей выйти на дорогу света, найти свое счастье.

После смерти родителей Ребекка Нэш осталась без гроша в кармане, и только благодаря великодушию дальнего родственника сумела открыть пансион для девочек в его владениях, обрела кров, достойное дело и доход. Внезапно благодетель девушки умер, и теперь ее будущее полностью зависит от нового владельца поместья, Люка Трилоуни. Богатый, самоуверенный, пользующийся успехом в обществе мистер Трилоуни был очарован красивой девицей, и сделал ей одно за другим два предложения: первое – возмутительное, а второе – благородное. Ребекка с гневом отвергла первое, но осторожность и недоверчивость не дают ей принять и второе...

Глава первая

1814 год

– Итак, вы навещали свою сестру в Лондоне, мисс Нэш. – Неприятный вкрадчивый голос отметил это уже второй раз за пять минут.

– Именно так, – согласилась Ребекка Нэш, сдерживая нетерпение в голосе и отрывая взгляд от чашки чая, чтобы взглянуть на тщедушного мужчину напротив. Желая привлечь ее внимание, Руперт Мэйхью откинулся на спинку потрепанного кожаного кресла.

Ребекка вежливо улыбнулась, стараясь не задерживать взгляда на длинных сальных прядях седых волос, скрывающих лысину на голове ее собеседника. Его злые, как у рыси, глаза впелись в Ребекку, и стоило ей шевельнуться, как в них вспыхивали хищные огоньки.

– Как самочувствие вашей драгоценной сестрицы? И новорожденного? Надеюсь, все хорошо?

– Благодарю вас, да. – Ребекка почувствовала настоящее желание отпрянуть от подавшегося к ней Руперта Мэйхью.

– Моя дорогая супруга тоже в интересном положении, я упоминал об этом в своем последнем письме вам, – напомнил он с самодовольной ухмылкой, – она гостит у своей сестры в Шорхеме в ожидании разрешения от бремени. – Взгляд его скользнул с лица Ребекки на обтянутую хлопчатобумажным платьем грудь.

Ребекку передернуло от отвращения, и изящная фарфоровая чашечка звякнула о блюдец.

Потянулось длительное молчание, нарушаемое мерным тиканьем старинных, в дубовом футляре часов, стоявших за креслом Руперта. У Ребекки окостенела спина, и, чтобы избавиться от его словно выслеживающего добычу взгляда хищника, она отчаянно начала разговор:

– В отсутствие жены общество ваших падчериц, должно быть, радует вас. Люси ведь уже пятнадцать, а младшей, Мэри...

– Временами и они бывают полезны, – многозначительно усмехнулся, оставив ее вопрос без внимания, Руперт.

Его манеры и слова окончательно смутили Ребекку.

– Благодарю за угощение, сэр, но мне пора возвращаться в Грэйвли, – деловито сообщила она. – Не могли бы вы узнать, готова ли ваша падчерица к отъезду? Уверена, эта жара сделает поездку после полудня

невыносимой.

Она невольно взглянула на голову Руперта, но, спохватившись, быстро перевела взгляд на окно.

Этим поздним сентябрьским утром на небе не было ни облачка – верный признак жаркого, душного дня, – но не жара, а отчаянное желание избавиться от этого гнусного человека объясняло ее стремление поскорее отправиться в дорогу.

К счастью, все самое важное было оговорено в письме, но, зная она о его отвратительной наружности, ответила бы отказом на просьбу Руперта принять Люси в пансион. Увы, она не может быть слишком разборчивой в выборе учениц, горько усмехнулась Ребекка.

Руперт Мэйхью воспринял эту улыбку как знак дружеского расположения и улыбнулся во весь рот, показав дыру в передних зубах и спрятав глаза в хитром прищуре.

– Вы недостаточно стары, мисс Нэш, чтобы претендовать на роль опытной учительницы. – И, заметив ее реакцию, Мэйхью снова неприятно осканился.

Прелестный румянец мгновенно окрасил молочную белизну лица Ребекки, подчеркнув, словно выточенную гениальным скульптором безупречную линию овала. Она гордо вскинула голову и гневно прищурилась.

Руперт Мэйхью продолжал оценивающе рассматривать ее. Его глаза впивались в красивые, чуть выпуклые губы, красноречиво говорившие о чувственной натуре их обладательницы. Скользя равнодушно по прямому носику, он стал вглядываться в огромные глаза Ребекки, опущенные длинными темными ресницами, пытаясь проникнуть в их бездонные глубины. Наконец медленно перевел взгляд на густые темно-русые волосы, волнами струившиеся по плечам, подчеркивая строгость дорожного платья.

Руперт недоумевал, как эта хрупкая молодая женщина отважилась держать в маленькой деревушке графства Суссекс женский пансион. Он не раз бывал на фешенебельных курортах, но не мог припомнить ни одну девушку с подобными, классическими чертами лица. На его вкус Ребекка была слишком худа, но он знал и не таких худышек, имевших богатых покровителей, окружавших их роскошью, о которой самостоятельно зарабатывавшие на жизнь молодые женщины не могли и мечтать.

Сейчас он жалел, что не поехал взглянуть на ее заведение, представив, что увидит старую деву и синий чулок в этом лесу, под Грэйвли. И вдруг у него участился пульс, и даже пересохло во рту. Да она же проживает в

поместье землевладельца Рэмсдена, уж этот ее не пропустил!

«Хитрый старина Рэм» не упускал возможности использовать свое право господина. Последнюю работницу, которую он обрюхатил, удалили из усадебного дома, пристроив в качестве второй жены одного вдовца. Закадычные друзья Руперта отпускали по этому случаю скабрзные шуточки, в особенности, когда дошли слухи, что «новобрачная» потихоньку вернулась в усадебный дом, оставив мужу двух сыновей, как две капли воды похожих на владельца поместья.

– Мне двадцать пять лет, мистер Мэйхью, как я сообщала вам в своем письме, – холодно отрезала Ребекка, сдержав негодование. – Я уверена, что дело свое знаю хорошо, с чем вы, помнится, согласились.

– Дорогая мисс Нэш! Не сердитесь на меня, прошу вас, – всплеснул он худыми руками. – У вас прекрасные рекомендации. Я связался с мистером Фриманом, по вашей просьбе, и он рассказал мне об успехах его дочери после вашего пансиона. Теперь она рассчитывает выйти замуж, по крайней мере, за виконта. Мистер Фриман был очень великодушен и дал высокую оценку вашему заведению.

– Рада слышать... – начала было Ребекка, но Руперт Мэйхью остановил ее решительным жестом.

– Если вы добьетесь таких же успехов с ленивой, угрюмой девицей, которая прячется наверху, я буду вам очень признателен.

Ребекка поднялась из-за стола, довольная беседой, поскольку, первое, ее ученица Александра Фриман, совершенно неспособная к обучению, является теперь наилучшей рекомендацией ее пансиона, а второе, этот противный тщедушный человек, видимо, совсем не ладит со своей старшей падчерицей, отчего Ребекка прониклась симпатией и невольным сочувствием к пятнадцатилетней девочке, которую ей предстояло увидеть.

– Что ж, чем скорее мы с вашей падчерицей тронемся в путь, тем быстрее сбудется ваше пожелание, – объявила Ребекка и, чтобы больше не смотреть на Руперта, снова повернулась к окну, за которым солнце палило, не задевая тенистого сада вокруг дома Мэйхью. Дом великолепный, но какой-то покинутый, подумала Ребекка.

Всего сорок минут назад, когда лондонский почтовый дилижанс доставил ее в деревню Кросби, фасад дома с классическим портиком показался доброжелательным, и она представила, как сердечно встретит свою новую ученицу, как обстоятельно обсудит с ее родителями особенности характера их дочери, привычки и увлечения, прежде чем та увидит своих новых подруг. А потом они уедут в «Саммер-Хауз», который служит ей домом вот уже пять лет.

Ребекка вспомнила, что в письме Руперт Мэйхью не сообщал, что его жена находится в интересном положении, и вообще в нем не было ничего, что подготовило бы ее к встрече с этим неприятным человеком. Прочитав его, она поняла только, что писавший его человек весьма напыщенная особа, вот и все. Ее не насторожило тогда, что родители девочки не приехали в пансион, чтобы увидеть все своими глазами, хотя от Грэйвли до Кросби ехать вдоль берега не более четырнадцати миль. И все-таки очевидно, что Руперт Мэйхью настроен обеспечить своей падчерице такое же успешное будущее, как у дочери его соседа. И низкая плата за обучение в ее маленьком, едва сводившем концы с концами пансионе – хорошо продуманный шаг, поскольку отцы ее учениц, как и Руперт Мэйхью, скупы не только на проявление отцовских чувств, но и на деньги.

Шум за спиной отвлек ее от созерцания тихого сада, и, обернувшись, забывшая о Руперте Мэйхью Ребекка, затаив дыхание, смотрела на полированную дверь красного дерева, из которой появилась юная леди в шапке темно-каштановых волос, чью красоту не портили ни агрессивный, негодующий взгляд, ни поджатые губы, ни лиловый синяк под глазом.

Люк Трилоуни обхватил голову руками, и его длинные пальцы стали ерошить густые, цвета воронова крыла волосы, бросив на влажный лоб непокорные пряди. Все его попытки устроиться поудобнее на жестком сиденье в карете ни к чему не приводили, и он тихо выругался. Бросив рассеянный взгляд в окно кареты и, увидев пожухлую траву на обочине дороги, он стал торопливо расстегивать перламутровые пуговицы, путаясь в белоснежных рюшах рубашки.

– Если ты хочешь ужинать в «Рыжем льве» обнаженным, не надейся на мою защиту. – Росс Трилоуни, сидевший напротив, усмехнулся, но последовал примеру своего старшего красавца брата.

– Черт бы побрал эту жару, – прорычал Люк. – И кучер явно сбился с дороги, мы уже давно должны быть в этом «Рыжем льве»! Если через несколько минут не появится этот трактир, я пойду пешком. Надо было взять мою карету... Хотя бы сиденья были удобными...

Росс виновато взглянул на старшего брата, сочувствуя его мучениям.

Люк Трилоуни был одним из самых богатых землевладельцев в

Корнуолле, хозяином «Мелроуза», великолепного дома в живописном парке. Ему принадлежали внушительный торговый флот, рудники в графстве и конюшня с коллекцией чистопородных лошадей – гордость любого аристократа.

Говоря коротко, Люк был несметно богат, став единственным наследником Джаго и Димелзы Трилоуни, и в этом с ним не мог сравниться ни один корнуольский землевладелец. К тому же он был необыкновенно красив, так что в свои тридцать два года считался самым завидным женихом в Корнуолле.

По характеру, как все Трилоуни, Люк был сдержан и никогда не терял самообладания, кроме того дня одиннадцать лет назад, когда умер их отец. Все семейные проблемы и деловые затруднения Люк решал спокойно и обстоятельно.

Но ему не было равных, когда дело касалось очередной гулянки с обильными возлияниями, которые были неотъемлемой частью его жизни, не мешая, однако, делу. Он всегда помнил, что его положение и богатство обязывают ко многому.

Письмо адвоката их семьи заставило Люка собраться в этот путь – правда, без всякого желания. Росс решил ехать с братом, считая себя правой рукой Люка. «Мелроуз» оставался в умелых руках их младшего, самого рассудительного брата Тристана, который в тридцать лет женился по любви и счастливо жил в родовом поместье.

Люк был уверен, что дело, ради которого они едут, решенное и они быстро возвратятся в Корнуолл, не задерживаясь в глухом сельском Брайтоне.

Люк достал из кармана полсоверена и несколько раз подбросил его на ладони.

– Через пять минут мы будем у цели, – сказал он.

– Через три минуты, – возразил ему Росс.

Пять минут спустя выдавшая виды карета въезжала на пыльный двор трактира «Рыжий лев».

– Вели принести... – начал было Люк и замолчал, уставившись, как и Росс, на ярко-рыжую трактирную служанку, – холодного пива, – закончил наконец он. – Да узнай, чем здесь кормят, – добавил он, в сомнении разглядывая грязный, давно не беленный дом.

Люк огляделся. В тени огромного дуба стояла карета с гербом какого-то графа.

Две юные леди в элегантных, пастельных тонов муслиновых платьях сидели на клетчатом ковре под балдахинном, жеманно вертя в руках зонтики

от солнца и застенчиво взглядывая в их сторону. Девушки шептались и хихикали, и зонтики в их руках вертелись все быстрее. Люк посмотрел на Росса, теряя терпение. Похоже, брат в растерянности решает, кому отдать предпочтение – юным леди или огненно-рыжей служанке.

Его не удивило, что они привлекли к себе внимание слабого пола. Все Трилоуни были красавцами высокого роста, и женщинам трудно было устоять перед их мужским обаянием. Люк знал, что классически правильные черты лица в обрамлении иссиня-черных волос делают его неотразимым и что благодаря красоте, общественному положению и богатству он считается самым завидным женихом в Корнуолле.

В сердцах пнув попавшийся на пути камешек, он высокомерно посмотрел поверх темно-каштановой головы Росса и выругал всех Рэмсденов до седьмого колена, из-за которых пришлось в жару тащиться в такую глухомань, затем пощелкал пальцами, привлекая внимание Росса.

– Пойду взгляну, нет ли у хозяина трактира подходящего коня. Ехать верхом куда приятнее, чем трястись в этой старой колыхаге.

– С места не сдвинется, хоть умри, – пробрюзжал старик, глядя на лошадь с некоторым удовлетворением.

– Попробуйте уговорить ее, – предложила Ребекка, глядя на старого конюха с просительной улыбкой и отирая пот со лба белоснежным носовым платком.

– Лучше отлупи это глупое животное, – посоветовала бессердечная Люси Мэйхью.

Берт Моррис задумался над столь неожиданным предложением расшевелить его старушку Бесси. Он вынул глиняную трубку изо рта и стал набивать ее чем-то похожим на сено.

Ребекка сошла с двуколки и стала прохаживаться вдоль дороги, разминая затекшие ноги и с сочувствием глядя на старую кобылу, которая отказывалась продолжать путь в «Саммер-Хауз». Почувствовав внимание к себе, лошадь повернула голову в сторону Ребекки. Какие печальные, извиняющиеся глаза, подумала Ребекка. Легкое дуновение ветерка приятно освежало лицо и слегка шевелило золотистые волосы. Она посмотрела на конюха, в глубокой задумчивости курившего свою трубку, на двуколку и

поймала угрюмый взгляд Люси Мэйхью.

– Отсюда уже можно дойти пешком, – улыбаясь, сказала Ребекка. – Здесь всего-то четверть мили лесом. – И Ребекка облегченно вздохнула, увидев, что вместо возражений девочка подобрала широкую цветастую юбку платья и спрыгнула с двуколки.

Ребекка вынула из двуколки дорожные сумки, предложив Люси взять ее сумку за ручку с одной стороны.

– А свою сумку вы тоже понесете? – удивилась Люси.

– Не волнуйся, она легкая, – успокоила ее Ребекка, приятно удивленная заботой девочки.

– Вы всегда забираете своих учениц сами? – спросила Люси.

– Нет, я делаю это довольно редко. Как правило, их привозят в пансион родители. Но этим летом он был закрыт, все разъехались на каникулы. Ты будешь пока одна, но у меня есть и приходящие девочки, – поспешила она успокоить Люси. – Я два месяца гостила в Лондоне, у своей старшей сестры Элизабет. У нее родился первенец, и она просила меня приехать помочь ей на первых порах. Из Лондона я возвращалась через Кросби, поэтому решила сообщить твоему отчиму, что могу заехать и забрать тебя по дороге.

Люси вертела головой по сторонам и слушала невнимательно.

– Как здесь тихо, – таинственно произнесла она.

– И прохладно, – добавила Ребекка. – Давай отдохнем.

Через некоторое время они поднялись и пошли дальше вдоль журчащего ручейка. Вскоре деревья закончились, и они вышли на берег сказочно красивого озера, на зеркальной глади которого плавали чудесные водяные лилии.

Люси вскрикнула от восторга, выпустила сумку из рук, скинула туфельки и побежала к воде.

– Люси... вернись сейчас же! – крикнула Ребекка, когда та, подобрав юбки, вошла в воду.

– Смотрите: жаба! Там, на листе кувшинки! – смеясь, крикнула Люси.

Жаба, почувствовав опасность, нырнула в глубину лесного озера.

– Выходи, Люси, сию же минуту! – Ее начинала пугать затея девочки: она знала, что озеро очень глубокое.

Внезапно девочка вскрикнула и забарахталась в воде, беспорядочно размахивая руками.

Не раздумывая ни минуты, Ребекка бросилась на помощь, но Люси перестала барахтаться и рассмеялась.

– Убедились? Озеро намного приятнее, чем море в Брайтоне! Вы

когда-нибудь ездили отдыхать в Брайтон? – беззаботно спросила Люси и плеснула водой в лицо Ребекке.

Подобрав одной рукой юбки, Ребекка ополоснула лицо кристально чистой водой. Лицо ее пылало от возмущения, и она едва удерживалась от желания проучить дерзкую, чтобы той было впредь неповадно так глупо и жестоко шутить.

Неожиданно раздался насмешливый голос:

– Эй! Вы кто? Русалки? Лесные эльфы? Приятное развлечение!

Глава вторая

Ироничный мужской голос заставил Ребекку похолодеть от страха и немедленно обернуться.

На берегу озера, примерно в нескольких ярдах от кромки воды, стояли двое незнакомых мужчин. Один из них сидел на неоседланной деревенской лошаденке, второй, держа захудалую лошадь под уздцы, прислонился к стволу могучего столетнего дуба. Несмотря на испуг, Ребекка заметила необыкновенную красоту молодого человека: длинные густые и черные как смоль волосы, на губах – лукавая улыбка. Ребекка поняла, что кричал он. Темно-карие глаза пристально смотрели на нее. Когда Ребекка осознала, что он откровенно разглядывает ее, руки ее сами разжались, и юбки упали в воду. Ребекка покраснела под взглядом мужчины и быстро скрестила руки на корсаже из батиста, который, намкнув, стал совершенно прозрачным.

Лихорадочные мысли сменяли одна другую. Почему эти двое свернули с дороги в лес? Одеты они в идеально сидящие бриджи и белоснежные рубашки, а едут на каких-то захудалых лошаденках. Где они могли их взять? Она вспомнила деревенские сплетни о жертвах скучающих джентльменов из общества, развлекающихся с девушками неподобающим образом. Она помертвела от страха, сразу вспомнила о Люси, обернулась к девочке, чтобы защитить от непрошенных гостей, и была поражена живым интересом, с каким ее ученица неотрывно рассматривала незнакомцев.

– Кто вы и почему находитесь на землях лорда Рэмсдена? – спросила Ребекка беззастенчиво разглядывающего ее мужчину. Она решила укрыться от его взгляда в воде и взяла Люси за руку, собираясь увлечь ее за собой, но та вырвала руку и пошла к берегу. Оставаясь в воде, она, слегка нагнувшись, спокойно начала выжимать свои длинные густые волосы.

Ребекка в ужасе смотрела, как Люси, слегка покачивая бедрами, продефилировала мимо стоявшего у дерева мужчины; тот, не спуская глаз с Ребекки, лишь слегка улыбнулся. Но юноша не отводил взгляда от уже удалявшейся от них Люси.

– Вы решили остаться там навсегда? – От звука насмешливого голоса Ребекка невольно вздрогнула.

– Кто вы? – снова спросила она осипшим от волнения голосом.

– Если выйдете, я отвечу на ваш вопрос. – Черноволосый красавец протянул ей руку.

Поняв, что продолжать упорствовать глупо и смешно, но, решительно

отказавшись от помощи, Ребекка начала кое-как выбираться на берег, запуталась в мокрых юбках и испуганно вцепилась в руку незнакомца, чтобы не упасть в воду.

– Благодарю вас, – буркнула не глядя Ребекка и резко высвободила свою руку. И тут же, набравшись храбрости, гордо вскинула золотисторусую головку, взглянув на него прекрасными бирюзовыми глазами. Он потрясающе красив, подумала Ребекка. – Благодарю вас за помощь, сэр, – как можно вежливее, тихо произнесла Ребекка, но по ироничной улыбке молодого человека поняла, что он видит ее насквозь.

– Вы всегда переходите лесные озера вброд во всем одеянии? У вас здесь так принято? – весело спросил он, изучая ее мокрые, рассыпавшиеся спутанными прядями по спине и плечам волосы.

Она машинально подняла руку к голове и, осознав, что выглядит не лучшим образом, и окончательно растерявшись, обернулась к Люси, ища поддержки. Но внимание девочки было полностью поглощено вторым незнакомцем.

Ребекка быстро отрыла дорожную сумку Люси, нашла лимонно-желтое платье и протянула его ей.

– Не прижимай к себе, чтобы оно не намокло, – со сдержанным гневом в голосе приказала она девочке. Холодный взгляд ее бирюзовых глаз заставил Люси безропотно подчиниться. Затем Ребекка обернулась к молодым людям. – Позвольте поблагодарить вас за оказанную помощь и просить еще вас об одной любезности, поскольку нам следует незамедлительно переодеться после вынужденного купания. Вы же не желаете, чтобы мы простудились... – приветливо обратилась она к незнакомцам, стараясь говорить спокойно.

Незнакомец горделиво вскинул подбородок, поняв, что его бесцеремонно выпроваживают.

– Вижу, вас больше не интересует, кто я, – усмехнулся он.

– Не все ли равно, – ответила Ребекка, изобразив на лице что-то вроде примирительной улыбки. Молодой человек улыбнулся в ответ и направился к ним. Ребекка, не задумываясь, встала перед Люси, выставив в дрожащих руках, словно щит, сухое платье.

Молодой человек помедлил, потом решительным шагом направился к своей неказистой лошадке и ловко вскочил на нее. Задумчиво глядя на Ребекку, он вдруг спросил:

– Вы потеряли интерес ко мне, мисс, но скажите, кто вы?

– Меня зовут Ребекка Нэш, со мной – моя ученица, мисс Мэйхью. Мы направляемся в «Саммер-Хауз», что всего в пяти минутах ходьбы отсюда, –

твердо солгала она, – в поместье лорда Рэмсдена.

Мужчины обменялись многозначительными взглядами, но с места не тронулись.

– Хочу предупредить вас, что лорд Рэмсден очень строг со всеми, кто вторгается в его владения. Вам лучше поскорее уехать, пока его люди не заметили вас.

– А вы сами-то не боитесь его людей? – иронично спросил старший.

– Нисколько! – уверенно ответила Ребекка. – Мы с лордом Рэмсденом хорошие знакомые.

– Понятно. – Он пристально посмотрел на девушку и протянул ей руку, желая попрощаться. В ответ она протянула свою дрожащую ладонь. – Люк Трилоуни и мой брат Росс... к вашим услугам, – представился он, пожимая ее холодную ладошку своей сильной горячей рукой.

– Мистер Трилоуни... – прошептала Ребекка, когда Люк с Россом отъезжали от нее, и, не отрываясь, долго смотрела им вслед.

Когда всадники выехали на проселочную дорогу в Уэстбрук, у Росса вырвался низкий похотливый смешок.

– Я бы не прочь воспользоваться ее услугами. Думаю, этого было бы нетрудно добиться...

Люк резко осадил лошадь и обернулся к брату. Прекрасные черты его лица исказил гнев.

– Попробуй тронь ее, и я... – От ярости у него перехватило дыхание.

Таким Росс его еще не видел.

Ребекка осторожно высвободилась из крепких объятий седовласой женщины.

– Марта, вы не представляете, как хорошо снова оказаться дома! – с улыбкой сказала она. – Как здесь тихо! – Ребекка начинала понимать, как она соскучилась по «Саммер-Хаузу».

В кухне вскоре появилась Люси, и Марта, отложив дела, внимательно посмотрела на девочку, увидев, без сомнения, огромный синяк, красовавшийся под глазом Люси.

– Марта, это Люси... Люси Мэйхью, моя новая ученица, – представила Ребекка девочку. – Садись за стол, Люси. – И та, ухватив кусок пирога, села

за стол, с интересом рассматривая кухню.

Такое проявление невоспитанности огорчило Ребекку, но, вспомнив достигнутое ею за последние пять лет, она приободрилась. В один год Ребекка потеряла и своих родителей, и своего жениха, оставшись без каких-либо средств к существованию. Казалось, ее ждет безрадостное будущее – или тяжкий труд у чужих людей, или замужество по расчету. Но Бог был милостив к ней, и сейчас она живет у доброго и щедрого землевладельца, у нее есть дружба и поддержка Марты и ее мужа, есть много друзей среди приветливых соседей. И самое главное – у нее есть маленький уютный «Саммер-Хауз», дающий ей средства к существованию.

Марта разлила в стаканы душистый лимонад и поставила на стол. Отпивая маленькими глотками прохладный напиток, Ребекка улыбалась своим мыслям, вспоминая встречу у лесного озера. На какое-то мгновение в памяти возник образ красавца, чьи глаза были чернее угля, а волосы – чернее воронова крыла. Но образ тут же исчез, не затронув ее блаженного состояния.

Разумеется, Люк Трилоуни произвел сильное впечатление, но он был на озере проездом, и совершенно ясно, что они никогда не встретятся. От этой мысли ее охватила сладостная грусть, и пальцы машинально потянулись к тяжелому серебряному медальону, с которым она никогда не расставалась. Этот медальон подарил ей жених, Дэвид, с чьей безвременной кончиной она до сих пор не могла смириться.

– Марта, скажи, лорд Рэмсден уже вернулся из поездки?

– Пять дней его не было, но сейчас он, должно быть, уже дома. Майлз ждал его сегодня.

– Сколько осталось работников? – спросил Люк пожилого мужчину, который стоял навтыяжку рядом с ним, в то время как Люк разглядывал заросшую сорняками дорогу к усадебному дому. Некогда ухоженная усадьба пришла в полное запустение.

Люк стоял у окна, опершись руками на оконную раму. Он не отрываясь взглядывался в видневшийся вдали лесок, вспоминая сегодняшнее приключение у лесного озера и девушку с бирюзовыми глазами.

– Восемь, – процедил сквозь зубы дворецкий.

По его интонации Люк понял, что старик от него явно что-то скрывает.

Со дня на день Эдварду Майлзу должно исполниться семьдесят, и, принимая во внимание его возраст, Люк как-то еще мог его понять. Что Люк не мог постичь, так это человеческую глупость в образе дворецкого, не желающего даже выглядеть приветливым и вежливым, хотя мог остаться без средств к существованию и крыши над головой на склоне лет.

Люк чувствовал невероятную усталость, очень хотел пить и в то же время испытывал какое-то странное волнение и смутную тревогу. Он впервые столкнулся с девушкой, которая без всякого сожаления рассталась с ним. И это заставляло его мысленно возвращаться к эпизоду у озера, хотя он понимал, что смешно придавать значение такой мимолетной встрече. Он встряхнулся и постарался сосредоточиться на Майлзе.

– Найдется в доме хоть немного бренди? – наконец спросил Люк, решив отложить дела часа на два, чтобы привести себя в порядок, так как они были в пути почти два дня.

Старик немного подумал и не спеша покачал головой.

– Хотя бы какого-нибудь вина? – Люк чувствовал, что медлительность старого дворецкого начинает выводить его из себя.

– Джудит может приготовить немного лимонада, – невозмутимо произнес старик. – Я могу распорядиться, если вы пожелаете.

Он что, издевается надо мной? – подумал Люк, в упор разглядывая дворецкого. Однако тот с отсутствующим видом флегматично смотрел куда-то вдаль.

– Хорошо, – сдался Люк, понимая, что хорошего в этом ничего нет.

Черт возьми, где же Росс? Вот уже час, как они приехали в Уэстбрук, маленькую деревушку, и Росс сразу куда-то исчез.

– Постарайся через час собрать всех слуг в большой прихожей. Я хочу поговорить с ними. И принеси какой-нибудь еды, – приказал властным тоном Люк.

Старик небрежно поклонился и вышел из кабинета. Затем медленно побрел к кухне, с трудом переставляя ноги. Когда Люк пронесся мимо легким широким шагом, Майлз проводил его негодующим взглядом.

Люк спустился по каменным ступеням крыльца и, обойдя дом, направился к хозяйственным постройкам, надеясь, что длительное отсутствие Росса происходит не по причине легкомыслия брата, расточающего сейчас любезности какой-нибудь молоденькой служанке. Представив эту картину, Люк ругнулся и, с силой рванув дверь амбара, быстро вошел... Господи, он не думал, что снова увидит ее! Если бы они с братом не свернули с дороги, чтобы укрыться от палящих лучей солнца в

лесу, они бы никогда не встретились... И теперь по милости ее бирюзовых глаз он потерял покой.

– Мистер Трилоуни? – удивленно воскликнула Ребекка, щурясь от снопа яркого солнечного света, ворвавшегося в полутемный амбар через открытую дверь.

Глава третья

Какое-то мгновение, потрясенные неожиданной встречей, они молча смотрели друг на друга. Наконец Люк распахнул амбарную дверь настежь, и солнечный свет сплошным потоком хлынул в амбар. Он долго вглядывался в лицо девушки, как будто боялся, что она – плод его воспаленного воображения. Солнце золотило волосы на ее милой головке и заставляло ее прекрасные глаза щуриться. Она отступила ближе к сену, не сводя удивленных глаз с Люка Трилоуни.

– Что вы здесь делаете? – спросила Ребекка, не в силах скрыть радость от встречи с ним. – Может, наш Уильямс задержал вас? – тихо спросила она. – И вашего брата тоже?

Он не отвечал.

Ребекка решила, что дело приняло серьезный оборот, и тихим голосом произнесла:

– Я могла бы замолвить за вас словечко. Честное слово, я смогу его уговорить. – Ребекка попыталась проскользнуть мимо него и, облегченно вздохнув, предложила: – Надо только пойти к нашему землевладельцу.

Но сильная рука мгновенно преградила ей путь к выходу.

– Он перед вами. Как вы собирались уговаривать меня?

Ребекка попробовала отвести его руку, но поняла, что ей это не под силу. Подняв голову и заглянув в черные, как уголь, глаза, она снова поразилась его необыкновенной, завораживающей красоте.

– Не надо так шутить. Робин Рэмсден – человек... сговорчивый. Позвольте мне пройти. – Она скользнула под его руку и решительно направилась к выходу.

Глядя на удаляющуюся фигурку девушки в простом хлопчатобумажном платье, Люк подумал, что первое впечатление на озере не обмануло его.

Люк почувствовал, что ему не хочется с ней расставаться. Не хватало еще, чтобы он потерял голову из-за женщины, криво усмехнувшись, подумал Люк, но, опустив руку, все же последовал за Ребеккой.

– И часто вы ходите в амбар Рэмсдена, Ребекка? – по-мальчишечьи насмешливо спросил он.

– Когда надо найти Джона, – ответила она с улыбкой, пораженная, что он запомнил ее имя.

– Джона? – как эхо повторил Люк, и улыбка на его лице сменилась

grimасой гнева. Он стал помехой для встречи двух влюбленных? Что ж, в таком случае ему следует отступить, но он утешит ее, когда деревенщина ухажер бросит ее, цинично рассудил Люк.

– Ну да, плотника лорда Рэмсдена, – прервала его размышления Ребекка. – Давно обещал починить мне крышу. – И заговорщически добавила: – Обычно он скрывается в амбаре, чтобы никто не помешал ему поспать после обеда.

Потрясенный таким непосредственным и доверительным объяснением, Люк в немом изумлении взирал на нее.

– Когда начнутся дожди, крыша снова потечет, – добавила она. – А в том, что погода скоро испортится, Грегори Тернер не сомневается... Грегори и его жена помогают мне в «Саммер-Хаузе»... И надо сказать, Грегори редко ошибается...

Ребекка вдруг умолкла, заметив, как Люк слушает ее болтовню: прислонившись к стогу сена в каком-нибудь фуге от нее, он отчаянно боролся с одолевавшей его скукой. Но Ребекка все же закончила:

– Уверена, что этой ночью пойдет дождь.

Люк протянул к ее лицу руку и осторожно провел пальцем по нижней губе. Сейчас он ее поцелует, вдруг догадалась она и в ужасе отшатнулась, когда, наклоня голову все ниже и ниже, тот почти коснулся ее губ губами. На лице его явно появилась досада, что все его усилия потерпели крах.

– Так это не Уильямс вас поймал? – снова спросила Ребекка.

– Нет, – коротко ответил он, начиная терять терпение. Люк вздохнул. Сотворенная им таинственность вокруг его персоны распалила ту чувственность, которую возбудила Ребекка, сама того не желая. И эта встреча в душном, полутемном амбаре среди дня... Нет, и время и место явно неподходящие, решил он, да и надеяться ему, похоже, не на что. Люк усмехнулся, вспомнив, как самонадеянно предвкушал уже сладость поцелуя. Ему недостает обаяния и умения обольщать! Люк был твердо убежден, что он непревзойденный обольститель женщин. Но сегодня обаяние, видимо, ему изменило.

– Мисс Ребекка! – раздался оклик Майлза, и девушка обернулась. – Я вижу, вы уже познакомились с нашим новым владельцем, мисс Ребекка, – злобно прошипел Майлз.

– Когда же?... – И тут она вспомнила его слова. Она тогда попросила его не шутить так.

– Вся прислуга ждет в большом холле, как было приказано, милорд. – Дворецкий произнес «милорд» без должного почтения, что заметили и Люк, и Ребекка.

Ребекку объял неподдельный ужас, она побледнела.

– Почему вы не сказали мне раньше? – прошептала она, взглядывая на молодого человека.

– Я же только что вам сказал, – напомнил он.

– Вы могли сказать мне об этом еще в лесу и тем самым уберегли бы меня от стольких глупостей! А где Робин Рэмсден? – спросила она в полном отчаянии.

– Позвольте вам напомнить, что вы довольно быстро потеряли ко мне всякий интерес. Вас беспокоило только, как поскорее от меня избавиться. – Он взял ее за руку, намереваясь пойти в усадебный дом Рэмсдена, но Ребекка вырвала руку и потребовала немедленного ответа. – Идемте в дом, я все объясню, – холодно сказал Люк. – Прислуга уже собралась, – проговорил он и почувствовал неловкость оттого, что причислил ее к прислуге.

Ребекка демонстративно отвернулась и отошла к Майлзу. Люк ушел вперед, а Ребекка вдруг расплакалась.

На лестнице усадебного дома появился Росс, и Люк упрекнул брата за отсутствие и велел ему идти с ним.

– Вот, нашел винный погреб, – тоном заговорщика проговорил Росс и показал бутылку с вином.

– Вижу, вижу. – Люк облегченно вздохнул, узнав причину долгого отсутствия Росса. Господи, и зачем было брать его с собой? – в сердцах спросил он.

Когда Люк вошел в большую прохладную прихожую, там уже стояли пять служанок. Немного погодя они уже смело рассматривали своего нового хозяина.

Ребекка вошла в холл вместе с дворецким и Грегори. И сразу обратила внимание на то, с каким нескрываемым интересом девушки поглядывают на Люка, но ничуть этому не удивилась.

Люк вспомнил, что Ребекка говорила о плотнике, и спросил дворецкого:

– Все здесь или появится кто-нибудь еще?

– Нет Джона и Уильямса, – доложил дворецкий. – Я нигде не смог их найти.

Люк махнул рукой, давая понять, что ждать больше не намерен. Он взглянул на жалкую кучку служанок и вспомнил, сколько прислуги в его «Мелроузе» – во всяком случае, раза в три больше.

– Я велел собрать вас, чтобы сообщить об обстоятельствах моего наследования поместья и титула Рэмсдена. Я Люк Трилоуни из Пендрейка

в Корнуолле, а это мой брат Росс. Мы приехали сюда, потому что ваш хозяин, пятый барон Рэмсден, скончался в одночасье от разрыва сердца, находясь далеко отсюда – в Бате. Согласно его завещанию, похоронен он будет там же, в Бате, в фамильном склепе, рядом с женой.

Люк помолчал. Служанки сразу заплакали, вытирая слезы белоснежными фартуками. Люк отыскал глазами Ребекку – она была явно подавлена. Он заговорил снова, не сводя глаз с Ребекки, отчего все повернули головы в ее сторону.

– Теперь я являюсь шестым бароном Рэмсденом. Этот дом, хозяйственные постройки и все поместье теперь принадлежат мне. У Робина Рэмсдена и его жены не было наследников. Я – правнук Шарлотты Рэмсден, уехавшей из этих краев более ста лет назад в Корнуолл, и единственный законный наследник вашего покойного хозяина.

Служанки обеспокоено зашептались о двух девочках, поразительно похожих на Рэмсдена, называя их дочерьми покойного.

Братья что-то стали обсуждать между собой, затем Люк снова обратился к людям:

– Должен поставить вас в известность, что у меня нет намерения уезжать из Корнуолла или оставлять свои поместья в Суссексе. Поэтому я решил продать это имение целиком.

В холле воцарилось гробовое молчание.

– Всем будет выплачено причитающееся жалованье. Если кто захочет уйти, я помогу найти новую работу. – Люк заметил, что Ребекка потихоньку продвигается к выходу, и пошел за ней мимо встревоженных переговаривающихся людей. – Каждый получит щедрые награды в зависимости от срока службы... – скороговоркой добавил он, выбежал из холла и запрыгал сразу через две ступеньки лестницы.

У ожидавшей возле подъезда двуколки он схватил девушку за руку, а она, увидев из-за плеча, что это не Грегори, стала отчаянно вырывать ее.

– Послушайте, Ребекка.

Но она отвернулась, пряча заплаканное лицо.

– Да слушайте же! – на этот раз властно проговорил он.

Огромные глаза цвета морской воды взметнулись к темным глазам, увидев тянущуюся к лицу руку мужчины. Девушка отпрянула, но вырвать свою руку из крепкой хватки так и не смогла.

Люк слышал бешеное биение ее сердца, чувствовал запах лаванды в ее золотистых волосах. Он вдохнул этот нежный аромат и понял, что не расстанется с этой девушкой, что для него теперь нет ничего важнее, чем ее покой и благополучие.

Глаза Ребекки были полны слез, ведь теперь у нее нет больше ни дома, ни пансиона – ничего, кроме нескольких фунтов стерлингов, которые дал ей отчим Люси в качестве платы за проживание и обучение. Но ей придется вернуть их, и Люси тоже.

Люк обнял ее за плечи и пристально посмотрел в ее глаза, но в ответ встретил уже спокойный, искренний взгляд Ребекки. Чего это ей стоило, он понял, когда заметил, с какой силой она прикусила нижнюю губу.

– Идемте в дом, мне необходимо переговорить с вами, – начал он вкрадчивым голосом, увлекая ее за собой.

– А вот и Грегори, – воскликнула она звенящим от волнения голосом и стала снова вырываться.

Люк, вздохнув, отпустил ее.

Ребекка подбежала к старику и взяла его под руку, найдя в нем защиту и желая помочь ему передвигаться.

Люк прислонился спиной к нагретой солнцем кирпичной стене усадебного дома и молча смотрел, как она уходит от него, ни разу не оглянувшись. Он не шевелился до тех пор, пока ее двуколка не скрылась за тополями, посаженными вдоль аллеи, которая вела к его дому.

Послышался шум долгожданного ливня, и, словно замороженный, Люк то и дело взглядывал на струйки воды, стекающие по оконным стеклам.

– Хотите вина? – обратился он к Виктору Виллаби, поверенному Робина Рэмсдена, рослому сорокалетнему блондину.

– Благодарю вас... У меня есть еще несколько дел, – словно оправдываясь, отказался поверенный.

Люк отставил свой хрустальный бокал, так как не любил пить один.

– Может, чаю? – предложил он.

– Не откажусь.

Люк посмотрел на брата, который, удобно устроившись в кресле, читал газету.

– Росс, скажи Джудит, чтобы она подала чай в кабинет. Три чашки... – добавил он многозначительно. – Значит, вы поняли, что за ценой я не гонюсь. Но через несколько дней я должен вернуться в Корнуолл, поэтому поручаю вам продажу имения. Не забудьте о вознаграждении прислуге,

верно служившей покойному хозяину.

– Вы можете полностью на меня положиться, милорд, – с поклоном ответил Виллаби.

В дверь постучали, и вошла Джудит с подносом в руках.

– Я принесла вам к чаю печенье с патокой, которое вам так вчера понравилось, милорд, – проговорила она с улыбкой.

– Спасибо, Джудит, – вежливо ответил Люк и улыбнулся. Раздумываясь от похвалы хозяина, Джудит разлила чай в тонкие фарфоровые чашки и вышла из кабинета.

После чая мужчины вернулись к делам.

– Где находится договор на аренду «Саммер-Хауза»? Здесь я его не нашел.

– И не старайтесь, не ищите! Его вообще не существует.

– Вы уверены? – спросил Люк, перегнувшись через стол к управляющему. – В «Саммер-Хаузе» находится небольшой пансион мисс Ребекки Нэш. Я думал, что она арендует его по договору.

– Действительно, там находится пансион, но никакого договора нет, – уточнил Виллаби.

– Почему же?

Виллаби громко откашлялся и оттянул воротничок рубашки, словно тот душил его. Так он делал всегда, когда дело принимало щекотливый оборот.

– В этом не было необходимости, – ответил поверенный Люку. – Робин Рэмсен и мисс Ребекка Нэш заключили устное соглашение. Она открыла в этом доме пансион, а он... – Виллаби замолчал, задумавшись над тем, как бы правильнее выразиться.

Люк не сводил с него глаз.

– Что он? – нарушил затянувшееся молчание Люк, сверля Виллаби настороженным взглядом.

– А он не препятствовал этому, – нашелся, наконец, поверенный, но Люк по-прежнему не сводил глаз со своего собеседника. – Возможно, он пожалел ее... из-за трагедии, которая случилась пять лет назад. Тогда-то она и открыла здесь свой пансион. – Виллаби облегченно вздохнул, решив, что с честью вышел из щекотливого положения.

– Какая трагедия?

– Карета, в которой ехали родители мисс Нэш, сломалась, и они замерзли на сильном морозе, так и не дождавшись помощи. В конце той же недели мисс Нэш получила известие, что погиб ее жених, капитан. Во время шторма его корабль потерял управление и разбился о скалы. Потом

исчез ее брат, которого обвинили в растрате ее небольшого наследства. Его искали, но так и не нашли, – закончил печальную историю поверенный и посмотрел на Люка.

Барон пребывал в глубокой задумчивости.

– А какую роль сыграл в ее судьбе Робин Рэмсден?

– Он решил взять ее под свою защиту, правильнее сказать, он проявлял заботу о ней, – сказал мистер Виллаби, облегченно вздохнув, так как об отношениях Ребекки и Рэмсдена никто ничего определенного сказать не мог. У мистера Виллаби на этот счет были свои собственные соображения, но он не хотел сейчас распространяться о них. Во всяком случае, не перед мистером Трилоуни, который за несколько последних минут вдруг резко изменился и стал злым и раздражительным.

Все дело в необыкновенной красоте мисс Нэш, подумал Виллаби. Он видел ее два или три раза и сделал вывод, что его покойный клиент – останься он жив – продолжал бы помогать и защищать сироту. Новый владелец имения, вне всякого сомнения, тоже не остался к ней равнодушным.

Люк поднялся и подошел к окну, краем глаза наблюдая, как Виллаби собирает все документы, кладет их в свой саквояж и откланивается.

Люк криво усмехался, стараясь спокойно разобраться в том, что он только что узнал о Ребекке. Как же он глуп и наивен! Сколько раз он становился жертвой своего легковерия, хотя среди друзей почему-то прослыл человеком циничным. Неудивительно, что Ребекка с готовностью вызвалась заступиться за него перед Рэмсденом, когда решила, что он задержан слугами покойного хозяина. Используя свое обаяние и влияние на Рэмсдена, она, вероятно, не раз обращалась к нему с различными просьбами и никогда не знала отказа.

Покойный Рэмсден заботился о ней. Она плакала, услышав о смерти Рэмсдена. О ком – о человеке или покровителе? – подумал Люк. Скорее она предвидела потерю дома и пансиона.

Но какое это имеет значение теперь? Пять лет назад Ребекка осталась без средств к существованию и приняла свою судьбу, чтобы не пропасть. Такие случаи совсем не редки.

Рассказ поверенного о Ребекке никоим образом не повлиял на решение Люка забрать девушку с собой. Создавшееся положение вещей ему даже на руку, подумал он с расчетливой усмешкой. Теперь Люк определенно сделает ей предложение, не опасаясь в ответ ее возмущения или истерики.

Он подумал о Венне, которую совершенно забыл. Какая она любовница!... Страстная, горячая, изобретательная, верная... список ее

достоинств можно продолжать до бесконечности. Он с ней никогда не расстался бы... если бы не приехал сюда.

Глава четвертая

– Люси! – укоризненно окликнула девочку Ребекка и указала на открытую книгу: – Читай и не смотри по сторонам!

Над склонившейся головой девочки Ребекка через открытую дверь класса увидела промелькнувшую фигуру Джона. Она тихо вышла из-за учительского стола, прошла мимо учениц, старательно выводящих мелом на маленьких грифельных досках задание, и направилась в кухню.

– Ты уже закончил, Джон? – спросила она светловолосого юношу, который, стоя на коленях, складывал инструмент в холщовую сумку. По тому, как тот вздрогнул от звука ее голоса, она поняла, что он не слышал, как она вошла.

– Да, мэм, – пробормотал он скороговоркой. – После первого же дождя я заберусь на чердак и проверю, везде ли сухо, – добавил он, убирая светлую прядь со лба.

Джон пришел через час или два после того, как Ребекка узнала о смерти Робина Рэмсдена, его прислал новый хозяин, и очень вовремя, подумала Ребекка, увидев через окно, как первые крупные капли дождя прибивают пыль во дворе пансиона.

– Джон, ты еще здесь? – Вошла Марта с корзиной высушенного белья, которое она успела снять до дождя. – Небось дожидаясь печенья из духовки? – обратилась она к белокурому юноше.

– Я бы не отказался, – улыбнулся он.

– Ты бы лучше поднялся на чердак и посмотрел, хорошо ли заделал крышу, – строго проговорила Марта.

Джон нехотя пошел из кухни, захватив с собой сумку с инструментами.

– Так-то лучше. Нечего его сюда приваживать, – сказала Марта, бросив многозначительный взгляд на дверь в гостиную.

Ребекка вздохнула и подошла к открытой двери кухни полюбоваться на сочные краски пейзажа, впитавшего дождевую влагу.

– Необходимо еще раз поговорить с Люси. Она отвлекает его...

– Отвлекает? – словно эхо повторила Марта. – Если спросите меня, то я скажу: эта молоденькая мисс еще доставит нам массу хлопот. Почему? Даже мой старик Грегори удостоился ее глазок! Не подумайте, что я ревную или он отнесся к ее проделкам всерьез, нет! Но этот молодец Джон... Всякое может случиться, – сказала она, покачав седой головой.

– Я знаю, что она не прочь пофлиртовать, – согласилась Ребекка, прикусив нижнюю губу.

– Вы сегодня выглядите гораздо лучше, мисс Бекки, – сменила тему разговора Марта.

– Известие о смерти нашего хозяина так потрясло меня, что в первые минуты я совершенно растерялась. Когда ко мне вернулась способность рассуждать, я пришла к выводу, что у меня есть еще время подумать... – вздохнула она, вспомнив свои бессонные ночи. – Робин был очень добр ко мне, и я совсем забыла, что меня приютили здесь из сострадания. Но мистер Трилоуни послал ко мне Джона, значит, можно надеяться на лучшее. Он такой добрый... такой приятный...

– Грегори думает, что молодой хозяин не оставит вас без внимания, – сказала Марта, бросив на Ребекку многозначительный взгляд. – Что, когда мистер Трилоуни говорил слугам о своем баронетстве, от него не ускользнуло, как вы уходили от него, будто...

– Он просто пожалел меня, – перебила Ребекка. – Понял, что я лишаясь средств к существованию, и посочувствовал мне. Но я найду выход. Я уверена, что пройдет еще несколько месяцев, прежде чем имение будет продано. Так что времени у меня достаточно, я возобновлю поиски Саймона. Я его найду, чего бы мне это ни стоило, – решительно заявила она, имея в виду своего двадцатичетырехлетнего брата, исчезнувшего с ее наследством.

Наследство было небольшим, но эти пять тысяч фунтов стерлингов не дали бы ей скатиться за черту бедности. Это было ее приданое, которое выделил ей отец, когда она стала невестой Дэвида. С этими деньгами ей не грозила бы тяжелая участь провинциальной гувернантки или компаньонки.

Теперь оставалось одно – найти какого-нибудь вдовца с детьми, который обеспечит ей безбедную жизнь. В двадцать шесть лет трудно встретить человека, которого можно полюбить и выйти за него замуж. Жизнь с нелюбимым человеком – пусть уважаемым и обеспеченным – она считала безумием.

Ребекка вспомнила дорогого Дэвида, его светло-русые волосы, округлое лицо с веснушками на носу и скулах. Он любил ее наперекор своим родителям, которые пророчили ему в жены девушку из богатой и знатной семьи. Невеста из семьи негоцианта не входила в их замыслы, не прельщало их и то, что все дети мистера Нэша получили хорошее образование и воспитание.

Помолвку Дэвида и Ребекки скромно объявили в газете, и теперь кольцо с сапфиром и бриллиантами, подарок Дэвида, бережно хранилось в

шкатулке в ее спальне. Ребекка поклялась себе, что самая жестокая нужда не заставит ее расстаться с ним.

Прервал ее воспоминания Грегори.

– Вам бы лучше не вспоминать об этом вашем брате, мисс Бекки, – не обращая внимания на жену, которая подавала ему знаки, произнес Грегори. – Если бы ваш покойный отец знал, на что способен его сын, он передал бы ваши деньги в более надежные руки. Я не хочу вас расстраивать, но знаете: я слышал, что Джека Блэккера видели недавно в Брайтоне. А это означает только, что контрабандисты снова в городе.

– Мой брат никогда не занимался контрабандой, – возразила Ребекка. – Он был только знаком с тем бандитом, который ссудил ему деньги и потом искал его, чтобы получить карточный долг. Я уже знала тогда, что Саймон – заядлый игрок, однако он заверил отца, что долг отдаст, и поклялся никогда не иметь никаких дел с Блэккером.

– Почему же он бросил вас на произвол судьбы?

– Очевидно, он знает, что мне помогает Робин... – Она замолчала, поняв, что эту супружескую пару так тревожит: Робин Рэмсден больше не будет помогать ей.

Ребекка мельком взглянула в окно. И увидела, что, запрокинув голову, упираясь руками в бока, перед домом стоит Росс и придирчиво рассматривает крышу пансиона и что-то выговаривает Джону. Ребекка вышла из кухни поздороваться с Россом. Этот красивый молодой человек вызывал у нее непонятную ей симпатию.

– Он думает, что разбирается в плотницком деле, – услышала она за спиной знакомый голос и обернулась.

Люк Трилоуни шел ей навстречу, ведя в поводу прекрасного вороного жеребца, полную противоположность той кляче, которую она видела у озера.

– Хорош конь, не правда ли? – с иронией спросил Люк, заметив, какое впечатление произвел на нее его жеребец.

Опушенные густыми ресницами сияющие глаза Ребекки встретились с его бездонными темными глазами. Всадник и его конь были достойны друг друга.

Ребекка улыбнулась ему, пытаясь подавить внезапное волнение, которое вновь овладело ею в его присутствии.

– Благодарю вас, что прислали Джона, – сказала она и отвернулась к Россу, чтобы Люк не заметил яркого румянца смущения на ее щеках.

– Мне надо поговорить с вами. Вы так внезапно исчезли, что в прошлый раз я не смог обсудить с вами наш будущий договор.

– Прошу вас, входите. И вы, Росс, – вежливо предложила она. – Долго вы здесь пробудете, мистер Трилоуни? – спросила она, чтобы не молчать.

– Через две-три недели я уеду, – ответил он.

– Так скоро? – спросила она, подняв к нему побледневшее лицо с огромными аквамаринowymi глазами. – Вы уже нашли покупателя? – ужаснулась она, вспомнив, как успокаивала Марту и Грегори, что за то время, пока в имении не появится новый хозяин, она успеет вернуть свое наследство.

– Все дела по продаже имения я поручаю доверенному лицу, – пояснил Люк.

– Будьте добры, проходите и... – приглашала его Ребекка.

– Нет, нет, – перебил ее Люк.

Воцарилось гробовое молчание. Ребекка чувствовала, что он хочет ей что-то сказать. Вдруг ее осенило: он пришел сообщить, что она должна освободить дом.

– Я должна уехать? – ледяным тоном спросила она. – Вы могли бы предупредить меня заранее, так что позвольте хотя бы связаться с мистером Мэйхью, чтобы он приехал за своей падчерицей. К счастью, она единственная из моих пансионеров. – Чувствуя, что у нее перехватило горло и глаза наполнились слезами, Ребекка резко отвернулась и, гордо вскинув голову, быстро вышла.

У себя в комнате она в отчаянии схватилась за голову, но тут же взяла себя в руки – она сумеет пережить и потерю своего пансиона. Обведя взглядом свою маленькую гостиную, побеленные стены с картинами из дома ее родителей, она тяжело вздохнула, представив, что теперь ей придется со всем этим расстаться.

Она вернулась в кухню, но там никого не было. Ребекка посмотрела в окно и увидела красивую гнедую кобылу, возле которой стояли Марта с Грегори, а чуть в стороне – Люси и Джона, занятых только друг другом. Через двор к ее дому быстрыми шагами шел Люк. Увидев его, Ребекка почувствовала, что у нее подкосились ноги, и обессилено опустилась на стул.

– Мне нужно поговорить с вами, Ребекка. Я хочу, чтобы вы поехали со мной в Корнуолл.

Она вздрогнула от этих слов и вопросительно посмотрела на него, не веря своим ушам.

– У меня большое поместье в Корнуолле, и не только там. Мне есть что предложить вам, Ребекка. Вы ни в чем не будете нуждаться, и обещаю вам, что буду о вас заботиться и защищать вас...

Потрясенная, она смотрела на него широко раскрытыми глазами. Однажды она уже слышала такие слова... очень давно... когда Дэвид предлагал ей руку и сердце и клялся, что будет ее защищать и заботиться о ней.

– Почему вы хотите жениться именно на мне? – шепотом спросила она. – Если вы и в самом деле так знатны и богаты, то можете сделать более блестящую партию.

Люк вглядывался в ее лицо, стараясь понять, что она имеет в виду. Неужели решила, что он делает ей предложение? Пусть так, только бы согласилась.

– Не торопитесь с ответом. Обдумайте хорошенько мое предложение. И знайте, я не хочу вас потерять.

Она с улыбкой взглянула на него, все еще не веря своему счастью. Час назад она была уверена, что навсегда останется незамужней женщиной, а сейчас... Люк Трилоуни просит ее руки, а она не знает, радоваться ей или бояться.

Как она доверчива и притягательна, покорна, подумал Люк, сгорая от охватившего его вожделения, и медленно приблизился к Ребекке. Сейчас он узнает ее желание.

Девушка закрыла глаза в ожидании поцелуя. И в ужасе открыла их, когда сильные пальцы взяли ее подбородок и горячие властные губы впились в ее нежный рот. Ребекка стала вырываться, она чувствовала, что еще минута – и она задохнется. Собрав силы, вырвалась из его крепких объятий.

Взгляд его черных глаз стал тяжелым. Насмешливая улыбка скользила по тонким губам. Она уверена, что он будет добиваться ее расположения, и убеждена в чистоте его намерений. Похоже, он верно все рассчитал. Только не дать этой скромной девственнице ускользнуть. И его губы осторожно и нежно коснулись ее пухлых губ. Сжатые кулачки девушки разжались, и она, прильнув к Люку, привстала на цыпочки, чтобы крепче прижаться к его губам... Почувствовав, что ею овладевает испуг от французского поцелуя, она оттолкнула его.

– Мне надо идти. – Прерывисто дыша, Ребекка быстро отпрянула от Люка. Она была в растерянности. Что-то настораживало ее. Его странный взгляд, его манера целоваться. Которая и возбуждала, и отталкивала, поскольку являла собой странную смесь ярости и нежности. – Марта и Грегори не уйдут домой, пока я не вернусь.

Взглянув на Люка, она заметила в наступивших сумерках, как улыбаются его губы. Он рад, что я неравнодушна к нему, догадалась

Ребекка. Стало прохладно. Плотнее укутавшись в шаль и приветливо улыбнувшись Люку, она пошла к своему дому.

Впредь ей надо быть осторожнее и избегать оставаться наедине с Люком. Сначала надо побольше узнать о ее будущем муже, подумала она; в том, что они поженятся, Ребекка не сомневалась.

Супруги Тернер все еще ждали ее. Люси находилась у себя в комнате в ожидании ужина. Ребекку мучило, как Марта воспримет ее столь долгое отсутствие.

Увидев, что Росс еще у них и обсуждает с Джоном достоинства плотницкого инструмента, Ребекка выбежала из кухни.

– Мы можем поговорить? – спросила она Росса. – Я вас не задержу долго. – От нее не ускользнуло, что он немного удивлен, видимо, он даже не подозревает о предложении Люка. – Люк хочет, чтобы я поехала с ним в Корнуолл, – собравшись с духом, проговорила она. – Прежде чем решиться так круто изменить свою жизнь, я бы хотела побольше узнать о нем. Я, конечно, сознаю, какая это честь для меня, но...

– Я понимаю, – мягко прервал ее он. – Брат околдован вами с той минуты, как увидел вас в озере. – (Ребекка густо покраснела.) – Ваше беспокойство естественно. Но уверяю вас, он в состоянии позаботиться о вас достойным образом.

А она умнее, чем он предполагал. Недаром старина Рэмсден прятал ее в своих непролазных болотах. Выспрашивать о своем будущем любовнике у его родного брата... на это нужна смелость. Что ж, Росс выполнит ее просьбу.

– Люк слывет самым щедрым человеком в Корнуолле, – начал Росс. – У него репутация очень воспитанного и тактичного человека. Так что, если... э... он поймет, что вы не подходите друг другу... или вы заскучаете и захотите домой, он не будет вас задерживать. Но в любом случае ваше доброе имя не пострадает, и он обеспечит вам безбедное будущее...

Сияющие глаза Ребекки вдруг погасли, на лице появилось выражение тревоги и задумчивости. Прикусив нижнюю губу, Ребекка словно окаменела. Она смотрела на Росса, но по отсутствующему взгляду было ясно, что мысли ее далеко.

– Хочу добавить, Ребекка, хотя Люк необыкновенно щедр... э... cheres amies останутся cheres amies...

– Даже когда они станут менее дорогими, – прошептала Ребекка.

Росс взглянул на нее и рассмеялся, обрадовавшись, что она, наконец, обрела дар речи и даже шутит.

– Неплохо сказано... дорогие друзья становятся менее дорогими... верно подмечено, – с хитроватой ухмылкой проговорил он.

Ребекка усмехнулась и, покачав головой, всплеснула руками и разразилась гомерическим хохотом, но через минуту взяла себя в руки.

– Я что-то не так сказал? – недоумевал он.

– Нет, напротив, я очень рада, что начала этот разговор. Благодарю вас, Росс. – Ребекка собрала волосы в пучок и с подчеркнутой вежливостью поклонилась.

– Так что же вы решили, Ребекка? – воскликнул Росс.

– Определенно этот разговор должен остаться между нами, и вы ничего не скажете Люку. Обещаете?

– Даю слово, – поклялся Росс.

Если бы не этот разговор с Россом, который объяснил ей, на что может рассчитывать незамужняя, беззащитная, не имеющая ни пенни за душой женщина, она продолжала бы витать в облаках. Но теперь она стала вспоминать разговор с Люком и постепенно прозревала.

Разве он предлагал ей руку и сердце? Да он ни словом не обмолвился, даже не сказал, что любит ее! Но он был так ласков с ней, так добр... и она вообразила, будто его помыслы чисты и благородны, как у Дэвида! Ребекка закрыла глаза и прижалась пылающим лбом к холодному оконному стеклу. Какая же она наивная и простодушная, и совсем беззащитная. И в этом отчасти виноват ненавистный братец Саймон, который оставил ее без средств к существованию, что дало возможность богатому, но совершенно незнакомому мужчине сделать ей унижительное и оскорбительное предложение.

Но унижение, которому ее подвергли, не сломит ее. Она не упадет духом, и у нее достанет сил выстоять перед лицом суровых испытаний.

Глава пятая

Ребекка шла быстро, невольно наслаждаясь теплом октябрьского солнца. Когда показался усадебный дом, сердце Ребекки учащенно забилось. Это от быстрой ходьбы, успокаивала она себя.

Всю ночь она обдумывала каждое слово предстоящего разговора с Люком. Сейчас самое главное – не дать себя сбить с толку.

Легко взбежав на крыльцо, она постучала дверным молоточком в тяжелую дверь черного дуба. От волнения у нее вспотели ладони, и она вытерла их о свои серебристо-серые юбки.

– Мисс Ребекка! – приветствовал ее Майлз с улыбкой.

– Здравствуйте, Майлз. Мистер Трилоуни дома? Я хотела бы поговорить с ним.

– С которым? Со старшим или младшим? – Майлз озорно ухмыльнулся.

Ребекка растерялась было, но быстро сообразила:

– О, я имею в виду лорда Рэмсдена. Он дома?

– Да вы проходите, проходите, – спохватился Майлз, жестом приглашая ее в прохладную прихожую. – Кажется, он вышел в конюшню. Пойду посмотрю, а вы располагайтесь поудобнее, – говорил он, уже спускаясь с каменного крыльца. – Жена, верно, на кухне. Она будет вам очень рада, – небрежно бросил он через плечо.

Ребекка вспомнила, как было легко и спокойно ей в этом доме. Она обвела взглядом знакомые стены, обитые панелями из черного дерева, и лестницу с изящными перилами. Теперь она здесь, похоже, нежеланный гость. Убирая со лба пряди волос, она подошла к стулу с высокой спинкой, села и стала ждать.

Входная дверь открылась, и тяжелые шаги стали приближаться к ней. Дрожа, она медленно начала подниматься со стула и поворачиваться к Люку.

Увидев его фигуру в черных бриджах и белой рубашке так близко от себя, Ребекка невольно попятилась, не смея взглянуть на него. Расстегнутый ворот и закатанные рукава усиливали впечатление мощи его тела. Как тут было сохранить холодность и независимость! Она беспомощно оглянулась по сторонам.

– Доброе утро, мистер Трилоуни. Прошу извинить мое вторжение, но мне необходимо поговорить с вами.

Он поджал губы и прищурился, едва заметная улыбка тронула губы. Будущей любовнице не терпится удостовериться в постоянстве его предложения? Или что-то иное беспокоит девушку? Куда подевалась ее безмятежность? Пристально вглядывался он в ее белое, как алебастр, лицо. Она не выдержала его взгляда и опустила глаза. Он молча выжидал, стараясь понять намерения Ребекки.

Но по выражению ее лица нельзя было догадаться, что она задумала.

– Пойдемте в мой кабинет.

Открыв перед ней дверь кабинета, Люк пропустил ее вперед.

– Садитесь, Ребекка, – предложил он и закрыл за собою дверь.

Она послушно села на стул с высокой спинкой, а Люк обошел большой, обтянутый кожей стол и сел напротив нее.

– Как вы добрались сюда? Это Грегори подвез вас? Но я что-то не заметил у дома его двуколку.

– Я шла пешком, – спокойно сказала Ребекка. – «Саммер-Хауз» не так далеко отсюда. – И замолчала. Разве она пришла сюда ради праздных разговоров? Девушка собралась с мыслями, глубоко вздохнула и решила продолжить, но Люк предложил ей чаю. – Нет, спасибо. Я только хочу извиниться и тут же уйду.

Видимо, решение далось ей нелегко, он и сам провел бессонную ночь, так и не решив, жениться на Ребекке или сделать ее своей любовницей. По иронии судьбы, сейчас он сделал свой выбор, но у него не хватало духу сказать ей об этом.

– Я пришла извиниться, мистер Трилоуни, за свое неверное истолкование вашего вчерашнего предложения, могу объяснить это только своей неопытностью и наивностью. Позвольте вас заверить, что я искренне желаю забыть навеки это досадное недоразумение и обещаю вам никогда впредь не вспоминать о нем. А теперь прощайте, сэр. – Последние слова она произнесла еле слышным от волнения голосом, повернулась и направилась к двери.

– Позвольте заверить вас, Ребекка, что случившееся так не закончится, – сказал он ледяным тоном.

– А я категорически утверждаю, что истина конечна, – ответила она звенящим от волнения голосом, поворачиваясь к нему лицом, но, продолжая пятиться к выходу.

Люк встал, отшвырнул стул и, выйдя из-за стола, направился к ней. Ребекка бросилась бежать, но в последний момент молодому человеку удалось захлопнуть дверь, не дав ей покинуть кабинет.

– Выпустите меня сию же минуту, – гневно потребовала она, – и

уберите руку, – холодно сверкнула глазами девушка.

– Ни за что, – властно отрезал Люк.

Ребекка вдруг почувствовала себя такой униженной и беспомощной, что от обиды к глазам подступили слезы. Быстро опустив голову, она стала разглядывать перламутровые пуговицы своей блузки. Нижняя губа начала предательски дрожать, и она прикусила ее. Как несправедливо, что ей не хватило доли секунды выскочить из кабинета и бегом пуститься прочь из этого дома.

– Позвольте мне уйти, сэр. Я сказала Марте, что вернусь через час, а прошло уже много больше часа, – наконец сказала она примирительно.

– Я думал о вас всю ночь напролет, Ребекка, – не слушая ее, тихо проговорил Люк. – Думаю днем и ночью с той самой минуты, как впервые увидел вас. А еще я думаю о детях... дочерях с русыми головками и бирюзовыми глазами.

– К счастью, я не буду иметь к этому никакого отношения.

– Вчера вы решили, что я сделал вам предложение руки и сердца, и согласились. – Люк заглянул ей в глаза.

– Нет!

– Лгунья! – улыбнулся он. – Значит, вы были готовы стать моей женой, но не любовницей. И это вызывает у меня удивление, что же такое дал вам Робин Рэмсен, а я, как вы думаете, дать не смогу. Может, вы хотите что-то сказать мне, Ребекка? – прошептал он ей на ухо, обнимая ее за плечи и подводя к столу. – Или просто вы не хотите покидать Суссекс?

Она вырвалась из его объятий и, обежав письменный стол, встала за стулом Люка, вцепившись побелевшими пальцами в его кожаную спинку.

– Хотите знать, что дал мне Рэмсен? Все! Крышу над головой, еду, возможность зарабатывать себе на жизнь... он вернул мне уважение к себе!

– Думаете, я не буду заботиться о вас... не дам того же, и даже больше? – мягко спросил Люк.

– У меня нет желания зарабатывать на жизнь, став вашей любовницей. Моя профессия – учительница.

– Я не осуждаю вас, Ребекка, – деликатно сказал он. – Мне известно, что вы пережили много трагедий в своей жизни. Сколько вам тогда было? Шестнадцать? Семнадцать?

– Я не нуждаюсь в вашей жалости, мистер Трилоуни. Мне было тогда двадцать один год, но что это меняет? – ответила она со смешанным чувством гордости и сожаления, что теперь он знает, сколько ей лет.

– Двадцать один? – Люк прищурил свои черные глаза. – Так вам сейчас двадцать шесть? – спросил он после короткого молчания, во время

которого решал эту простую задачку.

Его неподдельное удивление и покорило, и позабавило Ребекку.

– Да, мне почти двадцать шесть лет, – подтвердила она, гордо вскинув подбородок. – Сожалею, что разочаровала вас своим возрастом. Может, теперь вы отпустите меня?

– Вы меня несколько не разочаровали, – сказал Люк с улыбкой. – Только удивили. Теперь и старина Рэмсен предстал в более достойном свете. Принять под свое покровительство бедную молодую женщину двадцати одного года – это выглядит благороднее, чем опекать осиротевшую девочку шестнадцати лет.

В наступившей тишине в голове Ребекки зазвучал голос Люка, вопрошавшего, что такого дал ей Рэмсен, чего он, по ее мнению, дать не сможет. Она облизнула пересохшие от внезапной догадки губы.

– Вы верите, что Робин... вы думаете... вы поверили, что он намеревался использовать меня так же омерзительно, как собираетесь вы?

Стул с грохотом полетел на пол.

– Вы низкий человек! Если бы мой дядя был жив, он убил бы вас за это оскорбление! – со слезами в голосе воскликнула Ребекка.

– Что вы сказали? – переспросил он удивленно.

– Я сказала, что он убил бы вас! – взглянула она на Люка с нескрываемой ненавистью.

– Нет, вы что-то еще сказали, – схватил он ее за руку.

– Я сказала, что мой дядя убил бы вас! Но его нет в живых, я сама это сделаю. – Ребекка была вне себя.

Люк отпустил ее руку, но следил, чтобы она не убежала.

– Что означает это «дядя»? Какой-то скромный эпитет для любовника?

Ребекка размахнулась дать ему заслуженную пощечину, но Люк вовремя схватил ее за руку и с силой привлек к себе. Когда она успокоилась, он осторожно ослабил вынужденные объятия, словно боялся, что она снова накинется на него.

Девушка отошла от него на безопасное расстояние.

– Робин и мой отец – сводные братья. Родными они были по матери моей бабушки, Грейс Маркхем. После смерти мужа она вышла замуж за Гренвилла Нэша, четвертого барона Рэмсдена Сола, – сказала Ребекка, поправляя прическу и платье. – Они недолго любили друг друга, но нас, своих племянников и племянниц, Робин очень любил. Наверное, потому, что у них с женой не было своих детей. Он разрешал нам играть в «Саммер-Хаузе», когда мы приезжали к нему на летние каникулы, отсюда и название этого дома – «Летний». – У самой двери она задержалась. –

Теперь вы, мистер Трилоуни, знаете то, что доверено немногим, только самым близким и преданным друзьям. Поместье Рэмсдена... «Саммер-Хауз»... здешние люди – все это очень близко мне, поэтому я постараюсь защитить все, что мне здесь дорого и свято. Так что из дома моего дяди я не уеду, если только вам не удастся выгнать меня по решению суда. – Она перевела дыхание и спокойно попрощалась. Люк стоял к ней спиной и смотрел в окно.

Люк лег на обитый красным бархатом диван, утопив голову в мягкие подушки и позволив себе подумать, наконец, о Ребекке. Надо оповестить слуг, что все распоряжения покойного Рэмсдена относительно «Саммер-Хауза» остаются в силе. Этот старый дурак Майлз не сказал, что у нее закончились запасы съестного. Может случиться так, что она скорее умрет с голоду, чем примет помощь от него.

Вскочив с дивана, он прошел через всю комнату, плеснул бренди в первую попавшуюся рюмку, выпил залпом и поставил рюмку на место. Он мог силой принудить, соблазнить ее. Даже выгнать ее из дома хоть сию минуту...

Но про себя он понимал, что уже не в состоянии сделать это. Он не видел ее вот уже восемь дней и не может себя заставить навестить ее.

Она очень наивна... слишком наивна для ее возраста, но это не помешало ей мгновенно понять, что сама судьба свела их, а он с трудом догадался только через пятнадцать часов. И еще: от нее исходило безмятежное спокойствие, которое проникало в душу и вселяло покой и умиротворение. Но Ребекка ушла и унесла свою колдовскую силу.

И это ангельское создание поверило, что он хочет сделать ее своей женой, ведь с первой минуты Люк смотрел на нее с вожделением, изнывая от похоти. Зато теперь, прозрев, Ребекка будет только отвергать и его, и его заботу – будь это предложение руки и сердца или мешок муки.

Вдруг дверь гостиной распахнулась настежь, и ввалился подвыпивший Росс.

– Смотри, кого я к тебе привел!

Люк удивленно поднял брови и, увидев гостя, с радостью обнял белокурого молодого человека.

– Джордж! Какими судьбами? Как ты здесь оказался? Садись. Выпьем за встречу. – Не переводя дыхания, он забросал вопросами Джорджа Дилана, своего корнуолльского соседа.

– Приехал Джон, привез муку и еще что-то из провизии, – проговорила Марта, облегченно вздыхая.

– Хвала Господу, – прошептал Грегори, бросив быстрый взгляд на Ребекку, завтракавшую за кухонным столом.

Она о чем-то сосредоточенно думала, держа кружку с чаем в ладонях и отпивая его маленькими глоточками.

– Мисс Бекки! Джон привез провизию! – громче повторила Марта, стараясь вывести Ребекку из глубокой задумчивости.

Ребекка подняла голову и, встав, подбежала к окну. Во дворе стояла двуколка, и юноша с огненно-рыжей копной волос сбрасывал мешки с мукой на землю.

Ребекка бросилась к двери, но Марта остановила ее.

– Если хотите и впредь чаевничать, лучше не ходите. У нас ведь ничего не осталось – ни муки, ни чая, ни сахара, лаврового листа и того нет...

Ребекка виновато посмотрела на Марту. Раньше она не задумывалась, что благодаря Рэмсдену они никогда не беспокоились о хлебе насущном. Но теперь она должна отказаться от помощи этого наглого барона, даже если им придется едва сводить концы с концами.

И Ребекка вышла во двор, к тяжело груженной повозке.

– Доброе утро, Джон. Что привез?

– Майлз велел отвезти вам продуктов, мисс Ребекка.

– Положи мешки обратно в повозку и возвращайся в усадьбу.

Джон посмотрел на доверху груженную повозку: тут были и сахар, и мука, и сухие фрукты, и приправы... Какой здравомыслящий человек отправит все обратно, даже если это ему пока не нужно?

– Мисс, можно спрятать все это в кладовой, – заговорщически прошептал Джон.

– Нет, – ответила она с едва заметной улыбкой, но лицо ее побледнело.

Джон начал грузить мешки в повозку, проницательно посматривая на

Ребекку карими глазами, пока та не скрылась за дверью черного хода.

На кухне ее встретили настороженные Марта и Грегори.

– Я же сказала, что отныне обеспечивать нас всем необходимым буду сама. Муку купим на соседней ферме, а когда Грегори снова поедет в Уэстбрук, то купит там чай. Деньги я дам. Не волнуйтесь, я все оплачу...

– Зачем же тратить деньги на то, что дают бесплатно? – недоуменно спросил Грегори.

– Помолчи, – посоветовала ему жена, бросив на него многозначительный взгляд. Он притих, но продолжал шептать себе что-то под нос. Все так же бормоча, он бочком вышел из кухни и пошел в сад.

– Скоро придут дети. Мне надо подготовиться к урокам, – сказала Ребекка, желая закончить этот неприятный разговор.

– Вам надо быть готовой не только к приезду детей. Уж помяните мое слово, Ребекка, новый хозяин на этом не остановится. Повозка с провизией – только начало.

– Что ты хочешь этим сказать, Марта? – смутилась Ребекка и залилась ярким румянцем.

Неужели эта добрая женщина хочет, чтобы она, Ребекка, согласилась на бесстыдное предложение? Ребекка посмотрела на Марту с немым укором, но, увидев в глазах пожилой женщины сострадание и понимание, опустила глаза. Придет же такое в голову!

– У нас будет все необходимое, Марта. Пусть не много, но нуждаться мы не будем ни в чем.

Марта подошла к Ребекке и по-матерински нежно обняла ее. Ребекка уткнулась лицом в теплое плечо женщины и невольно разрыдалась.

– Не плачь, дорогая. Все уладится, вот увидишь. Лорд Рэмсден – истинный джентльмен... Поверь мне.

В ответ на это Ребекка нервно рассмеялась, но взяла себя в руки и вытерла слезы.

– Сколько у нас осталось чая и муки? – деловито спросила она.

– Муки осталось на один замес, а чая – на одну заварку.

Ребекка стойко выслушала это тревожное сообщение и ушла в гостиную.

Люк вывел черного, как уголь, жеребца из конюшни и похлопал по блестящему крупу. Этот красавец достоин его собратьев в мелроузской конюшне, подумал Люк. От приятных размышлений его отвлекла тяжело груженная повозка, двигавшаяся к усадебному дому.

Вскочив в седло, Люк в мгновение ока оказался рядом с нею.

– Откуда ты это везешь? – спросил он Джона.

– Прошу прощения, милорд, но мисс Ребекка велела отвезти все обратно. Она сказала, что ей ничего не нужно.

Люк разразился таким громким хохотом, что жеребец, испугавшись, поднялся было на дыбы, но Люк вовремя осадил его.

– Гм, так, значит, – пробурчал Люк. – Вези обратно в «Саммер-Хауз» и скажи мисс Ребекке, что, если она отказывается, я сожгу все это вместе с повозкой, – приказал он возничему.

Джон смотрел на своего хозяина как на сошедшего с ума. Добра, лежавшего в повозке, хватило бы большой семье до Нового года.

– Ты понял, что я тебе сказал, или надо повторить? – закипая от гнева, взревел барон.

– Я понял, милорд, – поспешно ответил Джон.

– Хорошо. Сейчас же поезжай, – примирительно кивнул головой Люк.

– Ребекка, идите скорее!

– Продолжайте решать примеры, – обратилась она к четырем молоденьким девушкам, склонившимся над грифельными досками. Ребекка вышла из гостиной и пошла вслед за Мартой на кухню, сгорая от любопытства.

Марта кивком головы показала на двор.

Ребекка бросилась к окну. Джон уже почти разгрузил свою повозку, сбросив мешки с мукой на землю.

– Что же это такое? – воскликнула в сердцах Ребекка и выбежала из кухни. – Разве я не велела тебе отвезти все обратно?

– Велели, мисс Ребекка, но лорд Рэмсден... – И он развел руками, словно не находя объяснений приказу хозяина.

– Сию же минуту возвращайся домой, да не забудь захватить мешки с мукой! – тоном приказа сказала Ребекка. – Мне безразлично, что подумает

лорд Рэмсден!

– Если я привезу провизию домой, он сожжет ее вместе с повозкой!

Ребекка в ужасе уставилась на Джона. Угроза была настолько бессмысленной, что не укладывалась в голове. Пожалуй, Люк Трилоуни сделает это не задумываясь. Разве он ведает, что такое нужда и голод? Ее охватила жгучая ненависть к этому наглому, заносчивому чужаку.

– Ах, вот как! Он решил все сжечь, – воскликнула она и побежала к дому, бросив Джону через плечо: – Подожди, я сейчас, – и скрылась за дверью. Войдя в кухню, она подбежала к плите и, выбрав самые длинные лучины, заранее заготовленные Грегори, снова выбежала во двор. – Отдай их лорду Рэмсдену. Это ему на растопку.

Джон оторопело раскрыл рот, а она молча сунула лучины ему в руки и тут же убежала.

Джон смотрел на кучевые облака, на кромку леса, на каменные стены усадебного дома – куда угодно, только бы не смотреть в глаза хозяйину. Поступок Ребекки на этот раз не вызвал у того ни улыбки, ни реплики. Едва Джон закончил свой рассказ о повторной поездке в «Саммер-Хауз», как воцарилось гробовое молчание. Чувствуя кожей, как накаляется атмосфера, Джон искоса взглянул на лицо лорда Рэмсдена, которое словно окаменело. Держа лучину двумя пальцами, он созерцал ее в глубокой задумчивости, затем сломал, швырнул на землю и ушел, не сказав ни слова.

Ну и дела, подумал Джон, ероша рыжевато-русые волосы.

– Ты можешь поехать и посмотреть на своего новорожденного братика, когда захочешь, – сказала Ребекка, переворачивая нотную страницу.

Люси взглянула на нее с недовольным видом и, сбившись с такта, перестала играть.

– Я соскучилась только по Мэри, а об остальных и вспоминать не хочу! – проговорила она сдавленным голосом.

Девочка никогда не заговаривала ни об отчине, ни о матери и была совершенно равнодушна к брату, о рождении которого она узнала из письма матери. С тех пор, как Ребекка привезла ее в свой пансион, Люси никто не навещал, но, похоже, это мало ее беспокоило.

– Извини, Люси, мне не следовало мешать тебе. У тебя так хорошо получалось. Начни снова. – Ребекка перевернула страницу на начало музыкальной пьесы.

Играла Люси хорошо, но посвящать себя искусству не собиралась. Начав играть, она делала это уже без прежнего усердия и внезапно остановилась, вздохнув и раздраженно поведя плечами. Повернувшись на вращающемся стуле, она хотела что-то сказать, но, открыв рот, уставилась вверх головы учительницы.

– Люси, осталось всего полстраницы! – взглянула на нее Ребекка. Напуганная молчанием девочки, она оглянулась.

– Я стучал, но никто не вышел... Дверь кухни была открыта, и я вошел, – извиняющимся тоном проговорил Люк с порога гостиной.

Ребекка не сводила с него глаз, слыша лишь бешеное биение своего сердца.

– Мистер Трилоуни... – прошептала она, и было непонятно, то ли она приветствует его, то ли сомневается, он ли это.

Глава шестая

В гостиной горела всего одна свеча, освещавшая ноты музыкальной пьесы, которую разучивала Люси, и девушкам показалось, что фигура мужчины заполнила собой всю комнату.

– Люси, пойді отдохни в своей комнате, скоро будем ужинать.

Люси улыбнулась лорду Рэмсдену, присев в реверансе, и, шурша цветастой юбкой, вышла.

– Почему дверь кухни не заперта? – строго спросил он. – Мало ли кто может войти.

– Уже вошел, – сыронизировала Ребекка.

– Я имею в виду тех, у кого преступные намерения.

В наступившем молчании Ребекка хлопнула крышкой пианино, закрывая его. Чтобы унять дрожь в руках, она провела ими по одежде, расправляя невидимые складки.

– Зачем пожаловали, мистер Трилоуни?

– Выпить чашечку чая с печеньем. – Голос звучал спокойно, но, стоя всего в футах от Ребекки, Люк с трудом подавлял желание обнять ее.

– Заварка и печенье закончились.

– Знаю, я принес их с собой.

– Забирайте свое печенье и уходите! – вспылила она.

Люк схватил ее за плечи и повернул лицом к себе.

– Почему вы так враждебны ко мне, Ребекка?

Смерив его презрительным и непримиримым взглядом, она гордо скинула голову и... очутилась в объятиях его сильных рук.

С замиранием в сердце она чувствовала его ладони, ласкающие спину, забирающиеся в густые золотистые волосы. Бирюзовая лента спала с шелковистых волос, и они рассыпались по плечам. Держа ее голову в ладонях, Люк пытался заглянуть ей в глаза, но она отворачивалась.

– Взгляни на меня, Ребекка. Моя невеста не должна давать слугам повод для пересудов, – мягко укорил он ее.

У Ребекки перехватило дыхание, горло сдавил подкативший ком.

– Ваши шутки более чем бестактны. Я была бы вам чрезвычайно обязана, если бы вы покинули мой дом.

– Я не шучу, Ребекка. – Он прижал ее к себе и поцеловал золотистую головку, с наслаждением вдыхая нежный аромат лаванды. – Вы дали согласие выйти за меня замуж, Ребекка, и вы будете моей женой. У меня

серьезные намерения, и скоро в «Таймс» появится сообщение о нашей помолвке.

– Разве я дала согласие? – спросила девушка, недоуменно глядя на Люка. Он был очень серьезен. – Я вам не невеста, и не *chere amie*...

– Вы согласились, глядя мне прямо в глаза. Ответили на мой поцелуй. Примирились с моим тяжелым характером, поскольку увидели во мне своего будущего мужа. Неужели не помните? – Люк рассмеялся. – Но когда вы говорили с Россом? Ведь он в моем кругу единственный, кто использует словечки типа «*chere amie*»! – Люк заглянул ей в глаза. – Вы узнали их от моего брата? – спросил он, нежно взяв ее за подбородок. – Уверен, без Росса не обошлось! Да?

Ребекка почувствовала, что краснеет.

– Не лгите мне, Ребекка! – тихо проговорил Люк.

– Можно подумать, только Росс их знает! – гневно воскликнула Ребекка, задевая за живое.

Люк подхватил ее за талию и посадил на пианино, у которого они стояли. От неожиданности Ребекка закрыла глаза, и он поцеловал ее в пухлые, чувственные губы.

Его обожгло видение лесного озера и обольстительной русалки в нем. Картина была настолько реальной и девушка так доверчиво льнула к его губам, что, не сдерживая больше чувств, он страстно начал покрывать поцелуями ее лицо, сладостно ощущая, как колени Ребекки сжимают его бедра. Запрокинув ей голову, он крепко впился в ее губы, так что гибкая спина девушки изогнулась.

– Ребекка... – шептал он. – Ребекка. – Голос его зазвучал властно.

Она открыла глаза.

– Свадьбу сыграем в Суссексе, чтобы ты могла пригласить всех своих друзей, медовый месяц проведем в Корнуолле. Он будет длиться столько, сколько захочешь ты, – сказал он, нежно лаская взглядом ее милое лицо и перебирая золотые волны волос.

Господи, как она доверчива! Один пленительный поцелуй, и... Нет, подумал он, отгоняя непрошенные мысли.

– Так ты выйдешь за меня замуж, Ребекка? – шепотом спросил он, не сводя глаз с ее чувственного пухлого рта.

– Да.

Люк нежно поцеловал ее и, сняв с пианино, поставил рядом.

– Приготовь мне чаю, можно без печенья, – с улыбкой сказал он.

Ребекка, запыхавшись, подбежала к дому Тернеров и, несмотря на поздний час, стала громко стучать в дверь.

Послышались торопливые шаги, дверь приоткрылась, и показалось заспанное лицо Марты.

– Мисс Бекки? Что случилось?

– Марта, вы не видели Люси? Я уже все обыскала: дом, каретный сарай и даже курятник. Ума не приложу, где еще ее искать!

– Разумеется, в усадебном доме! – подбоченилась женщина.

Ребекка побледнела.

– Вы думаете, она пошла к Джону? – с тревогой спросила она.

– Ничего я не думаю. Но девчонка она бедовая. Раз ее нигде не видно, значит, она где-нибудь на сеновале. Я бы велела Грегори отвезти вас в усадьбу, да он пошел в «Белую лошадь» отметить свой выигрыш в карты, – сказала Марта и пригласила Ребекку погреться у крошечного камина.

– Боже мой! Что скажет ее отчим? Я ведь за нее в ответе и не могу позволить ей...

– А вы ей ничего и не позволяли. Идите спокойно домой. Если она с Джоном, он присмотрит за ней, а завтра привезет ее обратно. Парень он порядочный.

После минутного размышления Ребекка поднялась и, пожелав Марте спокойной ночи, вышла из дома в безлунную ночь.

Какой счастливой она была всего час назад, думала девушка, идя вдоль опушки леса. Они с Люком сидели на кухне, пили чай, потом целовались – нежно и страстно. Когда до нее донесся запах пригоревшего мяса, она, наконец, очнулась и вспомнила, что Люси не ужинала и время позднее. Ребекка соскользнула с колен Люка и бросилась к плите спасать ужин. Люк допил остывший чай и вышел выгружать из повозки провизию. Ребекка привела себя в порядок и стала накрывать на стол.

Если бы не Люк, она хватилась бы Люси гораздо раньше, винила себя Ребекка, и вдруг внутри у нее все похолодело. Она вела себя так опрометчиво! Уж не счел ли он ее распутной? Она позволила Люку гораздо больше, чем следовало. Когда он назначил день помолвки, нужно было ограничиться одним поцелуем. Еще вчера она ненавидела его, а теперь он стал для нее самым дорогим на свете, и от его поцелуев и объятий она совсем потеряла голову. Впредь надо быть осмотрительнее, подумала

девушка.

Люк так странно, так пристально смотрел на нее. Но он ведь обещал на ней жениться...

Идя лесом в господский дом просить Люка помочь найти Люси, она вдруг совсем рядом услышала какой-то странный звук. Девушка обмерла от страха и спряталась за дерево, затаив дыхание. Она прислушалась, чтобы понять, что это такое, но услышала только свое бешено бьющееся сердце. Немного успокоившись, Ребекка снова прислушалась. Нет, это ухает сова. Ребекка закрыла глаза, не зная, плакать ей или смеяться. Она прошла еще несколько ярдов, как вдруг впереди между деревьев увидела свет фонаря... другого... третьего... Пришлось опять прятаться за деревом, закутываясь в черную шаль.

Послышались голоса, смех, и примерно в ярде от нее прошли четверо мужчин, неся на каждом плече по бочонку.

Полуживая от страха, Ребекка плотнее прижалась к дереву, вспомнив слова Грегори, что в городе и округе видели Джека Блэккера. Значит, контрабандисты снова принялись за свое, и несут эти люди, конечно, спирт. Счастье, что она успела разминуться с ними на тропинке. Выйди она из «Саммер-Хауза» минутой раньше, и участь ее была бы незавидной. Брат рассказывал, как исчезали люди, столкнувшиеся с контрабандистами.

Выждав, когда они скроются из виду, Ребекка продолжила свой путь к Люку в надежде обрести у него любовь, и утешение, и помощь.

– Добрый вечер, Майлз, – приветствовал Люк дворецкого, быстрыми шагами направляясь в кабинет. Внезапно он остановился. – Что у нас на ужин? Судя по запаху, тушеное мясо, – предположил он. – Я бы не прочь получить его на ужин, – объявил Люк дворецкому, вспомнив о божественном аромате на кухне у Ребекки.

– Тушеное мясо? – Майлз принялся и почмокал губами. – Нет, Джудит приготовила жареную баранью ногу с овощами и желе из красной смородины на гарнир, а на десерт будет крем-брюле.

Люк пожал плечами и продолжил восхождение по лестнице из черного дуба.

– Что ж, неплохо, – сказал он без особого воодушевления, – вели

приготовить мне горячую ванну, – и ушел в свои апартаменты.

Люк уселся за огромный обеденный стол красного дерева, взял аккуратно сложенную салфетку, но не стал разворачивать, а с рассеянным видом начал взъерошивать мокрые волосы, подсушивая их.

Что-то не так, подумал Майлз, не сводя с него глаз. Что-то с ним случилось.

– Брат вернулся из города?

– Нет, милорд.

Закончив ужин, Люк налил себе из графина бренди и, отпив немного золотистой, как мед, жидкости, встал и подошел к окну, мечтательно устремив взгляд на запад, где за лесом, в маленьком домике, жила Ребекка Нэш, которую он скоро снова увидит, которую ему необходимо увидеть, чтобы убедиться, что она ни в чем не нуждается, кроме... его объятий.

При воспоминании о ее дразнящих, возбуждающих поцелуях жесткое выражение его лица смягчилось, черные глаза умиротворенно засветились. Он представил их первую брачную ночь... Ее великолепные золотисторусые волосы разметались по белоснежным подушкам... прекрасные бирюзовые глаза полны волнующей страсти...

– Молодой мистер Трилоуни вернулся, – деликатно кашлянув, доложил дворецкий. С хозяином определено что-то происходит, подумал он. Как сияют глаза! Словно он увидел ангелов небесных! – Он не один, милорд, – многозначительно добавил дворецкий.

Люк ничего не отвечал, усаживаясь поудобнее в кресло у камина.

– Тебе подарок из города! – входя в столовую, воскликнул Росс, с улыбкой глядя на брата. Затем рассмеялся и распахнул дверь настежь. – А вот и Джордж! Мы встретились с ним в таверне «Бык и мышь». Он никак не может уехать домой.

Люку стало неприятно, оттого что Джордж болтается здесь, а не возвращается к своей жене и сыновьям. Он раздраженно бросил салфетку и пошел из столовой... В холле он увидел трех девиц не старше двадцати – двух жгучих брюнеток и одну платиновую блондинку.

Люк удивленно взглянул на Джорджа. Тот отвел глаза, со странной улыбкой на губах. Люк резко повернулся к брату.

– Как ты посмел привести в дом этих шлюх?! – накинулся он на него.

– Мы же все равно скоро вернемся в Корнуолл... – Росс кивнул в сторону дворецкого. – Ему я сказал, что это сестры Джорджа, и он на всю ночь отпустил прислугу. – Они с Джорджем переглянулись и оба громко расхохотались. – Наш дворецкий слеп, как крот, он верит всему, что ему ни скажи...

– Он не слеп, он уважительный. Раз ты сказал, это сестры Джорджа, значит, он не смеет тебе не верить.

– Блондинка для тебя, – прошептал Росс на ухо Люку. – Ее зовут Молли.

Молоденькая девушка, должно быть услышав свое имя, громко засмеялась и, победоносно взглянув на подруг, приняла соблазнительную позу. Ее серебристо-сиреневое платье зашуршало, переливаясь в свете свечей, и на Люка пахнуло изысканными духами. Да, эти девицы стоят дорого...

Молли Паркер двинулась в сторону Люка, и он увидел сильно нарумяненное лицо, крашенные сажей ресницы и яркие губы, которые девушка призывно облизала языком, заметив, что Люк смотрит на нее.

– Ты же сохнешь по блондинке... – сказал хриплым голосом Росс стоявшему в нерешительности Люку. Тот усмехнулся, и Молли обняла его за шею, прижавшись к нему всем своим гибким телом.

В дверь постучали. Майлз, кляня на чем свет стоит этот беспокойный вечер, нехотя поплелся открывать... На пороге дома стояла Ребекка.

Глава седьмая

Люк не поверил своим ушам, когда услышал свое имя, произнесенное голосом Ребекки. Ребекка на мгновение остолбенела, но вдруг резко развернулась и сбежала с крыльца усадебного дома так быстро, будто на нее спустили свору цепных собак.

Не задумываясь, она бросилась, не разбирая дороги, к амбару, где могла быть Люси.

Люк, выскочив вслед за ней, побежал было в «Саммер-Хауз», но скоро понял, что ошибся, и вернулся в усадебный дом.

– Ребекка! – во всю силу своих легких крикнул он, вложив в этот зов такую боль, что девушка остановилась как вкопанная.

Черная шаль соскользнула с плеч Ребекки, и Люк не спеша пошел к ней, дрожащей от холода и горя, не смеяшей двинуться с места. Казалось, воля Люка приобрела сверхъестественную силу и заставляла стоять не двигаясь. Но, испугавшись его прикосновения, она побежала.

Домчавшись до амбара и поняв, что Люк все равно догонит ее, она резко обернулась к нему.

– Не подходите ко мне. Пожалуйста, не подходите! – не то просила, не то угрожала Ребекка.

Люк медленно приблизился, оперся рукой о стену амбара и склонился к ней.

– Что вы думаете обо всем увиденном? – сдавленным голосом спросил он.

– Ничего... – прошептала она.

– Как? Разве вы не видели трех потаскушек в холле?

– Не трогайте меня! – отпрянула она от руки Люка.

– Значит, вы все-таки видели! – упрямо настаивал он.

Ребекка вытерла слезы.

– Простите, что помешала вам, – обессилено сказала она. – Люси исчезла, я должна была найти ее, обыскала весь «Саммер-Хауз» – ее нигде нет. Оставалась одна надежда – найти ее у вас. Может быть, вы знаете, где Джон?

Тут дверь амбара открылась, показалась взлохмаченная голова Джона, послышалось хихиканье Люси, и они в обнимку вышли из амбара.

Люк, медленно закипая от гнева, направился к счастливой парочке. Видя это, Ребекка бросилась вперед и закричала:

– Люси! – В голосе ее слились воедино и радость, и осуждение. – Где я тебя только не искала! Что ты здесь делаешь?

Молодые люди мгновенно отпрянули друг от друга.

– Что я здесь делаю? – переспросила дерзкая девчонка. – Разве его светлость не знает? Или он не любит заниматься этим с вами?

Ребекка замахнулась, чтобы ударить нагло улыбающуюся девчонку, но Люк схватил ее за руку и, обняв за плечи, отвел подальше от Люси.

Налетевший северный ветер нервно хлопал амбарной дверью.

– Сейчас же извинись перед лордом Рэмсденом за свою дерзкую выходку, Люси.

– Я сказала чистую правду! – упиралась Люси, глядя в потемневшее от гнева лицо Люка.

– Джон, отведи Люси в дом, – приказал Люк властным тоном, но, вспомнив о трех девицах, остановил его: – Нет, не надо. Выкати из сарая карету, посади туда Люси... одну, и не спускай с нее глаз.

– Слушаюсь, милорд, – медленно промямлил Джон и взял Люси за руку.

Люк ждал, играя желваками и глядя себе под ноги, но вдруг пнул носком сапога подмерзшую землю и прорычал, глядя исподлобья на молодых людей:

– Убирайтесь сию же минуту!

Джон испуганно вскинулся на хозяина и потащил Люси к усадебному дому.

– Ребекка, не гоните меня. – Взяв девушку за руки, Люк притянул ее к себе.

Но Ребекка твердо решила больше не поддаваться на уговоры. Подумать только, этот человек клялся ей в любви и в то же время водит шашни с такими женщинами! Боль и обида захлестнули ее, и она не сдержалась:

– Вы носите имя Рэмсденов и приводите в дом этих... – она запнулась, не в силах произнести резкое слово, – этих женщин! Ничего более отвратительного и придумать нельзя!

– Неужели вы все забыли? – пристально вглядывался в ее заплаканное лицо Люк.

– Я все прекрасно помню. Помню, как вы сегодня днем сделали мне предложение и я дала согласие, но не понимаю, зачем это сделала. Не понимаю теперь, когда узнала, какой вы развратник.

– Позвольте, я все объясню, Ребекка...

Она отвернулась, боясь захлебнуться в теплом запахе вербены.

Почувствовав, что сдается, Ребекка стала ожесточенно нападать:

– Почему вы обнимались с этой женщиной, улыбались ей? Я хорошо ее запомнила. На ней было сиреневое платье... у нее белокурые волосы, и вообще она довольно хорошенькая... – И осеклась, вспомнив, что обольстительница была очень молоденькой. – Нам с Люси пора домой.

– Хочешь или нет, я все равно расскажу, как Росс приехал из Брайтона и сказал, что привез мне подарок. Я его ни о чем не просил. Он сам заметил, каким я стал раздражительным и невеселым из-за одной блондинки, и решил меня развлечь. Я был вне себя от злости. Поверь, она сама повисла на мне, а я даже не успел разглядеть ее. – Люк жадно вглядывался в красивое лицо Ребекки, которое сейчас казалось вылепленным из гипса. – Ты веришь мне, Ребекка? – спросил он хриплым от волнения голосом.

– Не верю. – Она с трудом сдерживала слезы.

– Почему?

– Потому что я вас совсем не знаю. Потому что принадлежим мы к разным слоям общества. И потому что я понятия не имею, на что способны богатые и знатные люди. У моего дяди были отношения на стороне. По слухам, в деревне живут его дети. Но все происходило уже после смерти его жены. Мужчины вашего круга позволяют себе при законной жене иметь двух любовниц под видом экономок. – Вспомнив, как он предлагал ей стать любовницей, она едва сдержалась, чтобы не закричать от боли и обиды, вдруг захлестнувших ее. Вместо этого она, запинаясь, тихо сказала: – Никогда я не приму такой образ жизни.

Лицо его стало непроницаемым и совершенно спокойным, но под этой маской затаилась угроза. Ребекка испугалась, повернулась, было уйти, но Люк преградил ей дорогу.

– Вы отказываете мне, потому что решили, что я буду постоянно изменять вам?

– Хватит, достаточно! – Ребекка мечтала только об одном – поскорее вернуться в «Саммер-Хауз».

Но Люк был настроен воинственно, он наступал, пока она не прижалась к стене амбара. Она взглянула в его глаза с немой мольбой о пощаде, но не увидела ни нежности, ни поддержки.

– Я должен вас просить еще раз поверить мне и довериться. Я не совершал того, о чем вы подумали, когда вошли в дом. – Пока он так говорил, Ребекка сделала попытку ускользнуть от него, но он оперся второй рукой о стену амбара и навис над ней почти вплотную.

Его спокойный, почти монотонный голос возмутил Ребекку. Она стала

бить кулачками в его широкую мускулистую грудь, чтобы он отпустил ее. Но Люк наклонился и прижался губами к ее дрожащим губам. Она вспомнила утренний поцелуй и не смогла устоять, когда он крепко прижал ее к себе, не прерывая долгого поцелуя. Но чувство унижения оттого, что Люк снова без труда подчинил ее, не покидало девушку, и она продолжала бить кулачками ему в грудь, не в силах, однако, отказаться от его поцелуя.

Когда Люк оторвался от ее губ, дыхание его было прерывистым. Он взял Ребекку за руку и, не говоря ни слова, повел к своему дому, на крыльце которого стоял подвыпивший Росс со стаканом виски в руке.

– О, Люк! Куда ты ушел? Я уже начал волноваться, – растягивая слова, проговорил он.

– Дорогой братец! – в сердцах воскликнул Люк. – Тебя-то я и хотел видеть! Расскажи Ребекке, кто те женщины и как они оказались в моем доме, – ледяным тоном приказал Люк.

Росс посмотрел на брата, перевел взгляд на Ребекку с подозрительно припухшими и покрасневшими губами, обменялся многозначительным взглядом с Джорджем и сказал:

– Как «кто»? Это сестры Джорджа!

– У него сестры – девицы легкого поведения? – не удержалась Ребекка от ядовитого замечания.

– До вас тоже дошли эти слухи, Ребекка? Клевета! – Росс невозмутимо посмотрел на Джорджа, хитро ухмыляясь. Но тот пребывал в нерешительности. Он боялся бросить тень на репутацию своих незамужних сестер, оставшихся дома, в Корнуолле, и в то же время не прочь был продолжить шутку.

Росс повернулся к брату и... упал словно тряпичная кукла, получив сильный удар в лицо.

– Сейчас же забирай своих потаскушек из моего дома и не показывайся мне на глаза! Живи где хочешь – у Джорджа, у его проклятых «сестер», только не возвращайся, иначе я за себя не отвечаю. Понял? – кричал Люк младшему брату, совершенно ослепленный гневом.

Гостиная наполнялась запахом увядающих роз из розария. Люси пела, аккомпанируя себе на фортепиано, Ребекка сидела у открытого окна, в

которое светило яркое солнце. Стояла середина октября, бабье лето было в разгаре.

Ребекка вышла в сад и направилась в розарий. Взяв острый садовый нож, оставленный Грегори, она срезала две темно-красные полураскрытые розы и с наслаждением вдохнула их тягучий аромат.

– Мисс Нэш? – раздался за ее спиной незнакомый мужской голос, и Ребекка вздрогнула, уколотившись о шипы нежно-розового бутона, который она собиралась срезать.

Девушка выпрямилась и с недоумением посмотрела на незнакомого мужчину.

– Кто вы? – настороженно спросила она.

Незнакомец внимательно, как-то беззастенчиво рассматривал ее светло-голубыми глазами. Ей стало не по себе.

– Я ищу Саймона Нэша. Он ведь ваш брат?

– Увы, я ничем не могу вам помочь, – холодно ответила Ребекка. Бесцеремонный взгляд мужчины начинал раздражать ее. – Я тоже ищу его уже несколько лет, но безуспешно.

– Что ж, примите мои извинения, мисс, – засмеявшись, проговорил мужчина. – Я думал, вы знаете, где он. Последний раз мы встречались с ним в июне.

– Как, вы видели Саймона? Этим летом? Где? Пожалуйста, скажите мне, сэр! Я потеряла всякую надежду разыскать его! – Увидев, что он не намерен отвечать ей, она торопливо добавила: – Нам с братом надо решить кое-какие семейные дела.

– Мне с вашим братом тоже необходимо кое-что уладить. Если он появится, скажите ему, что он мне очень нужен. И чем скорее он найдет Джека Блэккера, тем будет лучше для него. – Он лихо вскочил в седло, и Ребекка бросилась к нему, пытаясь задержать его.

– Так вы и есть Джек Блэккер?

Удивление ее было искренне. Она представляла его грубым, нечесаным бродягой, а перед ней верхом на породистом скакуне восседал чисто выбритый, хорошо одетый мужчина со светло-голубыми глазами и каштановыми волосами.

– Вы обо мне слышали?! – удивился мужчина. – И что же?

Ребекка смутилась, не зная, что сказать. Говорить, что она наслышана о его незаконной деятельности, было бы довольно глупо. Да и от его пронизывающего насквозь взгляда Ребекке стало уже не по себе. Она попятилась к дому.

– Саймон рассказывал о вас, – нашлась она, наконец. – Скажите, сэр,

где вы в последний раз видели моего брата?

– В Гастингсе мы вместе обстригали одно дельце.

Ребекка похолодела от страха. Значит, это правда: ее брат – контрабандист. Вероятно, он опять задолжал Блэккеру.

– Как вы думаете, я смогу найти его там? – взмолилась Ребекка.

Джеку Блэккеру понравилась молодая женщина с удивительными глазами цвета морской воды. И она была красивее его рыжеволосой, вечно брюзжащей жены. Что ж, если Саймон Нэш не отдаст долг, ему придется распрощаться с сестрой.

– Хорошо, я скажу вам. Последний раз его видели в таверне «Бык и мышь» в Брайтоне, – честно признался Блэккер. – Я спрашивал там, и мне сказали, что он обычно приходит к ним по вечерам.

– Благодарю вас, сэр. Не сомневайтесь: если я найду брата, то передам ему вашу просьбу.

Он окинул ее долгим пристальным взглядом, тронул поводья и умчался в сторону Уэстбрука.

– Кто это был? – спросила Марта, открывая окно кухни.

– Какой-то приятель Саймона спрашивал, где его можно найти, – как ни в чем не бывало ответила Ребекка. Внутренний голос подсказывал ей, что надо быть предельно осторожной.

– Пирог с джемом испекся, идите пить чай, мисс Бекки! – сказала Марта и отошла от окна.

Нужно немедленно ехать в Брайтон и найти эту таверну, решила Ребекка, откусывая пирожок и запивая его горячим чаем. Не то Саймон может расплатиться с Блэккером деньгами из ее приданого. Без этих денег ей не вырваться из рук бессовестных людей...

Задумчиво глядя в одну точку, Ребекка с грустью призналась себе, что у нее нет ни денег, ни положения в обществе. Правда, у нее хорошие манеры и прочные знания, полученные от ее гувернантки, мисс Арден. К тому же еще бабушка Грейс в первом браке была баронессой Рэмсден. После смерти первого мужа она стала женой самого богатого негоцианта в Брайтоне, Грэнвилла Нэша.

Нэши были намного богаче обедневших к тому времени Рэмсденов и очень влиятельны. Жили они роскошно. Дедушка владел длинным рядом примыкающих друг к другу домов в самом престижном районе Брайтона. Когда принц Уэльский задумал построить изысканный по архитектуре дворец, названный впоследствии «Брайтон-Павильон», дедушка Грэнвилл выгодно продал ему эти дома, получив солидную прибыль. Когда Брайтон стал модным курортом, возросли прибыли дедушки от десятка других

таких же домов под общим названием «Паллада».

Ребекка печально вздохнула. Ее отец унаследовал несметные богатства, но, к сожалению, не унаследовал деловую хватку деда. Он был слишком мягким и доверчивым и плохо разбирался в людях, считала ее мать, иначе он не доверил бы приданое Ребекки своему сыну.

Старшая сестра Елизавета, выходя замуж, успела получить хорошее приданое. Саймон владел большей частью чудом уцелевшего поместья близ деревни Уэстбрук, и было тем более несправедливо, что он присвоил ее деньги.

Ей необходимо найти Саймона. Благодаря этим пяти тысячам фунтов она выиграет время, чтобы узнать, истинный ли джентльмен Люк Трилоуни. Этот мужчина вызывает в ней какое-то новое, неведомое чувство, которого она не знала с Дэвидом, не успевшим стать ей мужем. Она не может забыть его нежные ласки, страстные поцелуи. Звук его голоса заставлял ее сердце биться с удвоенной энергией. И она ничего не могла с собой поделать. Знала только, что неравный брак не может быть прочным и счастливым. Она скорее согласилась бы на брак с добропорядочным вдовцом, но не с Люком Трилоуни, который будет изменять ей с другими женщинами. Нет, жить с ним под одной крышей – значит разрушать свое собственное «я».

Что ж, спокойная жизнь в «Саммер-Хаузе» закончилась. Ребекка обвела взглядом кухню, горько сознавая, что скоро всего этого не увидит.

Она не была в Брайтоне с весны, все ее время отнимали ученицы. Завтра она поедет туда и найдет таверну «Бык и мышь», пронеслось у нее в голове. Марта ничего не заподозрит – она сама не раз уговаривала Ребекку почаще ездить в город. Кей и Адам ездят в Брайтон каждую среду, она поедет с ними. Кей как-то приглашала ее в гости. Они только порадуются, что она вняла их уговорам развеяться и переменить на время обстановку.

Глава восьмая

Майлз никак не мог сообразить, какая линия поведения хозяйина устроила бы его больше: уныние или безудержная радость. Вспышка эйфории три дня назад была случайностью и, слава богу, угасла в тот же вечер. Утром у его светлости было мрачное настроение, и все в доме ходили на цыпочках и разговаривали шепотом.

Майлз слышал от кого-то, что в возбужденном состоянии люди безудержно радуются и смеются, но скоро впадают в подавленное настроение и начинают придирается по пустякам. Поговаривали, что все живущие в Корнуолле именно таковы по складу характера.

Только он подумал о хозяйине, как в огромном зеркале на стене появилось отражение молодого человека, поправлявшего шейный платок смуглыми сильными руками. Увидев в зеркале отражение Майлза, Люк соорудил некое подобие улыбки.

Майлз засуетился и перенес свое внимание на лайковые перчатки, лежавшие на столике под зеркалом. Не такой он дурак, чтобы принять эту улыбку на свой счет. Он не мог рассчитывать даже на ее половину. Он знал, что шестой барон Рэмсен не в лучшем настроении вот уже третий день.

Даже всегда веселый Росс и тот заметно изменился. Последние три дня он чем-то подавлен и бесцельно слоняется по дому, что было на него не похоже. Вероятно, у них в семье случилось какое-то несчастье. Немудрено, что все Трилоуни потеряли рассудок от горя.

Его светлость бубнит себе под нос проклятья, иногда злобно ухмыляясь... Или стоит у окна и с грустью смотрит вдаль. Они совершенно забыли, что собирались возвращаться в Корнуолл, так как оплачивают все счета, которые каждый день приходят в поместье... Он подождет еще уходить отсюда, подумал Майлз. Поживем – увидим.

Люк придиричливо вглядывался в свое отражение, поправляя складки серебристо-серого шейного платка, наконец удовлетворенно улыбнулся и взглянул в сторону Росса, прикорнувшего в неудобной позе на стуле. После случившегося он вел себя как послушный пятилетний ребенок: целыми днями сидел в библиотеке и читал или слонялся по дому с потерянным видом, почти не выходил из дома, хотя по натуре был очень легким на подъем. Люк взял свои перчатки и окликнул брата, но ответа не последовало. Тогда Люк свистнул, и Росс вскочил со стула, протирая глаза.

– Собирайся. Поедешь со мной в город развлечься, поиграть в карты,

выпить рюмку-другую. Мне кажется, Майлз посматривает на нас как на сумасшедших.

– Что ты обо всем этом думаешь? – спросила Кей, сморщив вздернутый носик.

– С тех пор как я приезжала в последний раз, здесь стало роскоши еще больше. – Ребекка придирчиво разглядывала «Брайтон-Павильон», подвергшийся очередной переделке. – Страшно подумать, сколько это может стоить.

– Поедешь со мной к моей маме? Она будет очень рада, – сказала Кей, беря Ребекку под руку.

– Я не могу, Кей, – поспешила отклонить приглашение Ребекка. – Передай ей от меня привет.

– И как ты намереваешься провести этот день в Брайтоне? Магазины? Морские купания? – поддразнила ее Кей.

– Видишь ли, сестра Елизавета попросила меня увидеться с ее давней подругой, которая живет здесь, в Брайтоне. – Подруга сестры действительно жила на Бейкер-стрит, и Ребекка уже обещала навестить ее. Только не сегодня. Но Кей об этом не надо знать.

– Значит, встретимся в семь на Шип-стрит, – предложила Кей, останавливаясь у дома своей матери. – К тому времени Адам закончит все свои дела, и к восьми мы вернемся в Грэйвли.

Это предложение совершенно не устраивало Ребекку. Она еще не знала, где расположена таверна «Бык и мышь», и ей необходимо было дождаться там брата, чтобы застать его врасплох. Если оставить ему записку, он сбежит, догадавшись, что ей от него нужно.

– Видишь ли, Кей, я не уверена, что успею к этому времени, и если меня не будет в назначенный срок, поезжайте одни, а я вернусь в наемном экипаже.

Кей пришла в ужас от столь смелого решения, и Ребекка постаралась ее успокоить:

– Пожалуйста, не волнуйся. Я так редко оставляю «Саммер-Хауз», что должна использовать время в Брайтоне с наибольшей пользой. – Она чмокнула Кей в щеку. – Передай своей маме наилучшие пожелания от меня.

С моря уже дул холодный, пронизывающий ветер, и Ребекка плотнее закуталась в плащ, махнула Кей рукой и быстро пошла прочь, накинув на голову капюшон темно-синего бархатного плаща, который скрывал ото всех ее лицо и золотистые волосы.

Ребекка торопливо шла по узким улицам Брайтона, дважды спрашивая дорогу: один раз – у фонарщика, который уже начал свой обход, другой – у женщины, торговавшей горячими пирожками. От вкусного запаха баранины с луком у Ребекки засосало под ложечкой, но она решила не тратить деньги.

Таверна оказалась дальше, чем она думала, а тут еще начало быстро темнеть. Она забыла, что дни теперь намного короче. Порыв сильного ветра сорвал с ее головы капюшон, когда Ребекка, наконец, увидела вывеску на длинной Бревер-стрит: нахально ухмыляющаяся мышь сидела верхом на черном быке.

Двое мужчин, направлявшиеся к таверне, обернулись и бесцеремонно оглядели ее. Мгновенно покраснев, Ребекка сделала вид, будто рассматривает небольшой корабль, покачивавшийся на волнах у пристани. Мужчины продолжили свой путь и скоро исчезли в дверях таверны. А Ребекка стояла на пристани и размышляла, как лучше поступить. Может, остаться на улице, прогуливаясь перед таверной? Однако бесцельное хождение туда-сюда могло быть неверно истолковано мужчинами. Или войти в таверну и расспросить хозяина заведения?

Ребекка стояла и из-под капюшона следила за происходящим вокруг нее. Проходившие мимо джентльмены не обращали на нее никакого внимания. Это придало ей решимости, и она, плотнее закутавшись в бархатный плащ, незаметно вошла в таверну «Бык и мышь».

Войдя, Ребекка растерялась, поскольку несколько коридоров веером расходились от входа.

Она выбрала и пошла наугад по одному из них до комнаты, в открытой двери которой увидела джентльменов, куривших сигары и игравших в карты.

– Эй, поосторожнее, – раздался вдруг не очень дружелюбный женский голос.

– Простите. – Ребекка с удивлением уставилась на толстые ноги в домашних тапочках, подняла глаза, и перед ней предстало полное багрово-красное лицо женщины в кружевном чепце не первой свежести, из-под которого выбивались каштановые с проседью волосы.

– Вы, собственно, зачем здесь? – спросила Куини Спенсер, именно так звали женщину, смерив взглядом девушку и презрительно скривив

подкрашенные губы.

– Я к хозяину таверны, – вежливо объяснила Ребекка. – Мне необходимо с ним переговорить.

– О чем, интересно? – переспросила ее Куини. – Можете говорить со мной. Я его жена.

– В таком случае помогите мне, – взмолилась Ребекка.

Она устало прислонилась к сырой беленой стене и облизала пересохшие от волнения губы. Откуда-то выскочили две девицы в лифах и юбках из прозрачного газа и исчезли в одной из комнат.

– Я ищу своего брата. Мне сказали, что он здесь бывает, и довольно часто, – закончила Ребекка почти шепотом. Она с ужасом поняла, что было бы безопаснее справляться о Саймоне у входа в таверну.

Женщина потянулась к девушке, чтобы снять с ее головы капюшон, и на Ребекку пахло сильным перегаром.

– Говоришь, ищешь брата? Раз ты ищешь брата – мы найдем его тебе. Уж будь уверена! – говорила Куини, оценивая бесцеремонным взглядом бледное, как алебастр, лицо девушки в обрамлении золотисто-русых волос. – Ну, и сколько же братьев тебе подыскать, моя красавица? – елеинным голосом спросила Куини, перебирая в уме подходящую клиентуру.

– Мне надо найти моего брата, Саймона Нэша. – Ребекка с трудом выговаривала слова сухим от волнения языком. – Вы его знаете? Да или нет? Если не знаете, я приношу вам свои извинения и ухожу, – решительно сказала Ребекка, собираясь уйти.

Почувствовав это, Куини крепко уцепилась за ее руку и заворковала, поглаживая мягкий синий бархат:

– Пойдем, пойдем, моя уточка! Пойдем в мою уютную комнатку. Это самое тихое место, там нам никто не помешает...

– Мне во что бы то ни стало надо найти моего брата, – повторила Ребекка уже спокойнее, когда женщина привела ее в полупустую комнатку.

– Присаживайся, моя милая, – предложила Куини, не в силах отвести глаза от сказочно красивой девушки. Должно быть, тело ее столь же прекрасно, как и лицо. – Итак, ты сказала, что твой брат не раз бывал здесь... – приторным голосом заворковала Куини, что-то напряженно соображая. Эта девушка слишком воспитанная и не такая молоденькая для начинающей жрицы любви. Зато какая красавица! Уж тут не поспоришь. Такая может быстро стать самой востребованной красоткой в их заведении – джентльмены любят смену впечатлений, особенно в таком месте, как «Бык и мышь». Глядя на золотые пышные локоны Ребекки, рассыпавшиеся по синему бархату, покрывавшему ее плечи, Куини видела горы золота,

сыпавшиеся, как из рога изобилия, в ее карман.

Ее мечтания прервал ворвавшийся в комнату огромный мужчина средних лет.

– О чем ты только думаешь, глупая женщина? – набросился он на жену. – У стойки полно посетителей, я с ног валюсь, а ты... Это еще что? Что это такое?! – увидев Ребекку и осекшись на полуслове, прорычал мужчина, подозрительно глядя на хорошо одетую красивую девушку. Единственными добропорядочными женщинами, которые отваживались подходить к дверям его заведения, были дамы из благотворительных обществ.

– Эта молодая леди ищет своего брата, завсегдатая нашей таверны. И я думаю, как бы ей помочь. Может, ты что-нибудь придумаешь?

Бертрам Спенсер уставился на жену долгим пристальным взглядом, потом перевел взгляд на красивую молодую женщину, сидевшую на краешке грубо сколоченного стула. В его голове начало что-то проясняться.

– Как зовут этого... ее брата?

– Саймон Нэш, сэр, – быстро подсказала Ребекка, лихорадочно соображая, как выбраться из этого ужасного места, и проклиная ту минуту, когда она решилась войти в эту отвратительную таверну.

Бертрам прошептал что-то жене на ухо. Куини подскочила от радости и засуетилась вокруг Ребекки.

– Ну, тебе повезло, юная леди. У моего мужа – доброго, отзывчивого человека – появилась кое-какая задумка про молодого человека, которого ты разыскиваешь. – Куини тихонько кашлянула. – Вам с ним захочется побеседовать без свидетелей. У меня есть как раз то, что надо, – тихая, уединенная комната.

– Саймон уже здесь?! – воскликнула Ребекка. Улыбка впервые в этом злачном месте осветила ее лицо.

– Э... не совсем... но он скоро придет, – заверила ее Куини, кивнув для пущей убедительности головой. – Бертрам приведет его. Пойдем, я провожу тебя в уютную, тихую комнату. – Куини схватила Ребекку за руку и потащила за собой.

Она подтолкнула Ребекку к узкой крутой лестнице в конце коридора и стала буквально подгонять ее, идя почти вплотную за Ребеккой. Когда Ребекка останавливалась, Куини наваливалась на нее всем телом, а ее муж что-то недовольно бормотал.

– Давай поторапливайся, – ворчала Куини, и Ребекка услышала в ее голосе явную враждебность.

Дойдя до лестничной площадки, Ребекка оглянулась: супруги Спенсер

не спускали с нее глаз.

Куини повернула ключ, открыв дверь в комнату с низким потолком, и отступила. Бертрам и его жена загоразивали собой лестницу, так что Ребекке ничего не оставалось, как войти, и... Ребекка похолодела от ужаса: посреди комнаты стояла большая широкая кровать... и больше ничего.

– Произошла какая-то ошибка! Пустите меня! – полуживая от страха, вырывалась из рук своих мучителей Ребекка.

– Нет никакой ошибки, моя милая! – зловеще усмехнулась ей Куини. Бертрам быстро вышел из комнаты. – Муж пошел искать молодого человека. И у вас будет достаточно времени для приятной беседы.

Ребекка почувствовала, как по спине побежали мурашки. Циничные намеки Куини смертельно ранили ее в самое сердце.

– Подите прочь! – закипая от гнева, вспыхнула Ребекка и бросилась к выходу, но женщина загородила дверь всем своим дородным телом.

– Здесь пятьсот, и я повышаю ставку еще на пятьсот фунтов стерлингов, – сказал Люк, доставая из кармана банкноты и присоединяя их к кучке измятых банкнот на середине стола. Росс тихо присвистнул, покачав головой, и сложил карты. Еще несколько игроков последовали его примеру.

Люк едва заметно улыбнулся и забарабанил пальцами по картам, не сводя глаз с молодого человека лет двадцати, как видно новичка, и намереваясь заставить того открыть карты. Видно было, что молодой человек поставил все имевшиеся у него деньги, надеясь, что его «легкая» рука непременно выиграет. Парень облизал пересохшие губы и судорожно оттянул шейный платок, словно тот душил его.

Взгляд Люка последовал за движением руки, и краем глаза он отметил, что в проеме открытой двери мелькнули золотисто-русые кудри. Люк рассеянно перевел взгляд на стоявшую неподалеку женщину, понял, что это Молли Паркер, и нахмурился.

Но его мимолетный взгляд воодушевил Молли, и она стала пробираться к карточному столу сквозь толпу зевак, следивших за игрой.

Встав у него за спиной, она тихонько забарабанила ноготками по его плечу. Он не прогнал ее, и Молли осмелела. Она обняла своего красавца за

шею, щекоча ему щеку прозрачным розовым газом рукавов платья. Запах ее духов живо напомнил ему родной Корнуолл и Венну, и он вдруг вспомнил, что живет отшельником с тех пор как уехал из дома.

Люк почувствовал нежный пальчик на своем подбородке и нетерпеливо вскинул голову – он закончил эту игру первым. Взглядывая на своего партнера слева, Люк опять невольно увидел открытую дверь и на сей раз удивленно воскликнул. Сидевшие за столом переглянулись, Молли вздрогнула и убрала руку с его плеча.

Росс пристально посмотрел на брата, проследил за его взглядом, но ничего, кроме клубов табачного дыма, не увидел.

Побледневший Люк внимательно изучал свои карты, которые держал веером перед собой.

Или у него галлюцинации, или он сходит с ума. Днем и ночью он думает только о Ребекке, и сейчас она пригрезилась ему наяву. Только походила на ангелочка в сапфирово-синем одеянии. Странно, он ведь никогда не видел ее в таком наряде! И почему ее сопровождали содержатели этого притона? С какой стати они-то ему привиделись?

Люк стал смотреть в дверной проем, в котором вскоре появился хозяин таверны. Тот, с трудом протиснув огромное тело в открытую дверь, подошел к мужчине у карточного стола и стал что-то шептать ему на ухо.

Люк видел, как лицо человека с водянисто-голубыми глазами оживилось, он радостно кивнул и быстро пошел к выходу вместе с хозяином, вкладывая ему в руку деньги. Оказавшись в коридоре, человек пошел к лестнице, а хозяин – в противоположном направлении, на ходу засовывая деньги в карман.

Люк похолодел. Ему не померещилось. Он почувствовал, как начинает подергиваться веко, по спине побежали мурашки, и, разжав пальцы, он бросил карты на зеленое сукно стола.

– Я выхожу из игры, – хрипло произнес Люк, едва молодой человек стал записывать свой проигрыш, и, резко отодвинув стул, встал из-за стола.

Просто смешно, пронеслось у него в голове, когда он стремительной походкой шел мимо Росса, продолжавшего играть. Ребекка наверняка дома... в «Саммер-Хаузе». Закончила все дела и отдыхает.

– Ты куда? – шепотом просвистел Росс.

– За девочкой, – на ходу бросил Люк. Росс расхохотался, обрадованный, что старший брат становится, как и прежде, беззаботным волокитой.

После ухода Люка игроки за карточным столом сошлись в едином мнении, что мало кто решится бросить игру в тот момент, когда тысяча

фунтов стерлингов плывет ему в руки.

Молли чуть не плакала. Росс поднялся и, обойдя стол, подошел утешить ее, вспоминая, как давно он встречался с блондинкой.

– Мистер Блэккер! – обрадовано воскликнула Ребекка. – Вы видели Саймона? – встретила она вопросом мужчину с водянисто-голубыми глазами.

Блэккер бросил на Куини многозначительный взгляд, красноречиво посмотрев на дверь.

– Счастливо оставаться с кавалером, милочка, – хитро подмигнув, пожелала толстуха и торопливо вышла из комнаты.

Не спуская рыбьего взгляда с Ребекки, Джек Блэккер шел на нее. Она было кинулась ему навстречу, но остановилась – в этом человеке было что-то враждебное.

– Вы видели Саймона сегодня вечером? – повторила она свой вопрос. – Мне кажется, хозяева таверны приняли вас за моего брата.

– Отблагодари меня... вперед, и я достану твоего братца хоть из-под земли! – Джек облизнул пересохшие губы. Господи, до чего же она хороша! В этом одеянии она выглядела небесным ангелом. Джеку не терпелось увидеть ее обнаженной.

Ребекка окаменела. От жуткого страха по спине побежали мурашки.

– Где мой брат? – ледяным тоном спросила она. – Здесь он или нет? Если нет, то я...

Но Джек не дал ей договорить, бесцеремонно схватив ее за руку и силой притянув к себе. Одной рукой он уже стаскивал с нее плащ, другой ощупывал ее грудь. Ребекка стала вырываться, отталкивая его, а он старался повернуть ее лицо к себе, и его толстые влажные губы уже неотвратимо приближались, заставляя девушку отчаянно сопротивляться, как вдруг у двери раздался тихий угрожающий голос:

– Или ты отпустишь мою невесту, или за последствия я не отвечаю...

Глава девятая

– Да что ты о себе возомнил?! – взревел взбешенный Джек Блэккер, крепко держа Ребекку. – Убирайся отсюда и жди своей очереди за дверью. Так я и знал, что эта бочка сала, чертов жадина Спенсер, не вытерпит и кого-нибудь подошлет.

– Люк... – прошептала Ребекка в радостном удивлении и с утроенной силой рванулась из рук контрабандиста. Джек посмотрел на нее, потом на Люка и, сообразив, как незнакомец назвал девушку, разразился громким смехом.

– Как ты сказал? Невеста? – переспросил он.

– Я сказал... ты сейчас же отпустишь ее, – повторил Люк с холодным спокойствием.

Джек почувствовал неодолимую угрозу и ослабил хватку. Ребекка бросилась к своему спасителю. А мужчина попятился в глубь комнаты, бросая на высокого, атлетически сложенного противника злобные, полные ненависти взгляды.

Блэккер облизнул пересохшие губы. В округе его знали и боялись, и не нашлось бы такого смельчака, который отважился бы ему перечить. Значит, этот незнакомец – чужой в здешних краях.

Пытаясь унять дрожь во всем теле, Ребекка крепко схватила Люка за руку, но вместо того, чтобы успокоить и ободрить, Люк оттолкнул ее, даже не взглянув, и спокойно пошел на обидчика.

Джек вспомнил, как держался этот парень за карточным столом – независимо и надменно, вспомнил, как этот малый достал из кармана пачку банкнот и положил на зеленое сукно. Перед ним явно был человек богатый.

И когда этот человек оказался на расстоянии двух шагов, Джек быстро вильнул от него и, сделав рукой широкий жест, пренебрежительно сказал:

– Если вам нравится именно эта – пожалуйста! Я могу и подождать. Тем более что внизу найдутся девочки поговорчивее...

Люк сжал, было кулаки, стиснув зубы, но в какую-то минуту решил: пусть убирается восвояси, ему надо поговорить с Ребеккой. Он остановился и показал мерзавцу на дверь.

Джек ушел бы молча, но ему жаль было денег, потраченных впустую. И кто-то должен же ответить за его унижение!

– Дружище, вы соизволите назвать себя?

– Люк Трилоуни из Корнуолла, – с достоинством представился Люк. –

Можете найти меня здесь в любое время, – добавил он, не спуская глаз с мужчины, который уже направился было к двери.

– Люк Трилоуни... Ха! – Джек разразился гомерическим хохотом. – Ты Люк Трилоуни?! – ехидно смерил он Люка взглядом с головы до ног. Да, у этого парня есть чувство юмора. – Если ты Люк Трилоуни из Корнуолла, то я – принц Уэльский, пригласивший тебя в «Брайтон-Павильон».

– Люк... – снова позвала его Ребекка жалобным, едва слышным голосом. Ее била сильная дрожь – то ли от холода, то ли от нервного потрясения. Скорее домой, подальше от этого жуткого места, от этого мерзкого контрабандиста.

Джек бросил на Ребекку тяжелый взгляд исподлобья.

– Кто он? Ты знаешь его? – спросил он тоном человека, привыкшего отдавать распоряжения.

– Люк Трилоуни, – прошептала девушка посиневшими от холода губами, не понимая, почему это имя производит на этого отъявленного негодяя такое впечатление – тот побледнел.

– Я рассчитаюсь с тобой в другой раз, – с ненавистью прошипел Джек и вышел, с грохотом захлопнув за собой дверь.

– Люк... – с мольбой прошептала Ребекка, дрожа от холода и чуть не падая от усталости. У нее было единственное желание – как можно быстрее уйти из этого страшного места, уехать домой и спать, спать, спать...

Люк подошел к двери, запер ее, вынул ключ и положил в карман.

Ребекка бросилась, было к Люку, но остановилась в нерешительности. Вглядевшись в его лицо, она поняла, что бесстрастное выражение было маской, под которой он скрывал едва сдерживаемый гнев и разочарование.

– Может быть, вы объясните мне, что вы делаете в этом злочном месте, где играют в карты и развлекаются с падшими женщинами? – спросил он таким тихим и уничтожающим голосом, что она закрыла глаза от стыда и горя, а в памяти всплыла картина – Люк в объятиях полуголой красотки в холле своего дома...

– А что вы делаете в этом ужасном месте? – закипая от гнева и обиды, воскликнула Ребекка.

– Играю в карты, – холодно ответил Люк. – Но вы не ответили. – Он был подчеркнуто вежлив.

Ребекка вздохнула.

– Я смертельно устала и хочу домой. – Она взяла с кровати свой синий бархатный плащ и направилась к двери. По дороге оглянулась, чтобы полюбоваться его необыкновенно красивым лицом, которое сейчас

потемнело от гнева. – Долго вы будете держать меня взаперти? – устало спросила она и вдруг зашлась в истерическом смехе. – Вот уже в который раз за вечер меня запирают в этой проклятой комнате!

Люк достал из кармана ключ и протянул его Ребекке, однако не тронулся с места. Она тоже стояла как вкопанная.

– Откройте! – потребовала Ребекка, с трудом сдерживая слезы, комок сдавившие горло.

Надо объяснить ему, что произошло ужасное недоразумение! Она даже представить не могла, что способна на такую чудовищную глупость. Никогда еще она не попадала в такое унижительное положение из-за своей непростительной наивности. Джек Блэккер одурачил ее, заманив сюда обещанием найти Саймона, и она ничего не заподозрила, хотя хорошо знала, что Блэккер – главарь преступной шайки. Она вела себя как ягненок, добровольно прибежавший на заклание.

Люк направился к ней. Ребекка отпрянула, чтобы с ним не столкнуться, но он продолжал идти на нее. Пятясь, она почувствовала край кровати и села. Хотела, было подняться, но Люк уже навис над ней как скала. А я словно птичка в клетке, пронеслось у нее в голове.

– Скажите мне, наконец, как вы здесь оказались? – тихо спросил он.

– Я пришла увидеться с Саймоном. Этот негодяй Блэккер посоветовал мне искать брата именно здесь.

– У вас есть брат по имени Саймон? – спросил Люк.

Ребекка кивнула.

– Когда Блэккер посоветовал вам искать брата в этой таверне? Где вы с ним встретились? – засыпал ее вопросами Люк.

– Он пришел в «Саммер-Хауз» вчера и спросил, не знаю ли я, где мой брат. Я ответила, что сама ищу его уже несколько лет. Тогда Блэккер сказал, что мой брат частенько навещает эту таверну, и я ему поверила.

– Что ему нужно от вашего брата, Ребекка?

– Думаю, денег. И подозреваю, что мой брат стал членом этой шайки разбойников. Наверняка они занимаются контрабандой, и Блэккер у них за главаря. Во всяком случае, ходят такие слухи.

Она испуганно взглянула на Люка. Тот стоял и улыбался.

– Так вы говорите, они занимаются контрабандой?

– Да, – прошептала она, не понимая, что он нашел смешного.

– Выходит, вам так не терпелось найти брата, что вы отважились войти в этот вертеп? – Он продолжал улыбаться.

– Да.

– Почему?

– Пять лет назад брат похитил мое приданое и исчез. Отец завещал мне деньги, когда мы с Дэвидом решили пожениться.

– Зачем вам приданое?!

Ребекка вскинула сверкающий взгляд.

– Действительно, мне приданое не нужно, так как замуж я не собираюсь. Но мне нужны те пять тысяч фунтов стерлингов, которые оставил мне отец и которые обеспечили бы мне спокойное будущее.

– Значит, замуж вы не собираетесь. Могу я считать эти слова ответом на мое предложение? Вы отказываете мне. Не слишком ли поспешное решение?

– Нет, что вы! Прошло уже несколько дней, – выпалила Ребекка. Сейчас она сообразила, почему так долго не виделась с ним – вне всяких сомнений, большую часть своего времени он проводил в местах вроде «Быка и мыши».

– Ребекка, вы скучали обо мне? Считали, сколько дней прошло с нашей последней встречи? – вкрадчиво спросил Люк, и она, покраснев, отвернулась, задев при этом его щеку золотыми прядями волос.

– Вовсе не скучала. Я думала, вы сами придете за ответом. Ни к чему мне было идти в усадебный дом, чтобы выяснить, что вы уехали в город, – поддела она его елейным голосом и со сладчайшей улыбкой на устах.

– Вы все еще помните, да? – Он взял ее за подбородок, заставляя смотреть ему в глаза. – Даже после того, как я вам поклялся, что ничего не было, о чем бы вам стоило беспокоиться.

– А я и не беспокоюсь... Я давно забыла обо всем. – Это была явная ложь, но Ребекка не моргнув глазом продолжала: – Мне абсолютно все равно, что вы себе позволяете. – Она приподнялась с кровати, но он даже не шевельнулся, чтобы дать ей дорогу. В своем отчаянном стремлении освободиться она ударила его по лицу и попыталась юркнуть под его руку, чтобы выбраться из этой ужасной комнаты. Но мужчина ухватил ее за плечи и опрокинул на кровать.

Ребекка отчаянно колотила кулачками по его лицу, и по плечам, и по груди, пока Люк не схватил ее руки и не прижал их к кровати, заведя за голову.

– Разве так обольщают нового покровителя, Ребекка? – пожурил он ее. – Начинать надо с ласки.

– Я вас ненавижу! Почему вы не оставите меня в покое? – крикнула она и зарыдала.

– Потому что не могу. И вы поедете со мной в Корнуолл, с обручальным кольцом или без – это уж как вам будет угодно. Поедте,

прошу вас!

– Я не только в Корнуолл, я даже по этой улице с вами не пойду! – покачала головой Ребекка и дерзко посмотрела ему в лицо.

– Пожалуй, вы правы, – задумчиво проговорил Люк, отпуская ее. – Действительно, не стоит пускаться в такой долгий путь только для того, чтобы вернуться обратно, – грустно проговорил он. – Ваш отказ, похоже, спасет нас обоих от лишних хлопот, а вас – от ненужного путешествия.

Он стал убирать выбившиеся пряди золотистых волос, осторожно касаясь смуглыми пальцами ее нежной кожи.

Это уж слишком, подумала Ребекка, чувствуя, как горло сдавил подкативший ком. Почему ей так не везет? Почему все дается с таким трудом? Невыносимо жаль, что умер Дэвид. Он любил ее так нежно, так уважительно. Он бы ни за что не бросил ее на эту мерзкую кровать и не стал говорить обидных слов.

Она вдруг поняла, что Люк сейчас поцелует ее, и уткнулась в мягкий матрас.

– Можно я поцелую вас, Ребекка? – тихо спросил он, нежно касаясь губами ее лица все ближе и ближе к ее губам. – Ну, пожалуйста, Ребекка, – молил он, касаясь губами уголков ее крепко сжатого рта.

– Нет! – вскрикнула она и попыталась подняться с кровати.

– Почему? Раньше мы целовались.

Ребекка нервно рассмеялась.

– Вы не целовать меня собираетесь. Это пустые слова.

– Стоит вам подать знак, и я перестану. Обещаю. – Она поняла по его голосу, что он улыбается.

И Люк начал целовать ямочку на шее, такую теплую и душистую. Ребекка замерла в блаженной истоме, когда его жесткий подбородок заскользил по ее шелковой коже. Она чувствовала горячее дыхание на лице и в невольном порыве прижалась к Люку всем телом. Он уткнулся лицом в ее плечо, и она вздохнула, закрыв глаза и плотно сжав губы.

Люка раздирали противоречивые чувства: он испытывал необыкновенный прилив нежности и желание защитить ее и в то же время его охватывала безудержная страсть к ней. Он спрятал лицо в ее густых душистых волосах и с наслаждением вдыхал нежный аромат лаванды. Только сейчас он понял, как доверчива ее душа. Одна лишь мысль о том, что Ребекка оказалась в столь мерзком месте, вызывала у него непреодолимое отвращение.

Хотя Ребекка долго мучила его, и мысли о ней терзали Люка все эти дни и ночи, все же он вздохнул с облегчением, поняв сейчас, что смог

предотвратить несчастье. От одной мысли об этом у него учащенно забилось сердце.

– Вы можете целовать меня, только не обнимайте, – прошептала она, больше не в силах противостоять его настойчивости.

– Что?! – Он не поверил своим ушам.

– Не давайте воли рукам, – повторила она, поворачивая к нему лицо.

– Клянусь! – серьезно сказал он и поцеловал ее в губы.

Ребекка закрыла глаза.

Он целовал ее не спеша, с наслаждением и страстью, сжав ее ладони в своих, чтобы удерживать охватившее его желание. Не отпуская ладоней девушки, он ласкал ее тело, то и дело ловко задевая и вороша ее юбки.

Ребекка поняла его тактику и быстро развела их сплетенные ладони в стороны. Люк спохватился и поднял руки к ее голове, лаская свободными большими пальцами нежное лицо. Очередной волшебный поцелуй длился дольше обычного.

Как он ни был поглощен поцелуями, от него не ускользали ни легкое подрагивание бедер Ребекки, ни интуитивное скольжение тела по покрывалу. Из ее горла вырывался приглушенный призывный стон, но она не отводила его пальцы от своего лица.

Люк заранее рассчитал чувственную стратегию, ни на йоту не отступая от задуманного, и сумел, не запутавшись в юбках, раздвинуть плотно сжатые ноги Ребекки своим коленом, и вот уже его нога покоится между ее бедер.

Он предвидел, что неожиданное вторжение вызовет у нее страх и протест. И действительно, она стала отчаянно вырываться. Но он так умело соблазнял ее ласками и поцелуями, что она затихла и смирилась.

Страстность и длительность их поцелуев стремительно нарастали. Люк становился все смелее. Ребекка поддалась его настойчивости, но вдруг отодвинулась от него, испугавшись столь бурного проявления собственных чувств.

Придя в себя, девушка тихонько ахнула, и Люк, почувствовав, как она напряглась, навалился на нее мощным телом и впился губами в ее губы, извиваясь в приступе страсти. Она глухо застонала, он оторвался от ее губ и притих.

Ребекка блаженно улыбалась, закрыв глаза. Но когда Люк попытался шевельнуться, она уперлась в него руками. Наклонясь над ее лицом, он не знал, что ему делать, но старательно избегал прикасаться к телу Ребекки, чувствуя, что в любую минуту может сорваться и не совладать с мучительным желанием.

Поцеловав ее еще раз, он с тяжелым вздохом поднялся с кровати и пошел к окну. Прислонился пылающим лбом к холодному стеклу. Потом подошел к двери и уперся в нее руками, внимательно рассматривая деревянные панели.

Несколько минут в комнате царил полная тишина. Обернувшись к кровати, Люк посмотрел на Ребекку долгим пристальным взглядом. Она лежала, не шевелясь, ее русые волосы с золотистым отливом сбились на одну сторону, несколько выбившихся прядей закрывали ее пылающее лицо.

Он увидел, как она, наконец, очнулась и повернулась на бок, выйдя из глубокого оцепенения, в которое ее поверг шквал совершенно новых, потрясающих впечатлений.

Значит, такая она, любовь, подумал Люк, и губы его скривились в иронической улыбке, – источник радости и мучений. Ему говорили не уезжать из Корнуолла. Бог знает почему он не прислушался к разумным советам. Он мог бы заниматься наследством Рэмсденов из Корнуолла, если хорошенько подумать. Но Люк очертя голову помчался в Суссекс, движимый каким-то непреодолимым чувством долга. Теперь-то он знает, что двигало им. Это судьба... рок... Раньше он в них не верил, относился к ним с иронией...

Люк подошел к кровати, поближе к Ребекке, присел на корточки и провел пальцем по ее щеке и губам.

Ребекка улыбнулась, но глаз не открыла.

– Мне очень понравилось целоваться с тобой, – простодушно прошептала она.

– Знаю, – ласково ответил Люк. – В следующий раз тебе понравится еще больше... если ты не будешь связывать мне руки...

Она удивленно открыла свои сонные аквамариновые глаза и улыбнулась. Люк снова провел смуглым пальцем по ее пунцовым губам, и Ребекка поймала его и, слегка прикусив, лизнула языком.

Господи, смилуйся!

Люк поднял ее с кровати и поставил перед собой, как маленького ребенка, лицом к себе. Она тут же обняла его за шею.

– В воскресенье мы поженимся, – категорическим тоном заявил он.

Накинув ей на плечи синий бархатный плащ и надев на ее русую голову капюшон, он в восхищении любовался ею. Ребекка смотрела на него широко раскрытыми глазами, и он не сводил глаз с ее доверчивого лица даже тогда, когда доставал ключ и отпирал дверь.

– Можно я отвезу тебя домой? – спросил Люк, ласково улыбаясь. Убедившись, что в коридоре никого нет, он взял ее за руку и повел к

лестнице.

Спускаясь по лестнице и ведя за собой Ребекку, он мысленно молился, чтобы им не попалась та платиновая блондинка, Молли. Откуда-то доносились женский смех и гоготание мужчин.

– Ты все-таки нашла своего братца, милочка? – вдруг раздался пропитой женский голос.

Ребекка мгновенно узнала его. Куини Спенсер!

Люк обернулся к хозяйке притона, и она недоуменно на него уставилась, соображая, откуда такой взялся. Гм, судя по дорогой одежде, он богат. И без сомнения, из высшего общества!

– Вы довольны, ваша светлость? – кивнув на Ребекку, подобострастно спросила она.

Люк окинул женщину презрительным взглядом и скривился. Можно не обращать на нее внимания, но что, если она поднимет шум? Лучше бы заплатить ей. Но как это сделать при Ребекке?

Неожиданно раздался знакомый смех, и Люк с удивлением увидел Росса, спускавшегося по лестнице с бутылкой виски в руке и обнимавшего платиновую блондинку. Выражения их лиц ясно говорили, что Росс и Молли не ожидали увидеть здесь Люка в столь поздний час. Росс приветствовал его с пьяным радушием, Молли ревниво смерила Ребекку взглядом.

Ребекка, услышав голос Росса, оглянулась. Воспользовавшись мгновением, Люк сунул в немытую ладонь Куини пригоршню банкнот и брезгливо вытер руку. Обняв Ребекку за плечи, он открыл входную дверь, и они быстро вышли на улицу.

Посадив Ребекку на своего вороного, Люк ловко вскочил в седло позади нее и пустил коня шагом по дороге, тянувшейся вдоль берега моря. Дул холодный, пронизывающий ветер. Люк пришпорил коня и погнал его рысью.

Ребекка прислонилась спиной к Люку и закрыла глаза. События этого вечера, одно за другим, медленно всплывали в ее памяти. Одни воспоминания повергали девушку в ужас, от других ее бросало в жар. Но одна навязчивая мысль не давала ей покоя.

– Вас действительно приглашали этим вечером в «Брайтон-Павильон»?

– Ага, – улыбнулся Люк.

– Я совсем ничего не знаю о принце-регенте и его дворе.

– Ну, я-то знаю, – сухо сказал он. – Поэтому решил, что мне лучше пойти в таверну и поиграть с Россом в карты.

– Вы предпочли таверну «Бык и мышь» и... карточную игру дворцу «Брайтон-Павильон» и его великосветским обитателям? – недоверчиво спросила Ребекка.

– Я в душе деревенский мальй, Ребекка. И люблю простые развлечения, а не людей из высшего света. И обещаю, как только мы поженимся, я стану совершенным домоседом и перестану играть в азартные игры. Поверьте мне, я буду образцовым мужем.

– Значит, я «простое развлечение»? – Она почувствовала себя уязвленной.

– Ну что вы! Очень сложное, – заметил Люк с иронией, бросив взгляд на ее красивое печальное лицо.

Ребекка отвернулась и, снова прислонившись к нему, предалась размышлениям о невероятных событиях этого вечера.

– Мне показалось, что Джек Блэккер знает вас, – заметила Ребекка, наслаждаясь теплом, исходившим от него. Молчание Люка заставило ее вновь обернуться и взглянуть на его помрачневшее лицо. В сгущающихся сумерках от нее все же не ускользнуло, что он побледнел.

– Я человек довольно известный. Меня многие знают, – уклончиво ответил Люк.

– Но мне показалось, он не обрадовался, услышав ваше имя, – настаивала Ребекка. – Почему?

Люк пожал плечами.

– Я видел его в первый и, надеюсь, в последний раз, – проговорил Люк вполне искренне.

Откинувшись назад, Ребекка прижалась к Люку, и, когда их пальцы встретились под ее плащом и переплелись, она вся затрепетала.

– У Джека Блэккера ужасная репутация! – сказала Ребекка. – Он настоящий разбойник... контрабандист, который закончит свой век на виселице. Одна надежда, что у брата хватит ума держаться от Блэккера подальше. Я думаю, контрабандисты живут в постоянном страхе, что их поймут и отправят на виселицу. А вы как думаете?

– Вы абсолютно правы, – согласился Люк серьезным тоном, но что-то в его голосе насторожило ее, ей даже показалось, что он смеется над ней.

Ребекка снова обернулась к нему, желая проверить свою догадку. Но Люк смотрел в другую сторону... Почувствовав на себе ее взгляд, он наклонился, чтобы поцелуем согреть ее холодные обветренные губы.

– Не волнуйтесь, я найду вашего брата, – сказал Люк и пришпорил своего вороного. Конь помчался галопом, и дальнейший разговор стал невозможен.

Глава десятая

Молли Паркер сидела за стойкой в пивном зале таверны и тайком наблюдала за Люком, лихорадочно соображая, как привлечь его внимание.

Но предмет ее вождлений отвернулся к окну. Она с досадой и отвращением посмотрела на горьковатое темное пиво, которое с удовольствием бы обменяла на рюмку настоящего французского коньяка.

Почему самым привлекательным для нее мужчиной оказался именно этот чужак из Корнуолла? Уже год она развлекает самых разных клиентов в «Быке и мыши». Были среди них и пленный француз, бежавший из-под стражи с военного корабля, и престарелый герцог, приковылявший в таверну повеселиться – может стать, в последний раз в жизни.

А этот корнуоллец баснословно богат. Она вспомнила две тысячи фунтов стерлингов, которые он оставил и ушел, даже не оглянувшись, и сердце у нее болезненно сжалось.

А пленный француз оказался без сантима в кармане...

Хозяин встретил его с распростертыми объятиями, приняв в качестве платы обещание щедро отблагодарить после возвращения на родину, и проводил в комнату Молли, шепнув ей, что это генерал де Монфор. Вымотанный француз немедленно заснул, предоставив Молли коротать одной скучный вечер.

Дверь пивного зала открылась, и Молли вскочила, поправляя смелое декольте и прическу. Она увидела, как Люк Трилоуни помахал вошедшему рукой, приглашая к себе за столик.

Саймон Нэш быстро вошел в пивной зал, окинув равнодушным взглядом комнату с низким потолком, стойку бара и Молли, которая, снова усевшись на свой высокий стул и бросив на вошедшего призывный взгляд, сразу пустила в ход весь арсенал обольщения – строила ему глазки, игриво улыбалась, томно поводя плечами, наконец, медленно повернулась к стойке, жеманно отпила из кружки... и передернулась от отвратительно вкуса теплого горького пива.

– Значит, вы получили мою записку, – с холодной сдержанностью проговорил Люк, жестом приглашая Саймона сесть напротив.

Саймон быстро уселся, одергивая рукава шерстяной синей рубы. Положив шляпу на стол, он, подумав, бросил ее на пол у стула, потом откинул с обветренного лба волнистую прядь светлых, как лен, волос и зыркнул своими холодными голубыми глазами на Люка, встретив плохо

скрываемые осуждение и возмущение.

Он сделал глубокий вдох и заморгал широко открытыми глазами, призывая на помощь всю свою наглость.

– Как видите, я перед вами, – отпарировал молодой человек. – Да я и сам хотел увидеть вас.

Люк улыбнулся: сразу видно, что этот парень плохо воспитан и не знает хорошего общества. Правда, ему все же трудно отказать в обаянии, которым он походил на свою красивую старшую сестру.

– Так вы искали встречи со мной? – удивленно воскликнул Люк, глядя на Саймона.

– Э... да. Я как-то сказал Блэккеру, что не прочь с вами познакомиться. Он рассказал мне, что вы... очень хороший знакомый Ребекки, и я подумал, что при... э... сложившихся обстоятельствах мне необходимо увидеться с вами.

Люк почувствовал, как его начинает трясти от гнева на будущего шурина.

– О каких обстоятельствах идет речь?! – прошипел он сквозь стиснутые зубы.

– Из-за которых вы оставили записки во всех местных тавернах с просьбой срочно встретиться и поговорить. – Саймон не понимал, что вызвало такой гнев у его собеседника.

Все происшедшее явилось для Саймона полной неожиданностью. На Блэккера он наткнулся в Хоршеме, и тот сообщил ему приятную новость, хотя и погорячился немного в первую минуту встречи.

Саймон прекрасно понял, почему Блэккер простил ему долг. Дьявольский ум этого проходимца быстро вычислил, какую выгоду можно получить из знакомства заезжего богача с Нэшами. Если слухи правдивы, значит, этот знакомый его сестры богат, как Крез, вдобавок он из древнего рода. Но поговаривают, что его лучше остерегаться. Все боятся его. И даже Джека Блэккера прошиб холодный пот, когда он услышал имя джентльмена, внезапно появившегося перед ним тогда в комнате.

Ребекке просто повезло при ее замкнутом образе жизни, размышлял Саймон. Она, конечно, красива, но круг ее общения очень ограничен, и сестра не обучена светским премудростям, а без этого не обойтись с человеком из высшего общества.

Саймону не терпелось узнать, как далеко зашли отношения Люка и Ребекки. Нельзя сказать, что его заботила честь сестры. Он понимал, что сестра уже засиделась в девках. Если намерения этого воспитанного джентльмена не столь благородны, как его имя, – что же, и такое случается.

Саймон не видел в этом ничего из ряда вон выходящего.

– Блэккер сказал, что вы назвались женихом сестры. Еще он сказал, что имя Трилоуни... – тут Саймон наклонился и заговорщицки понизил голос, – связывают с беспощинной торговлей. Он не успел рассказать мне все – нас неожиданно прервали... этой ночью... солдаты. – Он покраснел и беспокойно заерзал на стуле, дергая головой, будто ворот рубашки душил его.

– Какие? Таможенные? – притворно посочувствовал Люк. – Эти могут нагрянуть в любое время. Мы с Ребеккой решили пожениться. Ваша сестра поедет со мной в Корнуолл, – уже совершенно бесстрастным голосом сообщил Люк.

От этого известия Саймон чуть не поперхнулся. Его мозг лихорадочно заработал.

– Что это вы так забеспокоились? – заметил Люк насмешливо. – Думаете выступить защитником бедной сиротки? Не уверены, достоин ли я стать мужем Ребекки? – поддразнивал его Люк, с удовольствием заметив, как щеки Саймона залились ярким румянцем. – И где наследство Ребекки? Почему после смерти родителей вы бросили ее на произвол судьбы? Почему за пять лет вы ни разу не поинтересовались, как она живет? У меня достаточно причин хорошенько проучить вас!

Саймон хотел было вскочить, но Люк быстро через стол вцепился в него мертвой хваткой.

– Придется тебе, парень, посидеть со мной. Мы еще не закончили. Нам предстоит долгий разговор, – с издевкой говорил он, пригвозждая к стулу тяжелым взглядом своих холодных темных глаз.

– Думаю, теперь достаточно, – сказала Ребекка, взвешивая на руке корзину с собранной ягодой. – Марта напечет тебе, Люси, пирожков с черной смородиной в дорогу, а когда приедешь домой, будешь целую неделю пить чай с ее джемом.

Люси запустила руку в корзину с черной смородиной и отправила в рот полную пригоршню спелых ягод.

Ребекка прогнала ее подальше от живой изгороди, с тревогой посмотрев на проселочную дорогу, которая вела прямо в лес. Они шли не

спеша, каждая занятая своими мыслями, в тихом единении с природой.

– Мне надо с тобой поговорить, Люси, – осторожно начала Ребекка, почувствовав, что сейчас самое подходящее время сообщить о возвращении девочки в семью.

Люси повернулась к Ребекке лицом и, улыбаясь во весь рот, пошла спиной вперед, не спуская с Ребекки сверкающих глаз. Она тряхнула головой, и черные кудри рассыпались по плечам и спине.

– Вы хотите рассказать про того дворянина, что живет в усадьбе?

– И про него тоже, – согласилась Ребекка с улыбкой, невольно сочувствуя этой вертушке: возвращение домой, где ей не будут рады, омрачит светлый праздник Рождества. В пансионе она редко вспоминала о своей семье. Но делать нечего: Люси вернется домой еще и потому, что ее учительница выходит замуж.

Пока это тайна – Ребекка взяла слово со своего жениха, что он не объявит об их помолвке до ее разговора с Люси. Венчание должно было произойти в ближайшее воскресенье.

Ребекка уже направила родителям приходящих учениц записки с извещением о прекращении занятий, но с отчимом Люси была своя договоренность и обязательства, которые она должна выполнить, прежде чем станет замужней женщиной.

Мысль о том, что ей придется убеждать в этом Люка, заставила ее сердце учащенно забиться.

У прочного деревянного перелаза через колючую живую изгородь Ребекка остановилась. Поставив корзину на траву, она села на ступеньку, оставив место для Люси.

– Я думаю, ты уже знаешь, что лорд Рэмсен сделал мне предложение стать его женой.

– Что вы! Вовсе нет! – притворно возразила Люси.

Ребекка покраснела. Эта пятнадцатилетняя девчонка была опытнее и искуснее в любви, чем она. Ребекка вдруг осознала, что за один месяц жизнь ее совершенно изменилась, и она сама по-другому смотрит теперь на окружающий мир.

Люк стряхнул с нее оцепенение и пробудил в ней женское начало. Она доверилась ему душой и телом, потому что полюбила его, потому что уверена: и он любит ее.

– Это так, Люси. Свадьба состоится в канун Рождества. Я настояла на этом, чтобы дать твоему отчиму возможность найти подходящую замену моему пансиону.

– Вы решили отослать меня домой?! – ошеломленно выкрикнула

Люси, побледнев. – К нему?! – Она задохнулась от гнева при одном воспоминании об отчине.

– Я должна отвезти тебя домой, к твоей семье, – как можно мягче повторила Ребекка. – Мистер Трилоуни принял решение вернуться в Корнуолл, и, само собой разумеется, я должна ехать с ним.

– Я могу поехать с вами, – немедленно ухватилась Люси за эту возможность. – Вы станете светской дамой, и вам понадобится служанка. Я знаю эту работу, у меня была своя служанка, когда мой дорогой папочка был жив. Если бы не этот ублюдок, никто бы не разлучил меня с мамой и сестрой!

– Люси! – пристыдила ее Ребекка. – Воспитанная девушка никогда не скажет такое грубое слово. Что подумают о моем пансионе и обо мне твои мама и отчим, если ты, вернувшись домой, начнешь вести себя как простолюдинка?

– Он отвратительный, мерзкий ублюдок! – еще больше распаляясь, крикнула Люси. – И я не раз говорила ему это прямо в лицо. Как вы думаете, за что он бил меня? Да за то, что двери моей комнаты были закрыты. И за то, что я не давала ему трогать меня своими толстыми пальцами! – Она нервно засмеялась. – Иногда все же уступала ему, только чтобы он не приставал к моей младшей сестре Мэри. Нет, моего отчима только так и можно назвать, другого он не заслужил.

Ребекка похолодела от сказанного. Она обняла Люси и прижала ее к себе, думая ободрить и успокоить девочку и, чувствуя себя виноватой, ведь она с самого начала догадывалась, что Руперт Мэйхью способен на любую подлость.

– Выходите замуж за своего любовника, – зло прошипела Люси, отталкивая Ребекку. – Я вам теперь не нужна! Только я ни за что не вернусь домой! Никогда! – Люси вскочила и, подобрав свои муслиновые юбки, побежала к «Саммер-Хаузу».

– Люси дома? – едва вбежав в кухню, спросила Ребекка.

– Дома. Что-то случилось? – с тревогой спросила Марта, видя, что Ребекка чем-то взволнована. – Влетела в дом и скрылась, ничего не сказав, в своей комнате.

Обрадовавшись, что девочка здесь, Ребекка тяжело перевела дух. Рассказ Люси поставил ее в тупик. Ясно было одно: домой девочку отправлять нельзя.

Насыпав ягод в дуршлаг, Ребекка стала задумчиво лить воду из кувшина, время от времени встряхивая их.

Действительно, почему бы Люси не поехать с ними в Корнуолл? Не все ли равно Руперту Мэйхью, где его падчерица – за пятнадцать миль или за сто от дома или вообще в другой стране? Он ни разу не навестил Люси и не поинтересовался ее успехами в учебе, видимо, был уверен: за время обучения падчерица найдет себе подходящего жениха. Можно будет познакомить Руперта с Люком и Россом. А что? Руперту понравится, что Люси попадет в такое общество. Оба обаятельные, из хорошей семьи... хотя она почти ничего не знает о семье Трилоуни.

Люк говорил, что у них есть еще брат Тристан, который в его отсутствие управляет в Корнуолле всеми именьями. Есть и сестра лет шестнадцати-семнадцати. Мать Люка жива, а отец, к сожалению, умер.

Словхватившись, она вернулась к предложению Люси. Оно уже не казалось Ребекке таким абсурдным, но как Люк отнесется к нему? Что-то говорило ей, что предстоящий разговор будет на редкость бурным.

– Не может быть и речи! – воскликнул Люк, нежно глядя на Ребекку. – Иди ко мне, – лукаво улыбаясь, подозвал он ее к себе, глядя на вызывающе вскинутый прелестный подбородок.

– Выслушайте меня внимательно, – спокойно сказала она, не обращая внимания на его приглашение. – Говоря, что хочу продолжить обучение Люси после Рождества, я не предлагаю отложить нашу свадьбу.

– Слава богу. Я все время опасаюсь услышать нечто подобное. И все еще сомневаюсь, что надо откладывать свадьбу на Рождество, если можно обвенчаться завтра. Сейчас стоит хорошая погода, и переезд на запад...

– Ваше требование ускорить свадьбу не имеет к погоде никакого отношения, и вы знаете это, – перебила его Ребекка и покраснела под его гипнотизирующим взглядом.

– Разумеется, погода не главное, – согласился Люк. – Но желание быстрее обвенчаться говорит о серьезности моих намерений. – С этими

словами он взял ее за руку и повел в ее крошечную гостиную.

Люк осторожно усадил девушку в старое удобное кресло у камина, а сам устроился у ее ног на ковре.

– Что случилось? Вчера мы все обсудили: ты напишешь письмо Мэйхью, попросишь сообщить, когда он сможет забрать Люси домой...

Ребекка смотрела на языки пламени в камине и молчала. Тогда он взял ее за подбородок и заставил посмотреть ему прямо в лицо.

– Что происходит, Ребекка? – с тревогой спросил Люк, испугавшись, что она откажет ему. Он мчался в «Саммер-Хауз», чтобы увидеться с ней и сообщить потрясающую новость! Ему не терпелось рассказать ей, что он нашел Саймона и разговаривал с ним. Теперь ему было не до этого. – Позволь мне самому уладить все с Мэйхью, – осторожно предложил Люк. – Он мой сосед...

– Нет! – воскликнула Ребекка и так резко повернулась в его сторону, что ее густые золотисто-русые волосы взметнулись над плечами. – Не делай этого, – уже мягко и ласково проговорила она, подарив ему обезоруживающую улыбку.

Ребекка видела недоумение Люка, но не знала, как объяснить ему, в чем дело. Стоит ли рассказывать правду о Люси, или изложить все как собственные подозрения?

А как отнесется к этой истории Люк?

Вдруг он решит, что это не их дело? Она пристально вглядывалась в его красивое волевое лицо, лицо довольно темпераментного мужчины. Внезапно ей пришло в голову, что по-настоящему она его еще не знает. От таких размышлений кровь бросилась ей в лицо, в памяти всплыли его ласки и поцелуи.

Люк заметил, как она покраснела, но по-своему объяснил ее молчание.

– Ты о чем задумалась?

– Мне хотелось бы побольше узнать о тебе и твоей семье. О твоих друзьях... У камина так жарко, – торопливо сказала она, пряча покрасневшее лицо в прохладные ладони.

Сидя на полу, Люк придвинулся к ее креслу и, глядя на тлеющие угольки, протянул раскрытую ладонь к исходившему от камина теплу.

– Что тебя беспокоит, Ребекка? – Люк пристально смотрел на Ребекку, с нетерпением ожидая ответа.

– Я почти не знаю тебя, Люк. – Увидев его огорченное лицо, она торопливо добавила: – Но я очень счастлива, что мы скоро поженимся. – И девушка вздохнула, оттого что слова звучали неубедительно.

Ребекка протянула руку и стала гладить его по щеке, переняв эту ласку

у Люка. Она чувствовала, как напряжены его мышцы и стиснуты зубы. Люк не шелохнулся, только слегка улыбнулся, не сводя глаз с язычков угасающего пламени в камине.

– Ну, ну, хватит, Ребекка. Я понял, что сегодня ты намерена серьезно поговорить со мной. Ласки твои приятны, однако...

Она тут же отдернула руку от его лица, но он поймал ее ладонь и крепко сжал своей сильной рукой.

– Так... И что же мне тебе рассказать? – проговорил Люк тихо, словно разговаривал с самим собой. Держа ее ладонь в своей, Люк начал рассказывать: – Мне тридцать два года, большую часть своей жизни я провел в Корнуолле. Природа в наших краях суровая, но необыкновенно красивая. И люди под стать природе. У меня никогда не возникало мысли переехать куда-нибудь в более известное место. Бат мне нравился, но теперь все меньше и меньше – он стал модным курортом, – хотя с ним связано столько воспоминаний! Студентами мы с Тристаном и Россом часто устраивали веселые пирушки и прочие забавы. – Люк лукаво прищурился и так заразительно рассмеялся, что Ребекка не устояла и рассмеялась тоже. – Находясь, очевидно, под впечатлением от счастливых дней нашей молодости, я купил там дом, но он почти всегда пустует. Обычно живу в «Мелроузе». Но я не стану изображать из себя тихого, скромного обитателя усадьбы, затерявшейся в сельской глуши, или невинного агнца. Повзрослев, я стал вести жизнь типичного корнуолльского холостяка. Отец умер одиннадцать лет назад и оставил мне в наследство «Мелроуз», который так и не успел обустроить, хотя владел усадьбой тридцать лет. У отца и матери были настолько разные вкусы и представления о красоте, что даже деньги не могли помочь им договориться, они постоянно спорили. – Люк взглянул на Ребекку и улыбнулся. – Спорили о том, в какой цвет покрасить стены или какой формы должны быть окна или крыша... Это делало их жизнь яркой и насыщенной... Я не говорил, откуда у усадьбы такое название? Оно происходит от имени и девичьей фамилии моей матери – Демелза Пенроуз. Когда отец ухаживал за матерью, ей было семнадцать лет. Они любили назначать свидания у полуразрушенного дома некогда процветающей усадьбы. И отец пообещал ей, что в один прекрасный день он купит этот дом и еще несколько миль корнуолльского побережья и они, поженившись, будут там жить. После этого они с мамой ни о чем другом не хотели слышать, хотя отец мог купить любую усадьбу с прекрасным обжитым домом. Когда они через год поженились, то въехали в этот ветхий старый дом, похожий на лачугу бедняка. Отец постоянно его перестраивал и

надстраивал. Когда мы подросли, то стали помогать ему. Особенно преуспел Росс, вот откуда он так хорошо знает плотницкое дело, – добавил Люк с улыбкой.

– Какая романтическая история. Твой отец очень любил свою жену, – вздохнув, тихо проговорила Ребекка.

– Конечно, – подтвердил Люк. – И она его очень любила. Наш дом все-таки стал самым красивым в Корнуолле. Но после смерти отца его снова расширяли и достраивали, так как мама считала, что этот дом должен стать еще больше и лучше, чтобы дольше хранить память об отце. Моей матери сейчас пятьдесят один год, она по-прежнему очень красива, и у нее крепкое здоровье. С моей сестрой Кэтрин они любят подниматься на вершину утеса, у подножия которого стоит дом. Даже в дождь их не удержишь, хотя там небезопасно – дует сильный ветер. Но Кэтрин вбила себе в голову, что это самое красивое и спокойное место во всем Корнуолле, и каждого нового поклонника водит на утес – показать, какой великолепный вид открывается с его вершины! Ребекка, месяц назад я обещал обеспечить твое будущее... Мое обещание остается в силе. – Заметив, что девушка слегка поежилась и покраснела при упоминании о предложении стать его любовницей, он сокрушенно вздохнул: – Сможешь ты когда-нибудь простить меня?

– Теперь это неважно... – едва слышно прошептала Ребекка.

– Неправда, и я сожалею о случившемся. Прости меня, Ребекка! Я неверно понял ваши отношения с дядей. Надо же быть таким идиотом, чтобы подумать о тебе такое! Но у меня есть одно смягчающее обстоятельство: я неисправимый циник. А в общем я не такой уж плохой парень! Общительный, щедрый... – Он помолчал, задумавшись. – Даже слишком щедрый. Но тебя и твое внимание я ни с кем разделять не намерен. Так что придется отделяться от всех родственников. Только ты не волнуйся, мои родные тебя полюбят, – убежденно проговорил он, нежно глядя на Ребекку.

– А ты? – произвольно вырвалось у нее о потаенном.

Глава одиннадцатая

– Я, пожалуй, пошлю Грегори в усадьбу, – сказала Марта. – Пусть привезет ее домой. Она наверняка в тамошнем амбаре сидит по уши в соломе. Уж очень эта мисс своенравна и самолюбива, будто дикая кошка.

– Успокойся, Марта, – начала было Ребекка, но Марту прорвало:

– Пришло время сказать всю правду об этой... – продолжала та. – Она убегает каждый раз, как вы уезжаете с его светлостью в город, и делает это преднамеренно. Даю фунт стерлингов против одного пенни, что она бежит прямо к этому молодому плотнику, который чинил нам крышу.

– Марта, остановись, – настаивала на своем Ребекка, укоризненно глядя на пожилую женщину.

Но Марта с независимым видом вскинула подбородок, готовясь к новой атаке.

– Ты совершенно права, – примирительно сказала Ребекка. – Люси действительно могла пойти в усадьбу, чтобы встретиться с Джоном. О господи, который час? – бросилась она в гостиную посмотреть на старинные настенные часы в деревянном футляре. Часы показывали час дня, значит, с минуты на минуту должен был появиться Люк.

Вслед за Ребеккой увязалась и Марта. В это время дверь черного хода открылась, и вошел Грегори, неся в каждой руке по пучку моркови.

– Вытри ноги! – строго сказала ему Марта, но Грегори не обратил на нее никакого внимания. – Ребекка, когда его светлость приедет, вы не сразу просите его помочь найти Люси, – наставляла Марта. – Вы не догадываетесь, но у него есть веская причина, почему он берет вас в Брайтон, если сначала вы дадите ему это дурацкое поручение насчет Люси, то никогда этой причины не узнаете, – убежденно заявила женщина, скрестив руки на груди.

– Какая такая причина? – улыбнулась Ребекка.

Марта потеряла кончик носа, покрутила головой и ретировалась в кухню, откуда доносился вкусный запах сдобных булочек с корицей. Пожалуй, Марта действительно права, и Люси, как только они с Люком уезжают в город, тут же отправляется к Джону в усадьбу, думала Ребекка, выходя из дома.

У ворот пасторского дома она встретила Кей Эббот и рассказала ей о своей помолвке с Люком. Кей поздравила подругу, пожелав ей счастья и благополучия. Вернувшись домой и, узнав, что Люси так и не нашлась,

Ребекка решила подождать еще немного и лишь потом послать Грегори в усадьбу привезти Люси домой, тем более что сегодня ярко светит солнце и дороги слегка подморозило. Ребекка жалела несчастную сиротку и надеялась, что ей удастся уговорить Люка взять Люси с собой в Корнуолл.

Ребекка еще не оставила надежды добиться, чтобы Люси поехала с ними. Едва заметная озорная улыбка тронула ее полные губы. Ведь заставила же она Люка рассказать о себе. Правда, на ее вопрос... он так и не ответил.

Почему он промолчал? Почему не замечает, как она страдает в ожидании его слов о любви? Ей достаточно одного коротенького слова! Скажи он только «да!», и она от счастья была бы на седьмом небе! Из-за его непонятного молчания в ее голове рождались самые невероятные предположения.

– Ну-ка, дайте я посмотрю на вас, – сказала Марта, окинув Ребекку придирчивым взглядом. Потом пригладила пряди волос девушки, выбившиеся из тугого пучка, и расправила складки синего бархатного плаща, который Ребекка всегда надевала, отправляясь в город. – Самая красивая пара во всем Суссексе, – пробормотала она и пошла на кухню дать последние указания мужу – где искать Люси и какие слова говорить в душевительной беседе по дороге домой.

– Ты это сделал нарочно, – смеясь, сказала Ребекка, изогнув красивые темные брови.

Дело в том, что, когда дорога пошла под гору, карету сильно трянуло, и Люка бросило прямо в объятия Ребекки.

– Ты, надо полагать, ни разу в жизни ничего не делала нарочно, – с ехидцей проговорил Люк, любуясь своей невестой. С волнистыми золотисто-русыми волосами, молочно-белым лицом, на котором сияли необычного бирюзового цвета глаза, в синем бархатном плаще, который был ей очень к лицу, Ребекка выглядела настоящей красавицей.

А она смотрела в окно кареты, довольно улыбаясь, так как прекрасно понимала причину его пристального внимания к ней.

– Может быть, лет мне уже много, милорд, но я все еще не замужем и вынуждена иметь компаньонку, чтобы соблюсти приличия в Корнуолле, –

снова объясняла Ребекка свое желание взять с собой Люси.

– Думаю, в Брайтоне у тебя будет еще кто-то, кроме компаньонки, – насмешливо сказал Люк и улыбнулся, заметив, как она покраснела, удивленно вскинув на него глаза.

Люк устроился поудобнее на мягком сиденье своей кареты, молча смотрел на Ребекку полусонным взглядом. Она подалась вперед, прижалась щекой к его щеке, мысленно понуждая его проговориться. Неужели он... Но так быстро?... Как ему удалось?

– Ты нашел Саймона, – не могла поверить она.

Люк продолжал хранить молчание, но по тому, как дрогнули его ресницы и губы искривились в едва заметной иронической улыбке, Ребекка поняла, что нашел. Она обвила руками шею Люка и прижалась к его смуглой обветренной щеке губами.

– Пришлось воспользоваться преимуществами, которые дает мне мое положение, – пробормотал он и страстно притянул Ребекку к своей груди.

Услышав непривычный шум в карете, конюх и возничий ухмыльнулись и понимающе переглянулись. Возничий поцокал языком и, нахмутив густые темные брови, на мгновение задумался. Потом присвистнул, стал погонять лошадей, громко кашлять, чтобы заглушить звуки, доносившиеся из кареты.

– Саймон! – крикнула Ребекка с порога, как только увидела выгоревшую на солнце льняную шевелюру брата.

Молодой человек вскочил с кресла у камина и бросился ей навстречу, однако, услышав в голосе сестры не только радость от встречи, но и справедливый гнев, остановился. На какое-то мгновение оба замерли, приглядываясь друг к другу.

– Саймон! – снова воскликнула Ребекка. В мгновение ока она пронеслась по комнате и заключила брата в крепкие объятия. – Я так счастлива, что мы встретились, так счастлива, – шептала она.

– Я тоже очень рад тебе, Ребекка, – отозвался Саймон. Он почувствовал, как дрожат его руки и к глазам подступают предательские слезы. Ему вдруг стало стыдно, он уткнулся головой в сестрино плечо.

– Пойду посмотрю, готов ли обед, – тихо проговорил Люк, выходя из

комнаты.

Ребекка бросила взгляд в окно гостиницы, выходящее на оживленную улицу Брайтона в самом привилегированном районе города. Из их богато обставленной комнаты открывался необыкновенно красивый вид на пристань и на высокие волны с белыми барашками.

Внимание Ребекки привлекли две молодые леди, только что выпорхнувшие из роскошного фаэтона. Помахав на прощание денди, управлявшему экипажем, они, смеясь и весело болтая, быстро пошли по улице, и прохожие оглядывались им вслед, поражаясь их дорогой одежде из шелка, атласа и кружев.

– Если у тебя не было времени прийти ко мне, мог хотя бы написать, – пристыдила она брата, усевшегося возле камина и не сводившего глаз с язычков пламени. – Ты представить себе не можешь, как я волновалась, подозревая, в какую опасную переделку ты мог попасть! Ты хоть понимаешь, с какими негодями связался?

В ответ Саймон только вздохнул и запустил обе пятерни в свои льняные волосы. Но только он собрался что-то сказать в свое оправдание, как дверь открылась, и Саймон, облегченно вздохнув, поблагодарил небеса за отсрочку неприятного разговора.

Вошел Люк, за ним мажордом и целая вереница слуг, одетых в черное и кипенно-белое. Слуги молча входили и выходили, оставляя на покрытом белоснежной скатертью столе холодное мясо, рыбные блюда, всевозможные пироги, соленья и салаты. Мажордом расставил вино и сверкающие хрустальные бокалы, затем, поклонившись, так же молча вышел.

В последний раз такое обилие блюд Ребекка видела на торжественном свадебном обеде у своей сестры Елизаветы.

– Сколько еще гостей придет к нам на обед? – серьезно спросила она Люка.

– Никто к нам не приедет, – успокоил ее Люк. – Просто я подумал, что вы оба проголодались.

Стол был великолепно сервирован – матово поблескивали серебряные приборы, сверкали ослепительной белизной фарфоровые тарелки с ажурными фестонами по краю. В самом центре стола стояло блюдо с высеченным из льда сверкающим лебедем необыкновенной красоты, который возвышался в окружении дымящихся ломтей лосося, форели и других даров моря. Ребекка не удержалась и провела пальцем по изящно изогнутой шее лебеда.

Вспомнить, когда он так пировал, Саймон, как ни старался, не мог.

Когда он шел сюда, в животе у него громко урчало от голода. Два дня назад ему здорово повезло – этот человек угостил его жареным мясом в «Быке и мышши», когда они обсуждали... денежные вопросы. Оторваться от тарелки и поднять голову его заставила непринужденная беседа, прерывавшаяся веселым смехом, необыкновенно красивой пары, сидевшей рядом, которая прилагала немалые усилия, чтобы вовлечь и его в свой разговор. Саймон отделялся улыбками. Рот его был набит едой. Вопрос о пропаже пяти тысяч фунтов стерлингов мог всплыть каждую минуту, но Саймон надеялся выкрутиться. Если же ему это не удастся... Как поступит с ним этот властный господин, думать даже не хотелось.

Может, лучше начать самому? Будет легче направлять разговор в нужное русло, не омрачая радость встречи с Ребеккой. Для храбрости Саймон выпил целый хрустальный кубок красного вина и почувствовал, как приятное тепло разлилось по телу.

– Представляю, как ты меня презираешь, Ребекка, что я присвоил твое приданое, – неожиданно выпалил он.

– Верно, Саймон, – спокойно подтвердила Ребекка, обрадовавшись, что брат сам завел неприятный разговор о пропавшем наследстве. – От моих денег хоть что-нибудь осталось? – без обиняков спросила она, отодвигая свою тарелку.

Саймон метнул взгляд на Люка и снова уставился в тарелку.

– Совсем немного, – неопределенно ответил он. – Но я клянусь, что вложу оставшееся в прибыльное дело и верну все деньги целиком, – торопливо добавил он.

– Еще не найдены способы быстро разбогатеть, Саймон. Вернись к своим прежним хозяевам, и через несколько лет ты сможешь отдать все, что оставил мне папа. Ведь это мое приданое, – сказала она и краем глаза взглянула на непроницаемое лицо Люка.

Саймон тоже украдкой бросил взгляд на Люка, который с задумчивым видом вертел в руках серебряную вилку.

– Те деньги, что у меня остались, я хочу вложить в выгодное дело, – сказал Саймон, облегченно вздохнув, потому что это была половинная ложь. Только вчера он открыл в банке счет на условиях, поразивших даже выдавшего виды управляющего банком. Эти деньги предназначались Ребекке.

– Не надо, Саймон! – воскликнула Ребекка. – Не смей вкладывать деньги в предприятие, которое может оказаться весьма сомнительным!

– Что ты! Это очень прибыльное и верное дело, – возразил он искренне. – Компания занимается ввозом пряностей и фруктов. Уверю

тебя, дело надежное и выгодное. Мне просто повезло! Если я справлюсь, они возьмут меня к себе на работу.

– И все это оформлено по закону? – строго спросила Ребекка. – Может, ты снова связался с контрабандистами?

– Нет... Уверяю тебя, нет! – с жаром возразил Саймон, потом вдруг заколебался и сказал менее уверенно: – По моим сведениям, компания пользуется хорошей репутацией, во главе ее стоит человек, пользующийся большим уважением среди негоциантов. – Саймон старался не смотреть на Люка, и напрасно: он увидел бы, как загорелись темные глаза, а тонкие губы тронула насмешливая улыбка. – Прошу тебя, Ребекка, верь мне! Я очень жалею, что причинил тебе столько страданий. Когда папа доверил мне эти деньги, я подумал, что они посланы Богом, и решил, что брошу осточертевшую работу у Джилоуса, куда меня устроил папа, и стану моряком, о чем всегда мечтал.

– Он хотел как лучше, Саймон, – заступилась за отца Ребекка. – Он хотел, чтобы ты получил хорошо оплачиваемую профессию и всегда жил в достатке. Папа старался для тебя, Саймон.

– Нет, он старался исключительно для себя, – вспыхнул ее брат. – Беспомощный в финансовых делах, отец хотел, чтобы из меня получился удачливый коммерсант, который вернул бы дедушкины богатства, потерянные для нас из-за его мягкотелости и нерешительности. Когда я получил свою долю наследства, то решил, что настал мой час, и купил небольшое судно... Но отец переоценил мои способности, – грустно проговорил Саймон. – Я оказался таким же неудачником, как и он, – потерял не только свое наследство, но и твое... Почти все, – быстро поправился он. – Я был в отчаянии и имел глупость последовать сомнительным советам. Однажды, когда я проиграл Блэккеру в карты, он намекнул мне, что я могу хорошо заработать. Об остальном можешь догадаться сама. Блэккер обещал мне, что в случае, если мое суденышко разобьется о скалы в плохую погоду или его конфискует береговая охрана, он возместит мне понесенные убытки. Я разгадал его планы, но разве можно было пойти в полицию и донести на него, моего лучшего друга?

Ребекка подошла к брату и, обняв его за плечи, стала ерошить ему волосы, стараясь подбодрить и успокоить его.

– Ну, что сделано, то сделано, и не надо плакать над убежавшим молоком, – вспомнила Ребекка любимую поговорку Марты. – Если Люк считает, что это дело стоящее, то можешь оставить мои деньги себе. – Она взглянула на своего жениха и улыбнулась. – Ты знаешь эту компанию, Люк? Саймон, скажи Люку, как называется компания, и он выяснит, можно

ли ей доверять.

– Это уважаемая и процветающая компания, – без малейшего промедления ответил Люк, опередив Саймона. – Я тоже несколько не беспокоюсь о своих деньгах, которые вложил в это предприятие, – с улыбкой глядя на Ребекку, добавил он. – А теперь... – Люк подошел к своей невесте и взял ее под руку, – раз все подкрепились, мы отправимся за покупками. О, уже четвертый час! – воскликнул он, взглянув на свои золотые карманные часы.

– Что ж, нам действительно пора, – согласилась Ребекка.

– Вы составите нам компанию, Саймон? – обратился Люк к будущему шуину с такой интонацией, что Саймон, уловив скрытый намек, покачал головой.

– Нет... нет, я лучше останусь здесь и попробую все эти изысканные блюда, – вежливо отказался он, мгновенно придумав благовидный предлог.

Ребекка любовалась золотисто-оливковым шелком, который услужливый продавец разложил перед ней на прилавке. Она провела рукой по ткани и вопросительно посмотрела на Люка.

– Лично мне ты больше нравишься в синем, – сказал он, понизив голос.

Продавец услышал слова Люка и начал показывать им все синие ткани, имевшиеся в наличии, – от темно-синего с серебристым отливом бархата до тонкого, как паутина, василькового муслина.

Поскольку присутствующие в магазине дамы тоже захотели посмотреть на ткани, заполнившие весь прилавок, Ребекку немного потеснили и прижали к Люку. Многие из этих надушенных, разодетых женщин бросали восхищенные взгляды на высокого красивого мужчину, стоявшего рядом с ней, и Ребекка почувствовала, что начинает ревновать. Ее раздражало, что они плотно обступили Люка и бесцеремонно разглядывали его. Особенно ее возмутила высокая брюнетка с выразительными темными глазами, которая с нескрываемой симпатией смотрела на Люка и с ядовитой усмешкой – на Ребекку.

– Давай поищем более спокойный магазин. Похоже, здесь собрались все женщины города, – громко сказала Ребекка, смерив холодным взглядом

вызывающе наглую брюнетку.

– Ну, как, все купили? – раздался из толпы знакомый голос.

Ребекка обернулась, приветливо улыбаясь Россу, появившемуся на пороге в обществе довольно приятной молодой женщины.

– Помалкивай, Росс. Мы отсюда уходим, – оборвал Люк младшего брата.

Росс быстро представил им улыбающуюся мисс Арабеллу Стоун, которая после этого еще крепче вцепилась в руку Росса.

– Мы с вами, – мгновенно решил Росс, воспользовавшись возможностью составить им компанию. Застенчивая спутница была навязана ему ее коварной мамашей еще утром. Росс уже час искал ее, чтобы вернуть ей дочь, но хитрая женщина словно провалилась сквозь землю.

Прогуливаясь по набережной, Ребекка случайно бросила взгляд на противоположную сторону и радостно помахала женщине в нарядном розовом капоре, прогуливавшейся под руку с пожилой леди. Увидев Ребекку, они помахали ей в ответ и остановились. Люк покрепче сжал руку невесты.

– Сегодняшний день ты проведешь со мной. Кто эти дамы? – равнодушно спросил он.

– Это Кей Эббот, жена священника, и ее мама. Ты с ней знаком. Она приехала в «Саммер-Хауз» как раз в тот день, когда ты... – она вдруг замолчала, не сразу решившись закончить фразу, – пришел, чтобы сделать мне предложение...

– Ах, да, теперь припоминаю, – проговорил Люк, с улыбкой глядя на морской прибой. – Приятная женщина, – предельно кратко отозвался он о Кей.

– И это все, что ты можешь сказать о моей лучшей подруге? – нарочито строго спросила Ребекка. – Сегодня я рассказала Кей о нашей помолвке и моем отъезде из Брайтона. Мне придется расстаться с ней, когда мы уедем в Корнуолл, – печально вздохнула она.

– Не огорчайся. Кей будет приезжать к нам в гости, так что вашей дружбе ничто не угрожает, – успокаивал Люк невесту, сжимая сильной смуглой рукой ее маленькую молочно-белую руку.

– Знаешь, обед был превосходный, но еды осталось так много... Надо обязательно пригласить Росса на ужин. – Она боялась, что все оставшееся пропадет, и деньги будут выброшены на ветер.

– Желая провести этот день исключительно с тобой – только ты и я, – заявил Люк, но вдруг хлопнул себя по лбу, будто неожиданная мысль

только что пришла ему в голову. – К тому же, если пригласить Росса на даровой ужин, он так напьется, что завтра не встанет... – С этими словами он повернулся к брату.

– Не делай этого, Люк! Не прогоняй его. Он догадается, что мы хотим от него отделаться.

– Хорошо... – начал, было, Люк, но неожиданно заговорил Росс.

– Давайте пройдемся по берегу, – предложил он, ускоряя шаг.

Мисс Арабелла едва поспевала за ним.

На пляже Росс высвободил руку Арабеллы из своей и подвел ее к Ребекке.

– Мне кажется, две молодые леди всегда найдут о чем поговорить: о моде, о шляпках и тому подобном, – предложил он. – Нам с Люком просто необходим бодрящий морской воздух.

Росс бесцеремонно потащил Люка к широким деревянным мосткам, омываемым морским прибоем. Люк нахмурился и, извинившись перед Ребеккой, пошел за братом мимо выдавших виды суденышек, мимо сохнувших сетей к серебристой глади воды.

– Какой здесь ужасный запах! – сморщила носик Арабелла. – Это и есть лорд Рэмсен, да? – спросила она, как только братья отошли на достаточное расстояние. Прищурившись, она проследила за удалявшимися мужчинами и повернулась к собеседнице.

– Да, – подтвердила Ребекка, почувствовав на себе пристальный взгляд Арабеллы. Серые глаза мисс Стоун внимательно изучали Ребекку, и она поняла, что не зря боялась модных молодых леди из знатных семей, которые попытаются отбить у нее Люка. Ребекка вспомнила магазин тканей и бессовестных женщин, нагло рассматривавших Люка.

– Моя мама сказала, что он ужасно богат и к тому же холост. Они с братом такие красивые! Но это все, что о них доподлинно известно.

Ребекка смотрела, как Люк и Росс сошли с мостков и направились к морю. Ее жених выделялся высокой стройной фигурой и длинными волосами, которые нещадно трепал морской ветер. Он вдруг засмеялся, вероятно тому, что сказал ему Росс, и, оглянувшись, посмотрел на Ребекку и Арабеллу. Несмотря на довольно большое расстояние, Ребекка почувствовала, что Люк смотрит именно на нее, и, когда он поманил ее, она, не задумываясь, подчинилась его приказу.

– Неужели вы пойдете на пляж? – недоуменно глядя на Ребекку, воскликнула Арабелла.

– Конечно... Пойдемте вместе, – позвала ее Ребекка. – Мы постоим на деревянных мостках, и ваше платье не намокнет.

– Мама убьет меня, если обо всем узнает. Это платье... – Анабелла посмотрела на подол своего сиреневого платья, видневшегося из-под теплой накидки, – ужасно дорогое. – Она усмехнулась. – Хотя напрасно я беспокоюсь. Мама, наверное, все еще гостит у своей подруги и весело проводит время. Когда они собираются, то говорят без остановки и сплетничают, сплетничают... – разоткровенничалась Арабелла, идя за Ребеккой по широкому деревянному настилу и стараясь не задевать пропахшие рыбой сети.

Росс понял, что ему не удалось отделаться от мисс Стоун, и начал куролесить. Он стал подталкивать Люка к кромке пенящейся волны, потом оставил брата в покое и побежал по мокрой гальке вдоль прибоя. Люк ловко увернулся, отряхнул пену с замшевых туфель, ничуть не сердясь на расшалившегося брата. Вдруг сорвался, догнал Росса, схватил его и толкнул в воду. Когда Росс выбежал на берег, оказалось, что брюки у него мокрые.

– О боже, – охнула Арабелла и засмеялась. – Только бы мама ничего не узнала. Такое вызывающее поведение приведет ее в ужас. – Она посмотрела на Ребекку с таким видом, будто они были участницами тайного заговора.

Ребекка не верила своим глазам, наблюдая за двумя хорошо одетыми красавцами, которые беззаботно резвились, как дети, нисколько не заботясь, что их увидят и осудят прохожие.

Вот так же они играли в детстве на корнуолльском пляже, подумала Ребекка и в это мгновение поняла, что такого Люка она любит еще сильнее.

– Арабелла! – раздался оклик совсем рядом, и ту словно подменили: сияющие глаза погасли, улыбка исчезла с лица, уступив место разочарованию. Не оборачиваясь и еще не видя матери, она помахала рукой.

Росс тут же подошел к девушкам и повел их к деревянным мосткам, вежливо предложив Арабелле руку и чинно подводя ее к матери, не обращая внимания на мокрые по колено брюки.

– Как ты думаешь, Росс не нарвется на неприятность? – с тревогой спросила Ребекка у Люка.

– Росс только этим и занимается, – ответил он, тяжело дыша. Его смуглые щеки разрумянились, густые, черные как смоль волосы рассыпались по плечам. Он ослабил тугой узел своего шейного платка и сказал: – Так хочется поплавать!

– Что ты! Слишком холодно! – умоляющим голосом воскликнула Ребекка.

Люк засмеялся.

– Мы могли бы нанять небольшое судно и отправиться рыбачить. Море такое спокойное!

– Ты шутишь? – прошептала Ребекка.

– Нет, – ответил он, улыбаясь. – Ты когда-нибудь была на морской рыбалке?

Ребекка грустно покачала головой:

– Нет, не была – я не умею плавать. Вот Саймон – другое дело! Он любит все, что связано с морем...

Ребекка лихорадочно соображала, как отговорить Люка от этой сумасбродной затеи, но так ничего и не придумала, только зачарованно смотрела на него. Было что-то неотразимое в неожиданном сочетании изысканности и беззаботной небрежности...

– Ты сейчас похож на цыгана, который только что обвел вокруг пальца наивного прохожего, – мягко пожурила жениха Ребекка. Когда это сравнение пришло ей в голову, она решила не произносить его вслух, но оно все же вырвалось само собой.

– Неужели?! – воскликнул Люк, и его темные глаза загорелись каким-то внутренним огнем, а губы изогнулись в едва заметной улыбке.

– Вот именно, – подтвердила она. – И ты вовсе не пара такой девушке, как я... Вот возьму и передумаю... – Ее слова вонзились, словно нож, в его сердце. Он обернулся и... подхватил ее на руки.

– Сейчас я научу тебя плавать! – сквозь смех пригрозил он и понес Ребекку к морю.

– Отпусти меня... вдруг кто-нибудь увидит, – полусмеясь-полуплача умоляла она, вырываясь. – Пожалуйста, отпусти, – прошептала Ребекка, почти касаясь губами его щеки. – Миссис Стоун такого не вынесет. Несчастливая Арабелла рассказала мне, что ее мама возмущается по любому поводу.

– Они ушли, и там остался один Росс, который и пальцем не шевельнет, если я брошу тебя в воду.

– Ты не посмеешь, Люк! Как можно? – отчаянно сопротивлялась Ребекка.

Чувствуя, что она вот-вот вырвется, Люк остановился и зашептал ей на ухо:

– Если хочешь вернуться домой сухой, то заплати... Ребекка, ну хотя бы один поцелуй!

Она продолжала вырываться, но внезапно стихла.

– Мне это не нравится. Отпустите меня, мистер Трилоуни, – приказала

она строгим голосом, в котором, однако, слышалось прощение. Губы ее были так близко от его мочки, что она не удержалась и стала ласкать ее кончиком языка, чувствуя тепло и соленый привкус.

Люк стал опускать ее таким образом, чтобы она медленно скользила по его мускулистому телу.

– Это очень приятно, Ребекка.

Он провел пальцем по ее щеке, и Ребекка сразу зарделась и засмуцалась.

– Я уж думал, что никогда не расстанусь с Арабеллой, – досадливо проговорил подошедший к ним Росс и облегченно вздохнул. – Ума не приложу, где пряталась ее мать все это время? – Упомянув мать Арабеллы, Росс вдруг вспомнил о другой пропаже. – О, я совершенно забыл! У меня есть новость! Перед отъездом в Брайтон Майлз просил передать тебе, что Джон исчез. Ну, помнишь Джона, молодого плотника, – объяснил Росс, так как Люк недоуменно посмотрел на него, не понимая, о ком идет речь. – Но это еще не все. Майлз предполагает, что и юная мисс Мэйхью из пансиона «Саммер-Хауз» бежала вместе с ним. Майлз позвал на помощь Грегори, и они обыскали буквально все поместье и его окрестности, но так никого и не нашли. Подумать только, сбежали! – весело смеясь, повторил он.

Глава двенадцатая

– Я же не велел вам являться сюда! – послышался сдавленный от гнева голос.

– Я не пришел бы, если б не сложившиеся обстоятельства, – мгновенно отпарировал Джек Блэккер.

Ответом на эту дерзость стал грозный взгляд, который заставил Блэккера недовольно поморщиться и отвести глаза от сверлящих желтых рысьих глаз, презрительно смеривших его с головы до ног.

– Если вам надо связаться со мной, то, как мы и договаривались, пользуйтесь склепом, – втолковывал ему тщедушный человечек, которому из-за маленького роста приходилось запрокидывать голову, чтобы видеть лицо рослого Блэккера.

Блэккер прикусил язык и присмирел.

– Меня никто не видел, лошадь я хорошенько спрятал. И есть сведения, что появляться на кладбище небезопасно – оно находится под пристальным наблюдением.

На лице Мэйхью появилось слабое подобие улыбки.

– Подумаешь, опасность! Продрогнув до мозга костей в засаде среди заброшенных могил, драгуны помчатся пить пиво в теплом, уютном «Рыжем льве», – посмеиваясь, сказал Мэйхью. – Я не сомневаюсь, что только очень веская причина заставила вас поставить под удар мою репутацию и свою собственную жизнь, – он хитро ухмыльнулся, – берегите ее!

Его ядовитые насмешки и откровенное презрение вывели Блэккера из себя.

– Пока что мне не удалось вытряхнуть из этого бездельника ни пенни, хотя он и должен мне кругленькую сумму, – раздраженно сказал он. – А рассчитаться с вами моей долей из последней партии коньяка я не могу. И совершенно не уверен, достанется ли мне что-нибудь из партии золота, прибывшей на этой неделе из Каласа.

– Неужели?! – возмутился Мэйхью, наступая на Блэккера. – Да кто он такой, что вы не можете с ним договориться? Желаете, чтобы я сделал это за вас? Да вы мне и так очень многим обязаны!

– Все не так просто, как вам кажется, – зло усмехнулся Блэккер. – У этого юнца неожиданно появился очень грозный защитник.

Мэйхью вплотную подошел к своему собеседнику.

– И кто же? Рыцарь в блестящих доспехах? – съязвил он. – Мне вас рекомендовали как смелого и опытного человека, но вы не оправдали моих ожиданий! Скажите, как зовут этого щенка, и я сам возьмусь за дело. Но это не отменяет ваш долг, Блэккер!

– Его зовут Саймон Нэш, – не раздумывая, сказал Блэккер.

– Нэш... Нэш... – повторял Мэйхью. Имя показалось ему очень знакомым.

– А человек, который покровительствует этой семье, – Люк Трилоуни, – выпалил Блэккер, злорадно наслаждаясь тем впечатлением, какое произвело на Мэйхью это имя.

– Люк Трилоуни? Ну, разумеется! И как это я сам не догадался! Люк Трилоуни специально приехал из Корнуолла, чтобы заступиться за какого-то молокососа!

– У этого молокососа есть потрясающе красивая сестра, – злобно прошипел Блэккер. – В жизни не видел таких красавиц. А теперь ее заметил и оценил Трилоуни. Он и сестра Нэша помолвлены.

– Наверняка это Ребекка Нэш! – воскликнул Мэйхью, вспомнив, наконец, девушку, а также наказ своей больной жены съездить в пансион и узнать, как учится его упрямая, своенравная падчерица.

– Она самая, – подтвердил Блэккер.

– Так Трилоуни влюбился в эту школьную учительницу! – воскликнул Мэйхью. – Трилоуни?! Не может быть! – проговорил он, вспомнив необыкновенно красивого мужчину из Пензанса. В памяти всплыл образ атлетически сложенного черноволосого великана, и Мэйхью прошиб холодный пот. – Вы ошиблись. Это, должно быть, самозванец. Настоящий Трилоуни редко покидает Корнуолл. Если и выезжает, то не дальше Бата.

– Это тот самый Трилоуни, который приехал из Корнуолла со своим братом Россом, чтобы вступить в наследование поместьем Рэмсденов. Они остановились в усадебном доме.

Мэйхью был ошеломлен услышанным. Он знал, что Робин Рэмсден как-то связан с западными выходцами. Но ему никогда не приходило в голову докопаться до подробностей. Робин Рэмсден жил на широкую ногу и слыл в округе истинным прожигателем жизни, поэтому не удивительно было, что, приехав в Бат развеяться и повеселиться, тот скоропостижно скончался. Не удивило его и то, что новый владелец имения не стал себя никак проявлять.

Трилоуни! Мэйхью было ненавистно само это имя. Именно Люк Трилоуни вытеснил его из Девона и Сомерсета, где Мэйхью занимался беспощадной торговлей. Четыре года назад, спасаясь бегством из

Сомерсета без пенни в кармане и заметая следы, он вынужден был изменить свое имя и образ жизни. Ему повезло. Он вскружил голову богатой вдове, заставив ее поверить, что он вполне надежный и влиятельный человек. Теперь она думает иначе, но сейчас это не важно, потому что и красивый дом, и счет в банке принадлежат теперь ему, а супруга с ее двумя дочерьми – незначительная помеха в его новой жизни.

Мэйхью был убежден, что Трилоуни ничего не известно ни о его новом месте обитания, ни о новом имени, ни о его делах с местными контрабандистами. По иронии судьбы, у него сейчас есть неоспоримое преимущество – внезапность нападения, пока враг ничего не заподозрил. Он отомстит, подумал Мэйхью, злорадствуя. И орудием мести будет... Ребекка Нэш!

– Трилоуни теперь лорд Рэмсден и помолвлен с Ребеккой Нэш? – задумчиво протянул Мэйхью.

Блэккер кивнул:

– А Саймон Нэш настолько обнаглел, что даже не думает отдавать мне долг.

– Мы должны что-то предпринять! – взревел Мэйхью. Нужно проявить смекалку и призвать на помощь удачу, ибо он ненавидел Люка за его несметные богатства, за привлекательность и успех у самых обворожительных женщин. – Мне давно пора поговорить с этой учительницей об успехах моей падчерицы. Кстати, вы, Блэккер, внакладе не останетесь. Устройте мне разговор с мисс Нэш сегодня вечером в Чертовой бухте. Уверяю вас, что Трилоуни не только щедро заплатит, но будет валяться у меня в ногах, лишь бы получить своего белокурого ангела в целости и сохранности.

Невероятно! Как он мог так быстро узнать?

Ребекка с изумлением уставилась на сгорбленного старика, который стоял в дверном проеме кухни, прислонив свое дряхлое тело к дверному косяку.

– Хозяин сказал, что вы... должны приехать... как можно скорее, потому что это... ужасно важно, – бубнил Берт Моррис, не вынимая глиняную трубку изо рта.

Ребекка еще раз перечитала записку. Единственное, что можно было понять из двух строчек неразборчивых каракулей, – она должна срочно приехать в Кросби.

Берт Моррис сунул узловатые руки в карманы и ждал. Пока Ребекка с удивлением смотрела на него, старик мотнул головой в сторону двора и с гордостью сказал:

– Прислали карету, запряженную парой... для вас.

Ребекка выглянула в окно – перед домом стояла добротная карета, которая разительно отличалась от той скрипучей повозки, на которой они приехали с Люси в «Саммер-Хауз».

Откуда Мэйхью мог так быстро выведать, что его падчерица исчезла? Ребекка сама узнала об этом всего пять часов назад, и только последние два часа начала по-настоящему беспокоиться.

Как, черт возьми, могла эта новость так быстро распространиться за четырнадцать миль отсюда и достичь отчима девочки? Для Ребекки это оставалось загадкой. А может, Люси... Ну конечно! Как она сразу не догадалась? Люси вовсе не сбежала, она просто вернулась домой. Вероятно, решила смириться со своей судьбой.

Ребекка задумалась. Выходит, Люси отправилась домой вместе с Джоном? Чтобы он сказал ее отчиму о своих намерениях? Ребекка не могла себе даже представить, как мог простой плотник удовлетворить тщеславие отчима Люси.

– Мисс Люси вернулась к родителям? – спросила Ребекка у старого конюха.

– Не знаю, – ответил старик, попыхивая трубкой. – Я почти весь день провел в конюшне. Пришел хозяин и послал к вам. Лучше бы вернуться засветло. А то быстро стемнеет, – сказал он, вынул трубку изо рта, осмотрел ее, затем постучал, высыпав пепел на пол.

– Кто это? – спросила Марта, указывая на старика. – Не те бродячие продавцы, которых я только что прогнала? Я же сказала им...

– Нет, это Берт Моррис, его послал отчим Люси, – объяснила Ребекка.

Марта закрыла рот рукой, испытывая тихий ужас от неожиданного поворота событий.

– Я должна поехать и поговорить с мистером Мэйхью, – сказала Ребекка и тяжело вздохнула. Несмотря на отвращение, испытываемое ею к этому человеку, она обязана все разузнать. – Если Люси и Джон были слишком неосмотрительны... или чересчур сблизилась... или оба... и Мэйхью догадался об этом, то нам всем несдобровать! Возможно, меня долго не будет дома, но я уверена: мистер Мэйхью будет настолько добр,

что распорядится отвезти меня домой в своей карете, ты не беспокойся, – успокаивала Ребекка Марту.

Девушка считала, что Мэйхью предъявит ей кучу обвинений, только и всего.

Карета проехала пятьдесят ярдов по лесной дороге, потом свернула на другую, шедшую вдоль берега, и ни разу не остановилась. Ребекку несколько это не беспокоило – она находилась в глубокой задумчивости и не замечала ничего вокруг.

Когда дверь кареты внезапно приоткрылась и Джек Блэккер, взглянув на Ребекку, крикнул кучеру, чтобы тот затормозил, у нее перехватило дыхание, и она обмерла от страха.

– Мистер Блэккер?! – наконец воскликнула Ребекка, придя в себя и обретя способность говорить.

– Он самый, мисс Нэш, – проговорил тот, насмешливо приветствуя ее и, удобно устраиваясь на скрипучих кожаных сиденьях.

– Этого еще не хватало! – возмутилась Ребекка, но через минуту решила, что он не причинит ей никакого вреда, задремав в раскачивающейся карете. – Что вы себе позволяете? – обратилась она к нему, когда он вытянул ноги.

Этот день должен был стать самым счастливым днем в ее жизни. После долгой разлуки она, наконец, встретилась с Саймоном. Торжественный обед в ознаменование этой встречи был просто потрясающим. Люк с каждой минутой становился все более предупредительным и внимательным к ней. На пляже она почувствовала себя такой... такой беззаботной. Но счастье Ребекки длилось недолго. Замечательный день превратился в настоящий кошмар!

Она глубоко вздохнула, стараясь взять себя в руки и понимая, что страх и гнев – главные враги здравого смысла. Обретя уверенность в себе, она смело уставилась аквамариновыми глазами на Блэккера, чем вызвала у него ироническую улыбку.

– Я еду в деревню Кросби, чтобы встретиться с мистером Мэйхью, – холодно пояснила она. – И буду очень вам признательна, если вы покинете карету и подыщите себе другое средство передвижения.

– С какой стати я должен выходить?! Это средство передвижения в такой же степени мое, как и ваше. – Он окинул ее насмешливым взглядом и продолжал: – Какое невероятное совпадение! Представляете, мистер Мэйхью назначил деловую встречу не только вам, но и мне! Это по его предложению мы с вами едем сейчас в одной карете, – не скрывая издевки в голосе, сообщил ей Блэккер.

Новость была настолько ошеломляющей, что Ребекка на какое-то мгновение опять лишилась дара речи и только хлопала круглыми от страха глазами. Почувствовав мурашки на спине, она плотнее закуталась в свою черную шаль, понимая, что трясет ее не от холода, проникавшего через плохо пригнанные оконные рамы кареты. Она пожалела, что в спешке не надела теплый бархатный плащ, который сейчас согрел бы и успокоил ее.

Ребекка лихорадочно размышляла, что ей делать, но ничего не могла придумать, кроме самого простого – бегства.

Ее бирюзовые глаза невольно остановились на дверце кареты, но когда она перевела их на Блэккера, то заметила его ехидную усмешку.

– Недавно я был свидетелем, как карета переехала человека, когда тот выпрыгнул из нее на ходу. – Блэккер постучал в стенку кареты и велел Берту Моррису ехать быстрее.

– Они не причинят вам никакого вреда. – Свою уверенность в безопасности девушки молодой человек подкрепил кивком головы и прислонился к валуну.

Ребекка сидела на камне поменьше. Когда этот великан оторвался от валуна и стал приближаться к ней, она случайно взглянула на его руки – и помертвела от страха, такие они были огромные. Сердце у нее бешено забилось, когда он присел рядом с ней на корточки.

– Вот... бросайте ее как можно дальше. Это не даст вам замерзнуть, – сказал парень со знанием дела и, как показалось Ребекке, совершенно искренне. Он зачерпнул полную ладонь гальки и, размахнувшись, бросил ее – вокруг подола Ребекки запрыгали маленькие камешки. Она испуганно поджала ноги и, плотнее закутавшись в шаль, обняла руками колени.

От запаха морских водорослей, гниющих в стоялой воде, ее мутило, но еще больше – от каменной тюрьмы, в которой она оказалась. Ребекка последовала совету великана и стала бросать камешки в сторону моря. Немного согревшись, она уткнулась лбом в колени. От отчаяния и сознания своего бессилия она готова была заплакать, но, собрав все свое мужество, сдержалась.

Ребекка потеряла счет времени. Ей казалось, что она томится в этом каменном мешке уже несколько часов, хотя на самом деле прошло не

больше часа.

О побеге не могло быть и речи – ее охранял не только этот великан, но еще несколько бандитов, окруживших бухточку. Когда Блэккер велел ей спускаться к морю, она заметила в темноте четыре или пять теней. Ее охрану Блэккер доверил Кларки, этому глуповатому верзиле, а остальным пригрозил, что, если кто тронет ее пальцем, тому несдобровать. Ребекка молила Бога, чтобы никто не ослушался приказа.

Она искоса посмотрела на Кларки, который показался ей не лишенным некоторого сочувствия к ней: как только Блэккер ушел, Кларки тут же развязал ей руки.

– Вы не знаете, когда вернется мистер Блэккер? – по-приятельски спросила Ребекка у Кларки. Она решила выудить у него хоть какие-нибудь сведения, объясняющие ее заточение в этой каменной тюрьме. Внезапно девушка затряслась от истерического смеха: Руперт Мэйхью так расстроился из-за плохого поведения своей падчерицы, что, возложив всю ответственность на ее учительницу, прибегнул к крайним мерам!

Вдруг Ребекку озарило: ее заточили в эту тюрьму не из-за Люси! У Мэйхью были какие-то другие причины, и довольно веские. Мэйхью не побоялся обнаружить свои связи с контрабандистами. Ребекка своими ушами слышала, как бандиты не раз упоминали его имя. Да и Блэккер говорил о нем, когда они ехали в карете.

Блэккер будет молчать, сколько бы она ни умоляла рассказать ей о цели ее похищения, он будет наслаждаться ее унижением и неведением, только и всего. Может быть, все это как-то связано с Саймоном? Ведь он должен Блэккеру кругленькую сумму! Но почему Руперт Мэйхью, такой уважаемый человек, ввязался в это дело, было совершенно непонятно. Зачем они держат ее здесь, прекрасно зная, что у нее нет денег!

Подышав на окоченевшие пальцы, она повторила свой вопрос дрожащим, прерывающимся голосом:

– Когда вернется Блэккер?

– Не могу знать, – коротко ответил Кларки.

– Не найдется ли в этой промозглой дыре хоть какое-нибудь одеяло? – попросила она, стуча зубами: ее шаль насквозь продувало холодным ноябрьским ветром. Великан направился к ней, на ходу снимая свою засаленную робу, и, подойдя ближе, осторожно закутал в нее Ребекку. Девушка благодарно улыбнулась.

– А что в этих бочках? – спросила она, чтобы разговорить своего молчаливого стража.

– Французский коньяк, – кратко ответил он.

Вот от чего она не отказалась бы! Ребекка вспомнила, как два-три раза пила его по торжественным случаям, которые отмечал ее папа, и несколько раз как лекарство, когда простужалась. Она помнила, какое разливалось тепло по всему телу даже от одного глоточка коньяка.

Выпрямившись, она огляделась по сторонам – берег бухточки был сплошь заставлен винными бочками.

– У вас случайно нет какой-нибудь кружки? Я бы выпила немного коньяка... чтобы согреться, – сказала Ребекка с очаровательной улыбкой.

– Что вы! Это пить нельзя! – поторопился отговорить ее Кларки. – Это питье убьет вас. Убьет наповал, – говорил он, все больше воодушевляясь. – Его намеренно сделали очень крепким, чтобы больше спиртного получалось из бочки. Перед тем, как коньяк продавать, мы разбавим его водой. Каждый, кто прокрадется на берег, откроет бочку и попробует ее содержимое, обречен на верную смерть, – объяснил Кларки, понизив голос.

– Зачем меня здесь держат? – с мольбой спросила Ребекка, но Кларки избегал смотреть на нее и, отвернувшись, любовался лунной дорожкой, тускло сверкавшей вдали.

– Кларки ничего не говорят. Кларки – тупица.

– Зачем вы верите этому? – проникновенно спросила она, по-дружески коснувшись его ручки. – Вы несравненно лучше, чем те бандиты, которые стоят наверху. Вы лучше самого Джека Блэккера. Вы единственный, кто добр со мной, вот отдали мне свою робу, чтобы я согрелась, предупредили меня о неминуемой смерти от спиртного в бочках, развязали мне затекшие руки.

– Вот именно поэтому все его и считают круглым дураком, мисс Нэш, – неожиданно раздалось из темноты. – Вот почему ему придется заплатить за свою несусветную глупость.

Ребекка вздрогнула и мгновенно обернулась, вглядываясь в непроглядную темноту. Держа фонарь, к ним шел Руперт Мэйхью. Когда он приблизился к великану Кларки, Ребекка поразились, какой Мэйхью невзрачный и тщедушный.

– Но хватит разглагольствовать, – остановил он себя. – Как приятно встретиться с вами снова, моя дорогая. Я собирался возобновить наше знакомство при нескольких иных обстоятельствах, да все было недосуг. – Мэйхью оглядел берег бухточки с такой улыбкой, будто вспомнил что-то приятное. – Я узнал от своего знакомого, Блэккера, что у вас появился непутевый брат. Еще я слышал, что у вас есть любовник, человек чрезвычайно опасный. Это так неожиданно... так странно... мисс Нэш. Вы можете говорить со мной совершенно откровенно, пока мы будем ждать его

приезда ко мне домой.

– Ваше поведение возмутительно, мистер Мэйхью, – проговорила Ребекка, стуча зубами от холода. Ее охватило непреодолимое желание выдернуть из прически две шпильки и, пользуясь темнотой, вонзить их в это отвратительное ухмыляющееся лицо. Но она удержала себя от такой непростительной глупости. – Представляю, как вас сегодня расстроила ваша падчерица Люси! – самоуверенно заметила Ребекка, злорадно улыбаясь.

– Чем?! – в недоумении воскликнул Мэйхью, подозревая, что произошла какая-то путаница. – Как она могла меня расстроить? Я ее давно не видел, писем она мне не писала...

Ребекка облегченно вздохнула, но не подала вида. Значит, Люси в безопасности... и Мэйхью ничего не знает о ее побеге, если правда, что они с Джоном сбежали. Ребекка смерила Мэйхью презрительным взглядом.

– Вы самый отвратительный человек, какого я имела несчастье встретить, мистер Мэйхью! – не стерпев, откровенно проговорила она.

Не волнуйся, Ребекка, сказала себе девушка, когда Мэйхью преградил ей дорогу своим тщедушным телом, воинственно сжав кулаки. Когда он поравнялся с Кларки, великан начал отчаянно махать на него руками и невнятно мычать, заслоняя собой Ребекку. Мэйхью бросил на него уничтожающий взгляд и оттолкнул верзилу обеими руками.

– Только попробуй ударь ее! – раздался грозный, но очень знакомый, голос.

– Саймон? – осипшим голосом проговорила Ребекка.

У нее от страха и переживаний так пересохло во рту, что она едва ворочала языком и была не в состоянии высказать охватившую ее радость. Отпихнув от себя Мэйхью, она бросилась к брату, но с ужасом увидела, что Блэккер заломил Саймону руки за спину, не позволяя шевельнуться.

– Заткнись, молокосос, – рявкнул на Саймона Блэккер, дав ему подзатыльник. Затем уставился на Ребекку своими водянистыми голубыми глазами, вновь потрясенный ее красотой, которая не померкла от свалившихся на нее тяжелых испытаний. – Вот еще один Нэш, за которым мне пришлось гоняться, как гончей, – сказал Джек и расхохотался над своей шуткой, которая показалась ему очень остроумной.

Когда Саймон попытался вырваться, Блэккер пригрозил ему своим огромным кулаком и обещал поколотить, если тот не успокоится.

– Послушай, Блэккер, ты руки-то не распускай, – угрожающе шикнул на Блэккера Мэйхью. – Не уподобляйся тому хамью, что стережет нашу бухту. Относись к нему бережно и осторожно, а то Трилоуни не заплатит ни

пенни, если «товар» будет испорчен!

Саймону все же удалось вырваться из рук своего мучителя, и он рванулся к сестре, чтобы успокоить и поддержать ее.

– Я так виноват перед тобой, – прошептал он, подавленный происходящим. – Прости меня, Ребекка...

Она с тревогой всмотрелась в помрачневшее лицо брата – на скуле у уха проступила кровоточащая ссадина от побоев Блэккера.

– Из-за чего нас здесь держат? Из-за денег, которые ты занял у Блэккера? Тогда при чем здесь Мэйхью? – сбиваясь и торопясь, шепотом спросила она.

Саймон покачал головой в знак полного недоумения.

– Я впервые вижу этого отвратительного пигмея! Никогда бы не поверил, что Блэккер может опуститься до такой низости – похитить тебя, чтобы получить от меня долг... – Саймон осекся и с силой прикусил губу.

Ребекка почувствовала, как по ее спине побежали мурашки: только увидев, что брат сломлен физически и морально, она поняла всю глубину опасности, которая нависла над ними.

– Какая трогательная сцена! – насмешливо проговорил Мэйхью. – Предупреждаю, она может стать последней, если я не получу то, что мне причитается!

– Вам?! – в один голос воскликнули брат и сестра.

– Разумеется, мне, – ехидно подтвердил Мэйхью. – Видите ли, все деньги, включая и долг Блэккеру, уже пристроены. Часть их предназначена для уплаты за партию французского коньяка, что находится в этих бочках, но большая часть денег пойдет на партию золота, награбленного наполеоновскими солдатами. Те переправят его через Ла-Манш сюда, как только получат от нас причитающуюся сумму. Из-за Блэккера, который до сих пор не вернул мне долг, я оказался без денег. А они мне сейчас чертовски нужны!

– Это вам даром не пройдет! – дрожащим голосом крикнула Ребекка. – Вас арестуют и... посадят в тюрьму!

Мэйхью разразился громким хохотом.

– Разумеется, посадят, если поймают! – сказал он сквозь смех. – Боюсь, это так и останется благими намерениями, дорогая мисс Нэш! Вот уже лет двадцать, как меня грозят поймать и повесить. Так что я легко отделаюсь, если меня посадят... Другое дело, если предъявят обвинение в контрабанде, убийстве или... ох! измене. Я весьма скептически смотрю на нашего старого врага Наполеона, надевшего корону, но не имеющего средств, чтобы достойно платить своим солдатам, полуголодным и одетым

в лохмотья. Но это не мешает французским пленным бежать и снова бросаться в бой... А вот за пленных генералов Бонапарт платит очень хорошо... Ну, например, за генерала де Монфора. Но, разумеется, все это не измена, а просто прибыльное дело. У меня нет политических пристрастий, и я не люблю этих мосье. Зато мадемуазели – это да! От одного взгляда на них в голове начинается такое!... Ну, хватит об этом, – резко сказал Мэйхью и посмотрел на Блэккера. – Где же Трилоуни? Ему передали мою записку?

– Пришлось отдать ее дряхлой развалине Майлзу, дворецкому в доме Рэмсденов, так как ни одного из братьев не было дома. Молодым парням надоело сидеть в поместье, и они решили пошарить по окрестностям.

Мэйхью ругнулся, и Ребекка удивилась, почему он совсем не вспоминает о Люси, а все время говорит о Люке.

– Ну что ж, будем надеяться, что с Божьей помощью братья прочтут записку и приедут ко мне домой в назначенный час и все получится именно так, как я задумал.

– Почему их так интересует Люк? Что его связывает с ними? – шепотом спросила Ребекка брата, заметив на его лице странное выражение.

– Блэккер как-то сказал мне, что клан Трилоуни имеет какое-то отношение к контрабанде, – тоже шепотом ответил Саймон. – Я подозреваю, что эти два негодяя знакомы с ним гораздо дольше, чем мы с тобой.

Ребекка вздрогнула, как от удара. Не может быть! Люк занимается контрабандой? Люк – преступник? Это невероятно! Но память вернула ее на несколько недель назад, когда она отправилась искать Саймона в таверне «Бык и мышь» в Брайтоне. Тогда ей показалось, что Блэккеру известно имя Трилоуни. И потом, когда они с Люком верхом возвращались домой, он вел себя довольно странно – отмалчивался, когда она расспрашивала его о Блэккере.

Разрозненные кусочки информации, сверлившие мозг девушки, сложились в единое целое, повергнув ее в ужас. Она вспомнила контрабандистов с бочками на плечах, которых видела в лесу, когда шла ночью в усадьбу Рэмсденов. Они шагали, между прочим, по направлению к Уэстбруку! Уж не в усадьбу ли? Нет, это может быть простым совпадением. Их привел туда Блэккер, поскольку он был здешним и хорошо знал местность.

В характере Люка нет-нет да и прорывалось что-то угрожающее... какая-то безжалостность, которая сглаживалась учтивыми манерами. Она подметила это с первой минуты, как увидела его.

– О, я вижу, мисс Нэш разволновалась, что мне все известно о ее любовнике! – разгадал ее состояние Мэйхью, радуясь своему открытию и обдумывая, как бы ему воспользоваться им, чтобы нанести ненавистному Трилоуни удар побольнее. Например, заставить эту красивую девушку презирать его старого врага – Люка Трилоуни. Это была бы самая сладкая месть, какую только можно придумать, пронеслось в голове Мэйхью. – Что ж, позвольте мне немного просветить вас, мисс Нэш. Мы с Люком Трилоуни – старые знакомые! Очень старые. Я знал еще его отца, Джаго Трилоуни. Сдается мне, что это я ускорил смерть этого человека. Из-за того, что он не хотел образумиться, – сказал Мэйхью с нотками осуждения в голосе. – Потом, когда дело отца перешло к его сыну Люку, встретиться с ним лицом к лицу мне так и не довелось.

Ребекка не сводила с него глаз. После недолгой паузы Мэйхью снова заговорил:

– Сначала наши пути не пересекались: море безбрежно, товара – непочатый край. Но Люк хотел большего... – Рысьи глаза Мэйхью загорелись лихорадочным огнем, и Ребекка поняла, что он сумасшедший. – Расширяя свое дело, он старался разорить меня. И это ему удалось, – тихо проговорил Мэйхью, устремив куда-то вдаль невидящий взор. – Но я должен был вернуться, чтобы отомстить ему. Бьюсь об заклад: после стычки у Лизард-Пойнт Люка убедили, что я убит. И это позволило мне бежать из Девона и от... таможенников. – Он криво ухмыльнулся. – Люк опасный человек, моя дорогая, и совсем не годится в мужья такой чистой и невинной девушке, как вы. Одну из своих корнуолльских любовниц он сделал почти что женой. Люк доверяет этой роскошной брюнетке настолько, что она решила, будто ей принадлежат все его богатства... кроме его фамилии. Я не сомневаюсь, что, как только вы переедете в Корнуолл, она не оставит вас в покое. Говорят, у нее ужасный характер.

– Я не желаю больше слушать вас! – гневно воскликнула Ребекка, перебивая его разглагольствования. Она промерзла до костей, но ее сердце пылало презрением к этому омерзительному человечку. – Вы гнусный, отвратительный тип! Вы нарочно лжете, чтобы поссорить меня с женихом и погубить нашу любовь! По вашему же собственному признанию, вы ненавидите его! Я больше не желаю слушать ваши лживые обвинения!

– Клянусь вам моим малюткой сыном, все, что я сейчас сказал, – чистая правда! А я сынишку очень люблю, – искренне признался Мэйхью.

– Не обращай внимания, – резким тоном велел сестре Саймон, заметив, как она взволнована. – Он ослеплен ненавистью настолько, что не в состоянии отличить белое от черного, замешивая чистую правду на явной

лжи.

В ответ на слова Саймона Руперт Мэйхью только весело рассмеялся и, ругнувшись, движением руки показал, что всем пора выбираться отсюда. Потом подошел к Кларки и жестом приказал ему идти впереди и освещать дорогу на вершину скалы.

К своему удивлению, Люк оставался спокойным и рассудительным. Поимка беглецов принесла ему некоторое удовлетворение, которое смягчило чувство разочарования оттого, что прогулка с Ребеккой по Брайтону оказалась такой короткой. А у него были такие планы на сегодня... он столько хотел ей рассказать! Одним словом, этот день должен был стать для него самым замечательным в его жизни!

Юных беглецов поймали в «Голове короля» в Гилфорде, откуда они намеревались двинуться на север, в Гретна Грин, где собирались обвенчаться.

Когда они, в сопровождении Люка, усталые и голодные, вошли в прихожую усадебного дома, вышедший навстречу Майлз сообщил ошеломляющее известие о Ребекке.

Он уставился на записку, потом перевел взгляд на присмирившую парочку, устроившуюся на стульях в прихожей, потом снова на записку, казавшуюся белой, как снег, в его смуглых руках. Листок бумаги дрожал так, что прыгали буквы, и прочесть написанное было невозможно.

Люк почувствовал, что бледнеет, и это напомнило ему тот леденящий душу страх, который он испытал тогда, в таверне «Бык и мышь».

На чтение короткой записки с неразборчивыми каракулями и без подписи хватило бы и нескольких секунд, но это были самые ужасные секунды в его жизни! Даже в тот день, когда мать прибежала на берег моря и сообщила, что его отец при смерти, Люк не испытывал такой оглушающей, щемящей боли. Но теперь то давнее горе каким-то невероятным образом слилось с сегодняшней болью. В его душе бушевали отчаяние и лютая ненависть, и он понял, что будет помнить эту минуту всю оставшуюся жизнь.

Люк стремительно вскочил с бархатного стула, на котором сидел, и бросился к лестнице, провожаемый недоуменными взглядами Росса и юной

парочки.

Росс помчался за ним и, взяв из ледяных рук брата скомканный клочок бумаги, быстро пробежал его глазами. Росс взглянул на брата и отшатнулся, пораженный, – лицо Люка потемнело от гнева, тонкие, плотно сжатые губы дрожали.

Вдруг Люк сбежал с лестницы, быстрыми шагами подошел к Люси, схватил ее за руку и стащил со стула. Люси испуганно оглянулась на Джона, ища защиты.

– Напряги свою память, Люси, – взяв ее за подбородок, строгим тоном проговорил Люк. – То, что я хочу спросить у тебя, чрезвычайно важно! Своим ответом ты очень поможешь мне. Расскажи обо всем, вплоть до мелочей. Тебя не должно смущать, что твои слова пойдут во вред твоей семье. Ты обязана сказать мне все... Обстоятельства вынуждают меня знать мельчайшие подробности. – Люк помолчал, затем спросил сдавленным голосом: – Когда твой отчим собирается что-нибудь скрыть вне стен дома... что-нибудь такое, что он считает чрезвычайно важным для себя, где он может это припрятать?

Глава тринадцатая

Вершина скалы была уже близко, когда Блэккер, раздраженно ругнувшись, позвал Мэйхью.

– Чего тебе? – недовольно прошипел тот и замер, увидев в руке своего сообщника тускло поблескивающее в лунном свете лезвие кинжала.

– Где мои люди? – грозно требовал ответа Блэккер, перекидывая кинжал из одной руки в другую.

– Ха! Какой же ты дурак! Сколько можно повторять, что твои головорезы народ ненадежный! Спрашиваешь, где они? Бросают кости или режутся в карты. Как только ты оставил их без присмотра, они тут же разбежались.

Его слова были прерваны Блэккером, который, сложив руки рупором, стал ухать, подражая сове. Вероятно, подавал условный сигнал. От этого жалобного зова Ребекку бросило в дрожь, и она теснее прижалась к брату.

Блэккер прикрикнул на Ребекку и Саймона, чтобы быстрее карабкались на вершину утеса, до которой оставалось несколько шагов, и снова начал ухать. Все прислушались, но вокруг стояла мертвая тишина – сюда, на вершину скалы, не доносился даже шум прибоя.

– Напрасно стараешься, в «Рыжем льве» тебя не услышат, – вдруг раздался насмешливый голос, от звука которого сердце Ребекки радостно забилося.

– Может, и услышат, но неизвестно, будет ли от этого какая-нибудь польза, – добавил Росс, выбираясь из зарослей. Он наткнулся на коренастого лысого бандита и, защищаясь, ударил этого мужлана рукояткой кинжала по голове. Тот закачался и упал навзничь.

Одетый во все черное Люк таился, прижавшись к холодной скале, и теперь, выйдя из своего укрытия, смело шагнул в круг тусклого света от фонаря в руках Кларки.

– Ребекка, иди ко мне, – приказал Люк. Его черные глаза силились рассмотреть ее в дрожащем свете фонаря.

Услышав голос жениха, Ребекка кинулась, было к нему, но первый порыв был остановлен голосом рассудка, раздираемого подозрениями. Она остановилась в нерешительности и, немного поколебавшись, прижалась к брату.

– Думаю, она не пойдет. – Мэйхью подскочил к Ребекке и, схватив рукой ее длинные волосы, приставил к горлу клинок. – Мой старинный

дружок! Ребекка побаивается контрабандистов! Может, что-то из вашей истории напугало ее? – насмеялся Мэйхью, проводя лезвием ножа по горлу девушки.

– Ты должен быть мертвым, Меррилл! – закричал в ярости Люк, переводя взгляд с Мэйхью на Ребекку и обратно.

– Но-но, Трилоуни! Не морочьте людям голову! Теперь я Мэйхью... Руперт Мэйхью. Роналд Меррилл действительно умер и похоронен... или выброшен в море, как вам больше нравится. У Лизард-Пойнт... помните? – издевался Мэйхью над Люком. – Я слышал, что и у вас теперь новое имя – лорд Рэмсен из Уэстбрука. Никому и в голову не придет, что такой знатный вельможа когда-то занимался незаконной беспošлиной торговлей! Но вы всегда были непредсказуемы, – сказал Мэйхью, понизив голос. – Но как вы узнали, что мы в Чертовой бухте?! – недоуменно спросил он, возвращаясь к действительности и мотнув головой назад, имея в виду неприступные скалы вокруг.

– Ваша падчерица мне все рассказала, Меррилл. Она много чего мне поведала. Такое, за что вас непременно повесят вниз головой, и вы будете долго умирать мучительной смертью!

– Не стоит все пересказывать, Трилоуни, – перебил его Меррилл-Мэйхью, сопровождая свои слова движением кинжала у горла Ребекки. – Я давно понял, что эта мерзкая девчонка шпионит за мной. Придется научить ее держать язык за зубами!

– Боюсь, что такого случая вам больше не представится! – воскликнул Люк, побагровев от гнева.

– И не надо! – парировал Мэйхью. – Как только мы договоримся, я сразу же уеду отсюда, так как у этой печальной вдовы, на которой я женился, больше нет ни пенни и дом заложен. Я уехал бы еще в прошлом году, но решил дождаться рождения сына и посмотреть, не подцепит ли честолюбивая разбитная Люси какого-нибудь богача в покровители. Она для этого достаточно привлекательна... – проговорил он с холодной расчетливостью. – Послушайте, мы никогда больше не встретимся, если вы проявите великодушие и отпустите меня. Эта затея с похищением была непростительной глупостью, – с явной неохотой признал Мэйхью. – Я собираюсь поискать счастья на европейском континенте. Все, что мне от вас нужно, – деньги. Как только я их получу, тут же исчезну навсегда, а вы получите возможность спать в постели, согретой этой красавицей-блондинкой, – усмехнулся он. – Вы не захватили с собой ту грудастую корнуоллку? Жаль! – Он выдержал долгую паузу, злобно глядя на своего противника. – Отдайте мне деньги – и можете забирать блондинку. На мой

взгляд, эта златокудрая красавица намного предпочтительнее той брюнетки...

– А где мои люди? Вы что, их убили? – вдруг перебил Руперта Блэккер.

– Ну да, убитые... очередной попойкой, – тихо сказал Росс. – Думаю, с тех денег, что я дал, да и времени было достаточно.

Мэйхью смерил Блэккера презрительным взглядом, брезгливо скривив губы, но в присутствии Люка сдержался.

– Приятно слышать, что вы такой щедрый! Значит, сможете заплатить мне тысячу фунтов стерлингов, чтобы получить свою несравненную мисс Нэш в целости и сохранности.

Мэйхью широко распахнул робу Кларки, которой все еще была укрыта Ребекка, и грубо схватил девушку за грудь. Ребекка резко отпрянула от рук своего мучителя.

– Меррилл... – пригрозил ему Люк охрипшим от страха голосом и приблизился к Мэйхью на два шага.

– У меня есть корабельная команда, которая давно не видела женщин, – продолжал мучить Люка Мэйхью, делая вид, что собирается перерезать Ребекке горло. – Этот ангелочек был бы для них приятным развлечением при переходе через Ла-Манш. Смотрите, как она трепещет от одной этой мысли! – поддразнивал Мэйхью Люка. – Она боится перехода через Ла-Манш. Не бойтесь, милочка, все морское путешествие вы проделаете на спине.

– Если вы сейчас же ее отпустите, получите столько денег, сколько вам никогда не заработать, проживи вы еще хоть сто лет, – предложил Люк и тут же понял, что совершил ошибку. Стремясь как можно скорее вырвать Ребекку из рук этого негодяя, он невольно разжег в Мэйхью ненасытную жадность.

– Кто бы мог подумать... – усмехнулся Мэйхью, – похоже, от меня зависит жизнь и смерть Люка Трилоуни! – Он снова протянул руку к робе, и Ребекку передернуло от омерзения к коротышке. – Так и быть, я возьму у вас деньги, Трилоуни, можете пасть передо мной на колени и умолять меня перестать ласкать вашу невесту... Видите, как ей это нравится?

Луч света дернулся и упал прямо на Люка, тот отпрянул, а Мэйхью прикрикнул на Кларки:

– Держи фонарь, дурень!

Но Кларки, наклонив голову, с искаженным от ярости лицом и громким ревом бросился на своего хозяина.

– Убирайся к повозке, тупица, не то получишь! – крикнул Мэйхью,

махнув рукой в сторону старой фермерской повозки. Но его угрозы и ругательства не возымели никакого действия.

Подбежав к Ребекке, Кларки схватился голой рукой за лезвие кинжала и отвел его на безопасное расстояние, дико крича от нестерпимой боли, затем оттолкнул мерзкого человечка от Ребекки с такой силой, что тот кубарем прокатился несколько ярдов, пока не скрылся в темноте.

Ребекка без сил опустилась на землю, но подскочивший Люк подхватил ее на руки. Словно издалека она слышала гортанные угрозы и приказания Люка, но его нежные поцелуи постепенно приводили ее в чувство. Потом Люк крепко обнял Ребекку и, передав в объятия Саймона, быстро ушел.

Саймон с сестрой на руках дошел до повозки и осторожно уложил в нее Ребекку, сел за кучера и погнал старую изможденную лошадь по дороге, шедшей вдоль берега моря. Ребекка успела настолько прийти в себя, что увидела, как Блэккер с Россом схватились в жестоком поединке и каждый старался, улучив момент, нанести своему врагу смертельный удар, а исчезнувший было Мэйхью бежал на помощь своему сообщнику. Объятая ужасом, она проследила, как контрабандист, которого Росс оглушил и сбил с ног, медленно поднялся и с кулаками на изготовку стал ждать спешащего к брату Люка. Но не прошло и нескольких секунд, как Люк одним ударом уложил его на землю, а сам бросился на помощь Россу, который, угрожая кинжалом двум окружившим его бандитам, держал их на расстоянии двух шагов.

Росс набросился на Блэккера и уже, было, замахнулся, чтобы нанести ему удар кинжалом, но подоспевший Люк успел схватить брата за руку. Внимание Ребекки привлекло выражение лица Росса – он улыбался... нет, удовлетворенно посмеивался, будто подобное занятие было ему по душе. Росс жестом предупредил Люка, что к контрабандистам идет подкрепление. Ребекка, сидевшая в повозке, тоже посмотрела в ту сторону, куда показывал Росс, – четверо мужчин спускались с горы, еще несколько вышли из плохо освещенного здания таверны.

Саймон последний раз щелкнул кнутом, и старая лошадь, наконец, свернула в лес. Здесь было темно и тихо. Не прошло и минуты, как Саймон

остановил повозку и повернулся к Ребекке. Бросив вожжи, он наклонился и обнял ее за плечи: Ребекку била нервная дрожь.

– Мне нужно вернуться и помочь им, Ребекка. Я понимаю, Люк, возможно, уьет меня за послушание, но я должен вернуться во что бы то ни стало. Силы явно не равны, даже если великан Кларки присоединится к нам.

Ребекка кивнула в знак согласия, не в силах вымолвить ни слова.

– Эта дорога ведет в Брайтон. Через какое-то время старая кляча сама добредет туда, а дальше ты дорогу знаешь. Не бойся, ты справишься. – Саймон обнял ее и, спрыгнув с повозки, помчался в Чертову бухту.

Ребекка вскарабкалась на козлы и стала на ощупь искать брошенные Саймоном вожжи. Она хотела повернуть повозку и мчаться вслед за братом на помощь тем, кого она так любила, но вовремя осознала, что в таком состоянии стала бы опасной помехой.

Старая лошадь вдруг повернула голову и посмотрела на нее своим печальным глазом. В призрачном лунном свете, едва проникавшем сквозь ветви деревьев, Ребекка узнала лошадь и вспомнила, как ее называл возчик – это была Бесси, которая привезла их с Люси в «Саммер-Хауз». Боже мой! Как давно это было!

– Но, Бесси, но! – повеселев, стала погонять лошадь Ребекка. – Ты наверняка знаешь эту дорогу, так что я полностью полагаюсь на тебя.

В ответ старая кобылка тихо заржала и перешла на легкую рысцу.

Угольки в камине медленно угасали один за другим, время от времени вспыхивая красным светом и выбрасывая сноп светящихся искр. Ребекка устало откинулась на спинку стоявшего у камина кресла и, окинув взглядом свою маленькую гостиную, в изнеможении закрыла глаза. Старинные стенные часы пробили два часа ночи, и она от неожиданности вздрогнула.

Была уже полночь, когда она вернулась домой, но Марта и Грегори, обеспокоенные и встревоженные, ждали ее. На объяснения у Ребекки не было ни сил, ни желаний – она все еще находилась в возбужденном состоянии от пережитого чудовищного потрясения. Пообещав Тернерам, что утром все им расскажет, и, заверив их, что она цела и невредима,

Ребекка пожелала им спокойной ночи и проводила их до двери.

Ребекка не поехала в усадьбу. Ночная тряска в повозке охладила ее пыл, и к ней вернулась способность рассуждать. Она вспомнила о Тернерах, которые наверняка остались в «Саммер-Хаузе» и все еще ждут ее, обеспокоенные таким долгим отсутствием.

К тому же ей было о чем поразмышлять наедине с собой. Руперт Мэйхью сделал столько намеков о корнуолльском прошлом Люка, что она ни о чем другом думать уже не могла. Хотя все говорилось в запальчивости и со зла, однако, без сомнения, было чистой правдой. Люк ничего не сказал в свое оправдание...

Ребекка вдруг вспомнила, что необъяснимым образом предчувствовала: у Люка была до нее другая женщина, которую он целовал и обнимал с той же страстью, что и ее, Ребекку. А она-то простодушно поверила ему, что была его единственной и неповторимой. К своему стыду, Ребекка вдруг почувствовала в душе огненную ненависть к любовнице Люка. У нее даже перехватило дыхание от такого сильного чувства, и ладони сами собой сжались в кулаки. И Люка она тоже возненавидела за его предательство.

Вчера вечером Ребекка спросила, любит ли он ее. Люк не ответил... Теперь она знает, почему. У него уже была любимая женщина, которая имела все основания считать, что он всецело принадлежит ей. Практически они были мужем и женой, только что не венчаны. Та, другая, владела всеми его богатствами – разумеется, кроме имени.

Какая же она наивная и доверчивая, подумала Ребекка. Почему так безоглядно поверила ему? Ведь было столько доказательств его лжи. Скандальный случай с двумя продажными девицами в усадебном доме Рэмсденов. Его посещения таверны «Бык и мышь» с полуголыми девицами в прозрачных одеяниях и ищущими утех мужчинами, готовыми платить по предъявленному счету. Ей просто хотелось верить, что Люк – истинный джентльмен.

Теперь у нее не осталось никаких сомнений, что в действительности у него нет намерения взять ее в жены, а обещание обвенчаться в Брайтоне – бессовестная ложь. Он сразу понял, что она не согласится на скоропалительный любовный роман, и решил прельстить ее переездом в Корнуолл в качестве своей невесты.

Теперь она поняла: жрицы любви постоянно окружали Люка. Слезы медленно текли по щекам Ребекки... Все-таки она не может не любить его.

Едва ощутимое тепло, шедшее от погасшего очага, иссякло, и Ребекка почувствовала, что начинает замерзать. Преодолевая смертельную

усталость, она заставила себя встать с кресла и пойти на кухню погреться у еще теплой кухонной плиты. Немного согревшись, она поднялась в свою спальню.

Знакомый запах сухой лаванды подействовал на нее успокаивающе, и она с удовольствием втянула пропитанный нежным ароматом воздух. Сбросив шаль и туфли, Ребекка бросилась на мягкую постель и замерла, наслаждаясь умиротворяющим покоем. Укрывшись мягким пушистым пледом, она мгновенно заснула.

Высунув голову из своего уютного теплого гнездышка, Ребекка на мгновение открыла глаза, однако усталость взяла свое, и она опять начала задремывать. Но что-то заставило ее снова поднять голову.

Стряхнув сон, Ребекка услышала какой-то шум и прислушалась: скрипела дверь в гостиной, которую она обычно закрывала, чтобы не беспокоить Люси. Вчера она тоже закрыла ее, не отдавая отчета, зачем это делает.

Она выбралась из-под пледа и села на край постели, одной рукой убирая пряди белокурых волос со лба, а другой шаря в поисках шали.

Ребекка лихорадочно спрашивала себя, кто это мог быть. Саймон или Люк? Мэйхью или Блэкер? Несмотря на отвагу, с которой сражались братья Трилоуни и Саймон, силы были не равны, и бандиты из шайки Блэкера могли одержать над ними победу. От этой ужасной мысли она стремглав бросилась к двери. Прижавшись к ней ухом и едва дыша, Ребекка прислушалась: на кухне кто-то осторожно шагал.

Если Люк и Саймон ранены... или убиты, то Мэйхью или Блэкер обязательно придут за ней, и одному Богу известно, что с ней будет... Ребекка в ужасе вспомнила, как Мэйхью грозился отправить ее на один из своих кораблей... В воспаленном воображении всплыла жуткая картина: Люк, Саймон и Росс неподвижно лежат на прибрежном песке... Она зажала рот ладонью, чтобы не дать вырваться стону. Потом отошла от двери и бесшумно прокралась к окну. Луна вышла из облаков, и ее серебристый свет ласкал гладкую поверхность мраморного столика для умывания, где лежали маленькие ножницы. На цыпочках вернувшись к двери, девушка встала перед ней, готовая к обороне, сжав в руке холодный металл.

Вдруг дверь медленно приоткрылась, и на потолке заплясало пятно света от дрожащего пламени свечи, а на стене появилась огромная тень мужчины. Он стоял за дверью и, как казалось Ребекке, чего-то выжидал. Это напоминало дьявольское пристрастие Мэйхью играть со своей жертвой в кошки-мышки. Дрожа от страха и неизвестности, размахивая своим «оружием», Ребекка с криком бросилась на противника.

Мужчина выронил свечу и негромко чертыхнулся: в спальне стало темно. Комната освещалась лишь лунным светом, проникавшим через окно. Сильные руки обхватили Ребекку и прижали к широкой груди. К его груди – она узнала едва уловимый запах лимона и свойственную только ему властную манеру обращения. Облегченно вздохнув, Ребекка, высвободив свои маленькие ручки, крепко обняла Люка, переполняемая чувством беспредельной любви и благодарности.

Такое бурное проявление чувств вызвало у Люка приглушенный гортанный смех.

– Верю, верю, ты по мне очень соскучилась, – прошептал он и крепко поцеловал ее. Затем откинул голову и внимательно осмотрел ее шею. – Как ты себя чувствуешь? У тебя ничего не болит? – встревожено спросил Люк.

Она покачала головой и, пристав на цыпочки, прижалась губами к его губам.

Чудесное появление Люка и его нежные поцелуи на какое-то мгновение заставили Ребекку забыть о судьбе Саймона и Росса и отодвинули подозрения и страхи, мучавшие ее весь сегодняшний вечер. Ребекка пока от них отмахнулась, беззаботно погрузившись в упоительное блаженство, которое чувствовала каждый раз, когда Люк обнимал и целовал ее.

Наконец, отстранив Люка, она засыпала его вопросами:

– Где Саймон и твой брат? Что случилось с Блэккером и Мэйхью? А Кларки? – И вдруг вспомнила: – А Люси? – Ребекка совершенно забыла о своей ученице. – Что с Люси? Она нашлась? – Голос Ребекки задрожал от волнения.

– Успокойся, – мягко проговорил Люк, протягивая к ней руки, чтобы снова обнять и успокоить ее.

Но Ребекка быстро отошла от него, скрестив на груди руки. Ей необходимо узнать, чем закончился этот ужасный вечер, и она заставила себя оставаться спокойной и благоразумной.

– Люси в полной безопасности. Она в усадебном доме на попечении Джудит, – спокойно сказал Люк, пристально глядя своими темными глазами на Ребекку. – Они с Джоном направлялись в Шотландию, где собирались обвенчаться. Но успели проехать совсем немного, когда мы с Россом схватили их. – Проведя ладонью по растрепавшимся волосам девушки, он с ласковой улыбкой оглядел ее маленькую хрупкую фигурку. – Прости, что так испугал тебя. Я изо всех сил старался не шуметь. Брат твой в усадьбе, правда, выглядит он несколько помятым...

– Он ранен? – испуганно воскликнула Ребекка, сверкнув голубыми

глазами.

– Губа разбита, синяк под глазом... Он еще легко отделался за свое непослушание, негодник! У Росса несколько пустячных царапин. Пожалуй, днем надо будет пригласить врача. Но расположение духа у них прекрасное – вернувшись в усадьбу, они тут же отправились в винный погреб праздновать победу, – насмешливо сказал Люк и закончил: – Иди ко мне, – мягко, но очень властно.

– А как ты? – поспешно спросила Ребекка, делая вид, что не слышала. – Ты не ранен?

– Нет, всего несколько царапин... ах, да! Еще рана от вонзившихся в руку ножниц. Но чувствую я себя прекрасно.

– О, прошу прощения, – проговорила она и бросилась к нему, словно желая посмотреть, какой вред ему причинила, но внезапно передумала и остановилась. Раз она решила не терять самообладания от его чар, то необходимо держаться на расстоянии.

– Что же ты? Иди ко мне.

Ребекка повернулась и встала около умывального столика – теперь их с Люком разделяла кровать.

– А что с Мэйхью и Блэккером? – спросила она, поглаживая холодную мраморную поверхность столика.

– Мэйхью убит, Блэккер – ранен. Он и два его сообщника доставлены к местному судье, который не очень-то обрадовался, что его разбудили в столь ранний час. Таможенники тоже ими заинтересовались и зададут им несколько вопросов.

– И тебе тоже! – резко сказала она, сверкнув глазами, но тут же раскаялась, что нарушила свое решение быть осторожной и держать себя в руках.

Воцарилась гнетущая тишина.

– Ну, иди ко мне. – Люк первым прервал молчание. – Я не могу говорить на таком расстоянии. Подойди ко мне, я все тебе объясню. Видишь ли, я избегал говорить о некоторых вещах: о своем полном опасностях прошлом, о связях нашей семьи с контрабандистами... и таможенниками. Понимаю, что было глупо ждать подходящего момента. Я хотел все рассказать именно сегодня. Все так прекрасно складывалось. Это был самый счастливый день в моей жизни...

– А вечер? – спросила она с презрительными нотками в голосе.

– Подойди же ко мне, и я тебе все объясню, – произнес он вкрадчивым голосом, лукаво посмеиваясь.

– Ты уже объяснял, – возразила Ребекка, которую приводило в ярость

его веселое настроение, не вязавшееся с ее подавленным душевным состоянием. Откинув со лба дрожащими холодными пальцами непокорные пряди золотистых волос, она продолжала: – Ты отвечал на вопросы, которые меня действительно беспокоили, Люк, и делал это с такой убедительностью, что я и в самом деле поверила в твою искренность. Скажи, кто я для тебя? – вырвалось у нее в порыве гнева. – Нечто, что можно увезти домой? Деревенская диковинка, в которую можно поиграть, пока не наскучит? Что стало бы со мной, если бы я бросила свой дом, друзей, все, что мне здесь дорого, и очертя голову поехала бы с тобой в Корнуолл? Росс рассказывал мне, что ты был очень щедр со своими любовницами, но это не помешало тебе их безжалостно выгнать. Он сказал, в случае чего ты вернешь меня в Суссекс... обеспечив мне безбедное будущее и сохранив мою безупречную репутацию... Похоже, так оно и будет...

– Откуда Россу знать о твоём будущем? – тихо возразил Люк.

Ребекка захлебнулась от истерического смеха:

– Что ты хочешь этим сказать? Что меня отошлют назад в Суссекс без средств к существованию? Значит, ты стал экономить? Кстати, Мэйхью тоже говорил, что...

– Ребекка, моему терпению есть конец. Мэйхью... или, правильнее сказать, Меррилл – отпетый преступник, вор, мошенник, убийца и лжец. Перечень можно продолжать до бесконечности, и я не собираюсь это обсуждать. – Люк, бормоча ругательства, быстрыми шагами подошел к ней.

Ребекка отпрянула от него, вжавшись в угол между стеной и умывальным столиком и яростно отбиваясь от протянутых к ней рук.

– Не смей прикасаться ко мне! Не... смей... – прошептала она, заливаясь слезами. – Я поверила тебе... доверилась совершенно... Но ты ничего не сказал о Кларки, – перевела она разговор в другое русло, чтобы успокоиться. – Его рука заживет?

Наступило тягостное молчание.

– Кларки погиб. Я сам хотел расправиться с негодяем, но Кларки почему-то не дал мне это сделать. Он с разбега столкнул Мэйхью с вершины утеса, но не удержался и тоже упал в бездну. Если бы не он, ты бы погибла... – Люк тяжело вздохнул и сокрушенно покачал головой. – Я понимаю, ты потрясена случившимся, Ребекка, – ласково проговорил он. – Давай оставим наш разговор до утра. Нам обоим надо хорошенько выспаться.

– Прошу меня утром не беспокоить, – выпалила она ему в лицо. – Мне нечего обсуждать с вами утром, мистер Трилоуни! Ни утром, ни когда бы

то ни было еще. Я буду вам признательна, если вы передадите Саймону, что я жду его у себя в «Саммер-Хаузе». А теперь вы немедленно покинете мои спальню и дом!

Лицо его было хорошо видно в льющемся из окна лунном свете – глаза искрились весельем, но у рта залегли глубокие складки.

– Ты больше не хочешь меня видеть, Ребекка? – тихо спросил он. – Не раскаешься?

– Ни за что! – твердо сказала она, но голос предательски дрогнул.

– Ты отказываешь мне в доверии. Если в отношениях нет искренности и доверительности, о свадьбе речи быть не может. Когда-нибудь я расскажу тебе все. И ты поймешь, что подозрения были напрасны. Ты теперь видишь во мне только плохое. Не хочешь мне верить, – предположил он с горьким упреком, – что я мечтаю о любящей жене, о детях, о прочной семье... Я открыл тебе душу. А ты поверила этому отпетому негодяю Мэйхью.

Он улыбнулся, и с нее мгновенно слетели вся самонадеянность, все самообладание. Она растерялась. Думала, он начнет оправдываться, защищаться, а он словно обвиняет ее во всем.

Ребекка подняла глаза – и чуть не вскрикнула: задумавшись, она не заметила, как Люк приблизился к ней и теперь нависал над ней словно утес. Луна снова вышла из-за облаков, и в комнате стало немного светлее. Ребекка вскинула подбородок и бесстрашно посмотрела Люку в лицо, хотя сама внутренне сжалась от страха.

– Разве вы не такой же преступник, как те, из Чертовой бухты? Вы просто притворяетесь порядочным человеком. Теперь я поняла, почему вы не хотите здесь оставаться: с вас сорвут маску джентльмена! – заявила она и попыталась выскользнуть из угла, в который сама себя загнала, но Люк преградил ей дорогу.

– Как я понял, ты расторгла нашу помолвку, – сухо сказал он.

Ребекка кивнула, не соизволив даже ответить.

– Я бы не хотел расставаться.

– Ничего другого не остается, – едва слышно прошептала она.

– Может, поцелуемся на прощанье? – предложил Люк, не скрывая хорошего настроения, потому что не чувствовал за собой никакой вины.

Поняв, что над ней насмеются, Ребекка размахнулась и вlepила ему полновесную пощечину, вложив в нее всю свою боль и обиду за его предательство и ее унижение. Потом без сил оперлась руками о холодный мраморный столик.

Люк прижал свои ладони к разгоряченному лицу девушки, и большие пальцы начали гладить ее нежную шелковистую кожу на щеках и

подбородке. Губы Ребекки расслабились, полураскрылись, и Люк стал склоняться к ним, заставляя ее изнывать от ожидания. Закрыв все пространство своим сильным мускулистым телом, он поцеловал ее уверенно и властно.

Предательская волна внезапно нахлынувшей истомы сломила и обессилила Ребекку. Она нежно прижалась к Люку и, вздохнув, сдалась на волю победителя, позволив ему отнести ее на кровать.

После страстного поцелуя она долго приходила в себя, а Люк обеспокоено смотрел на нее, приподнявшись на локтях. Ребекка, словно притягиваемая магнитом, приподнялась вслед за ним, закрыв глаза и запрокинув голову. Он, придерживая ее голову руками, запустил свои длинные пальцы в копну ее белокурых волос и заставил Ребекку посмотреть на него.

– Ты не представляешь, в каком я был ужасе, прочитав, что ты в руках Мэйхью! – блестя глазами, воскликнул Люк. – Решил, что больше никогда не увижу тебя... – Он осекся, и Ребекку потрясло до глубины души, что такой сильный, волевой человек потерял самообладание. Он сел и, обняв, прижал ее к себе, не сводя с нее своих темных непроницаемых глаз. – Ребекка, я же рассказывал тебе вчера, что вел жизнь обычного корнуолльского холостяка... Ни святой, ни грешник. Просто человек. И если я и был втянут в контрабандный промысел, то виноваты в этом эти проклятые Рэмсдены, которых ты так превозносишь. С них все и началось!

Ребекка недоверчиво уставилась на него.

– Да, это правда, – улыбнулся Люк. – Когда моя прабабушка Шарлотта Рэмсден тайно бежала с Джаго Трилоуни в Корнуолл, ее семья была крайне возмущена безрассудным поступком дочери. Родители во всем винили Джаго, считая, что он соблазнил и увез ее. Но он был вполне приличный молодой человек, только чертовски красив собой. Они случайно встретились в Брайтоне – видно, это уже тогда было семейной традицией, – и Шарлотта влюбилась в него с первого взгляда. В семейных преданиях говорится, что именно она соблазнила Джаго и, когда он собрался в Корнуолл, решила последовать за ним. Они любили друг друга и были очень счастливы, несмотря на бедность. Выросшая в богатой аристократической семье, Шарлотта тосковала по красивым дорогим вещам. Однажды она купила французские кружева у странствующего торговца, продававшего контрабандные товары. Дальше – больше. В следующий раз она приобрела у него французские духи и коньяк. Муж добывал на пропитание рыбной ловлей, и она быстро сообразила, что за Ла-Маншем предметы роскоши обойдутся ей намного дешевле. Прадед ей

ни в чем не мог отказать... еще одна семейная традиция, – сказал Люк как бы про себя.

Ребекка, замороженная рассказом, во все глаза смотрела на него.

– Так возникла самая влиятельная в Корнуолле династия контрабандистов. Она просуществовала более ста лет и умерла вместе с моим отцом, которого тоже звали Джаго. Беспощадной торговле Трилоуни был положен конец. Мой отец и Меррилл, то есть Мэйхью, были враждующими конкурентами. У отца были моральные устои: он никогда не брал денег с эмигрантов, бежавших в Англию от ужасов Французской революции, и никогда не предавал свою страну. Меррилл же шел напролом ради денег, и горе было тому, кто не мог ему заплатить, – их он безжалостно убивал. Как-то французская аристократическая семья, спасавшаяся от преследований на родине, обратилась с просьбой к Мерриллу перевезти их в Англию. Они бежали из поместья, в чем были, не успев взять с собой ценные вещи. Когда Меррилл понял, что ему ничего не заплатят, он убил графа и изнасиловал его жену и дочь. Мы с отцом случайно оказались в той бухте, дожидаясь наступления темноты, чтобы разгрузиться...

Мне было лет восемнадцать, я уже занимался семейным делом, но больше любил работать в нашей бристольской конторе по морским перевозкам. Она существовала давно, на законном основании, но скорее для отвода глаз. Я был единственным, кто задумывался над созданием собственной флотилии. Тристан и Росс... особенно Росс... предпочитали рискованные гонки под покровом ночи под самым носом у таможенников. Они всегда выходили победителями, так как мы прошли хорошую школу мореплавания.

Люк нахмурился и вздохнул. Ребекка слушала, затаив дыхание.

– Мы с отцом наткнулись на французенок и тело графа, когда Меррилл уходил с места преступления. Между командами Меррилла и Трилоуни завязалась жестокая драка. Улучив момент, этот трусливый выродок всадил моему отцу кинжал в спину. Отец, теряя последние силы, ответным ударом ранил своего обидчика...

Отцу пришлось отойти от дел, и компанию возглавил я, решив выполнять торговые перевозки законно, и перевел все наши корабли в Бристоль. Отец осознал, что таким образом наша прибыль увеличится, и поддержал меня. Он умер ровно через три года от раны, нанесенной ему Мерриллом. Я поклялся найти и убить Меррилла. Мне удалось сделать это, как я полагал, четыре года назад, в Лиззард-Пойнт, в Корнуолле. Тогда мы с таможенниками гнались за кораблем Меррилла, шедшим с контрабандным

грузом, и захватили его. Для борьбы с контрабандистами я передал таможенникам несколько быстроходных кораблей, но сам перестал вести охоту.

Люк нежно прикоснулся губами к мочке ее уха. От удовольствия Ребекка вздрогнула, у нее закружилась голова.

– Не буду говорить, что я непримиримый противник контрабандного, беспошлинного ввоза товаров в страну, но должен заметить, что большая часть контрабандистов – отъявленные головорезы. Я бросил это занятие, хотя понес некоторые коммерческие издержки. Торговля на законных основаниях несет невосполнимые убытки, если дела контрабандистов процветают, потому что конкурировать с их ценами очень трудно. Но я сделал для себя вывод, что самое лучшее в борьбе с ними – крупная торговая флотилия... такую я и создал.

Он стал гладить Ребекку по голове, играя золотистыми прядями, и, наклонившись к ней, тихо произнес:

– Ребекка, я не преступник, веришь мне?

Наступила тягостная тишина. А твои любовницы? – чуть не крикнула Ребекка, но вслух едва слышно произнесла:

– Не совсем.

– Хорошо, задам вопрос по-другому: кто я для тебя, Ребекка? Твой жених или подлый корнуольский контрабандист? – глядя ей прямо в сверкающие глаза, спросил Люк.

– Ты тот, с кем я была помолвлена, – после некоторого молчания произнесла она.

Глава четырнадцатая

– Саймон! Рад вас видеть! – Мистер Джонсон приветствовал белокурого молодого человека и лишь потом обратил внимание на его сестру. Взглянув на нее с улыбкой, он предложил ей сесть.

Саймон с иронией наблюдал за любезным управляющим банком. Совсем недавно он был для того просто «мистер Нэш», а ныне его встречают с распростертыми объятиями. Что ж, неудивительно, ведь теперь он стоит шесть тысяч фунтов стерлингов.

– Мисс Нэш, вы поняли, что с сегодняшнего дня можете распоряжаться наследуемыми деньгами по своему усмотрению? – спросил ее Джонсон.

Ребекка слабо улыбнулась. Ей не терпелось покончить со всеми формальностями и поскорее выйти на свежий воздух. У нее нестерпимо болела голова. В тот вечер, когда Люк навсегда ушел из ее жизни, она проплакала всю ночь напролет. С тех пор не было дня, чтобы у нее не раскалывалась голова. С трудом прогнав тяжелые воспоминания, девушка заставила себя слушать, что говорит мистер Джонсон.

– ...начисляется семь процентов, – уловила она конец фразы, улыбнулась и кивнула, делая вид, что серьезно относится к его советам, как и подобает двадцатилетней незамужней женщине.

Двадцать шесть, печально подумала Ребекка. К несчастью, три дня назад произошло свидание, из-за которого она навсегда останется старой девой.

– Но я уверен, что ваш брат поможет... – вклинились слова мистера Джонсона в ее печальные размышления.

Ребекка заметила, как Саймон смутился и покраснел.

– Подпишите бумаги, чтобы соблюсти все необходимые формальности. – Когда Ребекка подписала все, что требовалось, управляющий заметил: – Можно извлечь хорошую прибыль из денег, если заставить их работать на себя. Я слышал, что ваш дедушка предусмотрительно скупал непригодные земли, которые очень выгодно продавал, когда они подсакивали в цене. Я могу порекомендовать посредника для покупки недвижимости...

– Благодарю вас, но сейчас я не готова принять такое важное решение.

– Разумеется. – Он улыбнулся. – Насколько я понял, вы испытываете особую привязанность к «Саммер-Хаузу». Так, может, новый хозяин

усадьбы Рэмсденов продаст его вам?

– Неизвестно, сколько времени пройдет, пока появится этот новый хозяин, – вмешался в разговор Саймон.

– Что вы! Усадьбу Рэмсденов уже купили, – возразил управляющий банком.

– Трилоуни уезжают?! – вырвалось у Ребекки.

– Если не уехали, то вот-вот уедут, – сообщил управляющий. – Мисс Нэш, прежде чем сделать какой-нибудь важный шаг, обязательно приходите и посоветуйтесь со мной, – сказал он на прощание.

– Наконец-то с этим покончено, – облегченно выдохнул Саймон, когда они вышли на улицу, щурясь от неяркого ноябрьского солнца. – Пойдем выпьем чаю и что-нибудь поедим, а потом я отвезу тебя домой. О, у меня есть кое-какие новости для тебя, – заметил он на ходу, взяв сестру под руку.

Ребекка машинально поднесла чашку с чаем ко рту, но, даже не пригубив, поставила на блюдце.

– Ты знал, что Люк и Росс уезжают в Корнуолл?

– Нет. Они мне ничего не говорили. Вообще-то я... мы с Россом... я... это... – начал мяться Саймон.

– Ясно. Вы оба сильно увлеклись виски.

– Росс славный парень, – сказал Саймон с мальчишеской улыбкой.

– Что за новость ты мне хотел рассказать? – спросила Ребекка, отпив чай и бросив рассеянный взгляд в окно: стайка мальчишек играла в пятнашки в лучах тусклого осеннего солнца.

Три месяца назад этот день стал бы самым счастливым в ее жизни. После пяти лет борьбы за существование она, наконец, получила наследство, которого хватит на всю оставшуюся жизнь. Теперь можно позволить себе покупать дорогие духи и драгоценности... Но радости не было, она чувствовала себя опустошенной и подавленной.

– Я тоже скоро уеду, Ребекка, – осторожно сказал Саймон, подготавливая сестру к сообщению о предстоящей разлуке. – Получил работу, – с гордостью произнес он. – Люк предложил мне место в его бристольской конторе по морскому судоходству. Если все пойдет хорошо, я стану настоящим моряком и уйду в дальнее плавание.

Ребекка опешила, потрясенная новостью. Брат снова исчезнет, теперь по вине Люка Трилоуни.

– Ты будешь работать у Люка?! Вон оно что! Тебе предложили место в инвестиционной компании, и ты воспользовался, чтобы... – как бы рассуждая про себя, тихо проговорила Ребекка. Когда она перестанет, словно малое дитя, верить всему, что ей говорят? – Признайся, ты вложил

деньги в его компанию? О ней ты рассказывал мне тогда? И эти деньги тебе дал он?

– Да, – тихо подтвердил Саймон. – У меня не было ни пенни. Люк одолжил мне две тысячи фунтов стерлингов, с их помощью я получил потрясающую прибыль! Долг я Люку вернул, – торопливо добавил Саймон. – Все, до последнего пенни! Люк поставил обязательное условие... оставшиеся деньги я отдам тебе... и представлю дело так, будто сам их заработал.

– Ясно... – сказала Ребекка, хотя и не поняла, зачем такой сложный путь, чтобы помочь ей, и почему надо это скрывать.

Вероятно, Люк понял, что она ни за что не примет помощь сразу же после их разрыва. Ребекка закрыла глаза и крепко стиснула зубы. А может, причина в том, что он добрый, щедрый и честный человек. Это подтвердилось буквально на следующий день... Если бы только она послушалась Люка и легла спать в ту ночь, если бы они спокойно поговорили утром...

Люка, Росса и Саймона вместе с таможенниками пригласили к мировому судье для дачи свидетельских показаний о происшествии в Чертовой бухте. Саймон поведал ей, с каким почтением таможенники обращались к Люку Трилоуни и как благодарили его за помощь в борьбе с контрабандистами на южном побережье.

– Ребекка, не говори Люку, что я все рассказал, – смущенно попросил ее брат. – Главным его условием было твое полное неведение о том, как восстановлено твое приданое. Если он узнает... Не хочу терять работу в его судоходной компании... Другого такого случая больше не представится...

– Я никому ничего не скажу, – перебила его Ребекка, – потому что больше никогда не увижу Люка, раз они с Россом уезжают в родные края. – От горькой правды, содержащейся в этих словах, ее голос задрожал, а бирюзовые глаза наполнились слезами.

– Не плачь, Ребекка! У вас с Люком вышла просто небольшая размолвка, – с искренним сочувствием успокаивал сестру Саймон.

– Прошу тебя, Саймон, тоже не проговорись, – внезапно побледнела Ребекка. – Официального объявления о нашей помолвке не было. И если Люк никому ничего не сказал, значит, он не хочет, чтобы это стало известно. – Или вообще выкинул их помолвку из головы, с грустью подумала Ребекка.

– Все, что сказал тебе этот негодяй Мэйхью, – ложь, клевета. – Саймон чувствовал себя виноватым перед сестрой и хотел, чтобы она была счастлива. – Ты почти ничего не знаешь о том, что происходит в мире, –

осторожно продолжил он. – Ты слишком засиделась в деревне... общаясь только со стариками Тернерами, со священником и его женой. У тебя нет никакого представления о... светском обществе... и... э... о мужчинах и образе их жизни...

Ребекка пристально посмотрела на брата.

– Если ты пытаешься меня убедить, что надо закрыть глаза на любовниц Люка... и что в этом вообще ничего предосудительного нет... – От волнения у Ребекки осекся голос, и сдавило горло.

Саймон смутился и стал ерошить свои густые белокурые волосы.

– Я совершенно уверен, что Люк тебя очень любит... И то, что у него кто-то раньше был... или он чем-то раньше занимался... Одним словом, все это неважно... это было до встречи с тобой... Черт возьми, Ребекка, – воскликнул Саймон, – не стоит придавать значения подобным вещам, если даже узнала об их существовании!

В ответ Ребекка только слабо улыбнулась.

– У меня голова раскалывается, Саймон, – искренне пожаловалась она.
– Ты не мог бы отвезти меня домой?

– Я собрала все вещи Люси, – сказала Марта вошедшей на кухню Ребекке, едва успевшей снять с головы капор. – Если хотите, Грегори переложит их в дорожный сундук.

Ребекка улыбнулась Марте и подумала о Люси, вернувшейся домой к своей матери на следующий день после трагических событий в Чертовой бухте. Вдове к тому времени уже сообщили о смерти ее второго мужа и о его преступной деятельности. Можно было только гадать, что испытала бедная миссис Мэйхью! Ребекка надеялась, что Люси расскажет матери подробности смерти ее отчима и предшествующие ей события. Ребекка не сомневалась, что этот негодяй испортил жизнь не одной женщине.

– Ну, как, головная боль утихла? – прервала Марта ее размышления.

– Мне гораздо лучше, – солгала Ребекка. Она не хотела, чтобы Тернеры задерживались у нее допоздна, вместо того чтобы засветло уйти к себе домой. – Управляющий банком сказал, братья Трилоуни собираются со дня на день уехать. Как думаешь, это правда?

Марта, начала старательно разглаживать передник на животе.

– Похоже, правда, мисс Бекки. Раз он не пришел к вам, идите к нему сами и поговорите с ним, – посоветовала Марта, пристально посмотрев на Ребекку своими добрыми серыми глазами. – Это может показаться неприличным, но вы же не хотите, чтобы он плохо о вас думал? – Женщина вздохнула и покачала седой головой. – Ужин в духовке, – прибавила Марта и направилась к двери. Задержавшись на мгновение, она хотела что-то сказать, но раздумала и вышла из кухни.

Нет, плакать она не будет. Девушка проглотила подступивший к горлу ком и резко поднялась со стула. Пройдя в гостиную, она беспомощно огляделась и вернулась на кухню. Без Люси в доме было тихо и одиноко.

Считалось, что Саймон живет теперь в «Саммер-Хаузе», но Ребекка редко его видела – он приезжал сюда только поспать и поесть, подумала она с улыбкой. Ей вспомнились слова мистера Джонсона, что теперь можно выкупить этот дом у нового владельца усадьбы Рэмсденов... или приобрести дом в городе... Нет, не может она ни на чем сосредоточиться.

Ее бирюзовые глаза наполнились слезами. Она зажмурилась и уронила на грудь голову. Единственное желание, затмившее собою все остальное, – увидеть Люка. Даже воспоминание об их ужасном прощании не могло остановить ее.

Ребекка посмотрела в окно – смеркалось. Если выйти сейчас, можно успеть вернуться до наступления темноты. Она не может не пойти в усадьбу Рэмсденов. Точно так же, как не могла не сделать это два месяца назад, когда шла извиняться за свое неправильное истолкование предложения Люка. Мысль, что он уедет, считая ее неблагодарной гордячкой, разбивала ей сердце.

Оскорбления, которые Ребекка наносила ему той ночью, теперь казались ей пустыми, и она краснела от стыда. Она многим обязана Люку Трилоуни и обязательно должна с ним встретиться. Один раз. Гордость от этого не пострадает.

Ребекка подобрала свои серебристо-серые юбки и ловко преодолела последний мосток через живую изгородь. Когда она шла этим лугом в прошлый раз, дрожа от гнева, мысленно подбирая слова, чтобы дать отповедь Люку, здесь все было по-другому. Тогда было еще тепло, под

ногами шелестела высохшая от зноя невысокая трава.

Войдя в усадебный парк, Ребекка решительно зашагала по аллее, ведущей к дому. Вдали она увидела человека с огненно-рыжей копной волос на голове. Узнав молодого плотника, Ребекка подумала: встречаются ли Джон и Люси? Парень вел под уздцы вороного жеребца, любимца Люка, и у Ребекки отлегло от сердца – значит, Люк дома. Она выпрямилась, гордо вскинув голову, чтобы придать себе больше уверенности. Поправив тугий узел золотистых волос, она направилась к парадному входу.

Надо же было такому случиться! Сцена, которую увидела Ребекка, была так неожиданна, что сердце ее бешено забилося, а ноги ослабели. Она хотела спрятаться за деревом, но было уже поздно: Люк, обнимавший какую-то женщину, вдруг поднял голову и увидел Ребекку.

Он посмотрел на нее поверх головы брюнетки, выражение его лица удивило Ребекку. Люк торжествовал. Он выпустил женщину из объятий и пошел навстречу Ребекке.

– Прощу прощения, – прошептала Ребекка, с трудом начав говорить. – Я пришла попрощаться с вами.

Люк взял ее за руку и повернул к себе лицом. Ребекка стала высвобождать руку, внимательно вглядываясь в незнакомку. Какая хорошенькая и какая молоденькая – совсем еще девочка. И Люк любит ее!

– Как хорошо, что ты пришла, Ребекка! – воскликнул Люк и потянул ее к этой девочке. – Познакомься: моя сестра.

Ребекка бросила на него недоверчивый взгляд, и Люк горько усмехнулся. Ее уже познакомили с «сестрами» в доме Рэмсденов... Люк громко расхохотался.

– Хочешь, я приведу нашу маму, и она подтвердит, что это действительно ее дочь? – шепотом предложил Люк, иронически улыбаясь. – Кэтрин! – позвал он сестру, и та пошла к ним, приветливо улыбаясь. – Познакомься, это Ребекка Нэш, мой дорогой друг, – сказал Люк. Ребекка вскинула подбородок, заподозрив насмешку, потому что вспомнила встречу с дамами сомнительного поведения в его доме. Она покраснела и опустила голову. Похоже, что то же самое подумал и Люк, так как отвел взгляд и тихо выругался. – Где все? – спросил он сестру. – Я хочу представить им Ребекку.

Не успела Кэтрин ответить, как появился дворецкий.

– Милорд, мистер Виллаби хочет поговорить с вами... Приветствую вас, мисс Ребекка! – воскликнул Майлз. – Джудит только вчера вас вспоминала! Милорд, поверенный говорит, что вы должны срочно ознакомиться с документами, – снова обратился дворецкий к хозяину.

– Пусть подождет.

– А ваш брат интересуется, какая лошадь подойдет мисс Кэтрин. Серая кобылка или...

– Проводи Ребекку в дом, – велел сестре Люк, не обращая внимания на дворецкого. – Я должен извиниться, что сейчас он больше похож на сумасшедший дом, – заметил Люк. – Я вернусь, как только улажу дела с поверенным.

– Не беспокойся, Люк, – ответила его сестра с улыбкой. – Я найду маму, Сару и Джаго.

Кэтрин протянула Ребекке руки с таким радушием, будто та была давним другом их семьи. Они пошли к дому, и Ребекка, не отрываясь, смотрела на высокую стройную фигуру Люка, который в два прыжка преодолел парадное крыльцо.

Когда Ребекка вошла в знакомый прохладный коридор, она увидела у стен набитые до отказа саквояжи, на столах – кипы документов. Несколько мужчин просматривали их и укладывали в папки.

Вдруг выбежал мальчик лет пяти и, увидев Ребекку, резко остановился, не удержался и упал. Ребекка подняла его и поставила на ноги.

Малыш весело засмеялся, когда Кэтрин взяла его на руки и поцеловала. Опустив на пол, Кэтрин погладила его по иссиня-черной голове.

– Это наш Джаго, названный так в честь прапрадедушки и дедушки, – пояснила Кэтрин. – Мой племянник, сын Тристана, – добавила она. – Сам он не смог приехать, но прислал жену и сына, чтобы доставить ему приятное: тот очень любит дядю Люка и дядю Росса.

В эту минуту Ребекка заметила, что Кэтрин очень похожа на Росса.

– Знаете, мы нагрянули сюда совершенно неожиданно! За все время, что Люк находится в усадьбе Рэмсденов, он написал нам всего два письма. Остальные письма он направлял Тристану, где давал указания, как распорядиться угольными шахтами и флотилией. А о себе – ничего! Но мы догадались: что-то чрезвычайно важное удерживает его вдали от дома. Так как он не любит писать письма, мы решили приехать без предупреждения и все выяснить. А оказалось, что он собирает вещи, чтобы вернуться домой! Наш сюрприз оказался ему не в радость – мы явились явно не вовремя.

– Я уверена, вы хотели сделать как лучше, – смогла, наконец, вклиниться в этот поток слов Ребекка. Сестра Люка права: он неприветлив и чем-то расстроен, подумала она, кусая от досады губы. Наверное, и ее неожиданное появление ему тоже не в радость.

Ребекка успела заметить, что он небрит и у него измученный вид;

вероятно, от недосыпания, решила она.

В эту минуту появился Люк со светловолосым мужчиной средних лет, который что-то быстро говорил ему, держа в руках бумаги. Люк ответил и... взглянул на Ребекку. И продолжал смотреть так пристально, что у нее закружилась голова, и подкосились ноги.

– У тебя очень красивые волосы... глаза, – сказала Кэтрин, и Ребекке пришлось перевести взгляд с Люка на его сестру.

– Спасибо, – вежливо ответила Ребекка, размышляя о том, как бы ей незаметно улизнуть.

– Росс нам сразу сказал, что ты очень красивая, – не умолкала Кэтрин, и Ребекка удивилась, с какой стати Росс вспомнил о ней.

И тут Росс вышел из библиотеки со стаканом вина в одной руке и с куском пирога в другой. Заметив Ребекку, он быстрым шагом направился к ней.

– Привет, Ребекка! Рад тебя видеть, – искренне улыбнулся он, посмотрел на Люка, все еще говорившего с поверенным, снова повернулся к Ребекке, открыл было рот, но так ничего и не сказал.

В эту минуту Ребекка увидела брата, выходящего следом за Россом и тоже с пирогом.

Кэтрин, не подозревавшая о родстве Ребекки и Саймона, представила ей собственного брата, заметив шепотом, что он очень красив.

– Не удивительно! – услышав ее тихое восклицание, сказал Росс. – Фамильное сходство! – И он шутливо поклонился Ребекке. Кэтрин недоуменно уставилась на Росса, и тот коротко объяснил: – Саймон – родной брат Ребекки.

Кэтрин растерянно переводила взгляд с одного на другого, потом размахнулась и ударила Росса по руке с пирогом.

– Почему ты не сказал мне? – прошипела она и так сильно ударила его по другой руке, что Росс выронил стакан.

– Молодые люди, что вы так расшумелись? – послышался женский голос. – Здравствуйте, мисс Бекки... вас так давно не было. – И к ним вышла Джудит, держа в руках поднос с пирожными, печеньем и бокалами белого вина.

– Случилось столько непредвиденного...

– О, это было ужасно! Контрабандисты... драка... таможенники...

– Контрабандисты? Росс, ты опять?... Если мама узнает, что ты снова связался...

– Извини, Ребекка, – сказал Люк, подходя к ним, и пригласил Ребекку в свой кабинет. – Не дом, а настоящий бедлам! – Он остановился у кабинета,

вздыхнул и открыл дверь. – Садись, Ребекка, – вежливо предложил Люк, когда они вошли. Он устроился за столом, Ребекка – напротив. Только Люк собрался что-то сказать, как за дверью раздался детский плач, переходящий в визг и затем в смех. – Прости, – тихо сказал он.

Внезапно Ребекка почувствовала прилив необыкновенной нежности к Люку. Она впервые видела его таким ранимым и подавленным. Ей захотелось встать, обойти вокруг стола, обнять и успокоить его. При этой мысли она почувствовала, что краснеет.

– Извините, что явилась не вовремя, – проговорила она прерывающимся голосом, быстро вставая.

Он тоже встал.

– Это мои родные нагрянули не вовремя, не ты. Ты не могла не прийти, узнав, что я уезжаю. – Он улыбнулся. – Если бы ты не пришла, я бы не выдержал и сам прибежал к тебе.

Ребекка смутилась. И чтобы скрыть смущение, сказала первое, что пришло в голову:

– Мне очень понравилась Кэтрин. И очень хорошо, что вся ваша семья в сборе. А я с грустью вспоминаю свое детство – тогда мы все были вместе... Однажды мы с Саймоном играли в шахматы, и он меня обыграл. Тогда я схватила шахматную доску и ударила его по голове... – Она замолчала, недоумевая, зачем рассказывает это сейчас.

– Он дал тебе сдачи? – спросил ее Люк.

– Нет, он никогда не обижался на меня. Старался, чтобы я всегда выходила победителем.

– Странно... но такое же действие ты оказываешь и на меня, Ребекка... – с добродушной иронией сказал Люк.

Она пристально взглядела в его лицо – от подавленности в нем не осталось и следа.

Глава пятнадцатая

– Давай присядем, – предложил Люк с лукавой улыбкой.

Ребекка с радостью села в кресло – у нее от волнения подкашивались ноги.

Но она должна извиниться за необоснованность своих обвинений и поблагодарить его за безграничную щедрость. Только наберется сейчас храбрости.

– Мы с Саймоном ездили в город... в банк. Там я узнала, что вы уезжаете, и пришла попрощаться, – торопливо объяснила Ребекка. – Я не хочу, чтобы вы уехали и...

– И?...

– ...и думали, что я плохо воспитана... Не хочу, чтобы мы расстались, не помирившись, – нашлась она.

– И это все? – разочарованно проговорил Люк.

Вспомнив, с какими обвинениями она на него накинулась на прошлой неделе, у себя в спальне, она покраснела и смущенно опустила глаза.

– Мне следует извиниться перед вами... Я обвиняла вас без всяких на то оснований... Мне очень жаль, что так получилось... Еще хочу поблагодарить за то, что вернули наследство, оставленное мне моим отцом, – выпалила Ребекка и похолодела: она совершенно забыла, что обещала брату не говорить ему об этом. – Я догадалась, что это вы помогли Саймону вернуть мои деньги, – добавила она, помолчав. – И я вам очень благодарна за это.

– И когда же вы догадались? До или после того, как он вам все рассказал? – саркастически улыбаясь, спросил Люк. – Я не хочу, чтобы ты чувствовала себя обязанной мне... или была преисполнена благодарности... или обременена чувством долга... – задумчиво проговорил он.

Люк внимательно вглядывался в красивое побледневшее лицо Ребекки – ее безупречная красота обезоруживала его. Бегство в Корнуолл ничего не решит – его убивала одна мысль о разлуке. Вот она стоит перед ним во всей своей красе, и он боится, что не вынесет этого испытания. Создавшееся положение делает несчастным не только его, но и Ребекку. Ее гордость, ее ревность... ее недоверчивость, ее инфантильность... это и его поражение, грустно подумал он.

Безыскусная наивность девушки покорила его с первого взгляда. Ему с

первой минуты надо было сказать ей слова любви. Произнеси он их сразу – и между ними не возникло бы теперешнее отчуждение. Ребекка с таким нетерпением ждала его признания. Именно оно стало бы для нее дорогим подарком судьбы – простые, искренние слова, а не его знатность и несметные богатства. Люк все откладывал хотел, чтобы их отношения стали более доверительными и чувственными... И тут объявился этот Меррилл, чтоб ему гореть в геенне огненной за его проклятый длинный язык!

Ребекка теперь наверняка полна ревности к его бывшим приятельницам. Ни одна из них не оставила и следа в жизни Люка, но Ребекка не захотела даже вникать в суть дела.

– Ребекка, ты что-то таишь у себя в душе, – тихо проговорил он.

– Я очень рада, что Саймон будет работать у вас в Бристолe, – будто не слыша его, продолжала она благодарить.

– Не возьми я его к себе на работу, он сел бы в тюрьму, – сразу посерьезнев, сказал Люк.

– Что вы имеете в виду? – опешив, воскликнула Ребекка.

– Блэккер донес таможенникам, что твой брат – член его шайки и занимается контрабандой. Чтобы спасти Саймона от тюрьмы, мне пришлось заверить таможенников, будто он давно работает у меня и помогает ловить контрабандистов на южном побережье... Ты о чем-то хочешь спросить у меня? Спрашивай, не бойся, – настаивал Люк, облокотившись всем телом о стол.

Под его ласковым взглядом Ребекка сдалась.

– О ваших... любовницах, – едва слышно пролепетала она.

– О любовницах?! Ты имеешь в виду женщин, которые были у меня до встречи с тобой? Почему это тебя так беспокоит? – недоуменно спросил Люк.

Ребекка почувствовала, что сказала глупость.

– Ничего меня не беспокоит! – воскликнула она, вставая и бросаясь к двери. – Мне надо вернуться домой, пока не стемнело...

– Но почему ты продолжаешь думать о тех женщинах? Меня почему-то совершенно не волнует, что ты любила мужчину настолько, что собиралась выйти за него замуж.

– Дэвид умер, – прошептала Ребекка. – Он навсегда ушел из моей жизни. Я его больше никогда не увижу.

– И я больше никогда не увижу тех женщин, что были у меня в Корнуолле. Если только случайно. Поверь мне!

– Нет, не верю! Мэйхью сказал, что ваша теперешняя любовница ведет

себя так, будто вы женаты...

– Следовательно, она глупа, раз уверовала в это, – спокойно возразил Люк. – И достаточно мудра, ни разу не проговорившись мне. Это увлечение давно прошло, и я никогда не женился бы на женщине легкого поведения. До встречи с тобой мне вообще не встречалась женщина, на которой я хотел бы жениться. У меня, Ребекка, больше оснований ревновать, поскольку я понимаю, как сильно ты любила своего Дэвида. – Немного помолчав, он спросил: – Ты мне веришь?

– Да, – сказала она едва слышно и подняла на него сверкающие бирюзовые глаза, жадно всматриваясь в его необыкновенно красивое лицо.

Люк увидел этот страстный призыв и улыбнулся про себя.

А может, Люк действительно любит ее? – вдруг сверкнуло в мозгу как молния. Но она так неопытна! Смотри, не наделай глупостей! – нашептывал внутренний голос. Она ощущала неведомые ей прежде чувства: жгучую ревность и всепоглощающую страсть.

– С тех пор, как вы приехали в Брайтон... у вас... – вдруг сорвалось у нее с языка.

– Никого, – поспешил Люк с ответом, не дав ей договорить.

Невозможно представить, как она будет жить без него, ежедневно казня себя, что так бездумно отвергла его любовь.

Какой же отважной была Шарлотта Рэмсден, которая, не задумываясь, последовала за своим любимым и стала женой Джаго Трилоуни... Ребекка тоже могла стать миссис Трилоуни, не будь она такой подозрительной и ревливой... Да, она сама во всем виновата...

– Люк, возьми меня с собой... – с мольбой прошептала Ребекка. Всего два месяца назад она отчитывала его за унижительное предложение, а сегодня говорит, что будет счастлива принять любое его предложение. Она умоляет его не бросать ее... – Клянусь, что не стану тебе обузой, я умею зарабатывать на жизнь. Если у нас ничего не получится... я уеду обратно в Брайтон или к Саймону в Бристоль...

– Нет, в Корнуолл ты не поедешь, – отрезал Люк хриплым, приглушенным голосом.

Происходящее потрясло его, он чувствовал себя опустошенным из-за тех страданий, которые невольно ей причинил. Мучительные бессонные ночи иссушили его мозг и тело. Смешно признаться, но длинными бессонными ночами он мучился тем, что Ребекка горда и неприступна... и тут она является и умоляет его взять ее с собой.

Если вдуматься, это проснувшаяся в ней страсть не стесняется предлагать себя, упрятав глубоко девичью скромность и женскую гордость.

Но, увидев, что Ребекка вот-вот разрыдается, он понял, что его ответ разбил ей сердце.

Желая побыть с ним хотя бы какое-то время, девушка снова подошла к столу.

– Оказывается, судьба поместья Рэмсденов решена? – нарочито громко спросила она. – И кто же будет здесь жить?

– Новобрачные.

– Здешние? – спросила она, судорожно сцепив руки.

– Она из местных, а он – приезжий.

Ей было решительно все равно, кто поселится в этом доме. Нужно немедленно уйти отсюда, чтобы не разреветься перед ним.

– Не могли бы вы отпереть дверь? – торопливо спросила она. – Кажется, вы ее закрыли на ключ.

Люк кивнул, и Ребекка направилась к двери.

– Тебе не интересно, что за люди будут жить здесь? – тихо спросил Люк.

– Абсолютно неинтересно. Я переезжаю в город, и мне безразлично, кто тут будет жить.

– Хорошо, я немного расскажу тебе о них, – проговорил он так проникновенно, что горячие слезы предательски потекли по ее щекам. – Жених – самонадеянный глупец, – тихо начал Люк. – Он даже не сказал своей обожаемой невесте о безумной любви к ней, о том, что жизнь без нее теряет для него всякий смысл, что он готов жить где угодно, лишь бы находиться рядом с ней. Что ему совершенно безразлично, где они будут жить – в хижине или во дворце, – лишь бы вместе. Он выжидал подходящей минуты, чтобы сказать ей это, но откладывал и откладывал до лучших времен. Он не думал надолго здесь задерживаться. И тем более не задумывался над тем, какие муки может испытывать эта прекрасная девушка при расставании со всем, что так дорого ее сердцу. Он вел себя как черствый и бездушный эгоист, хотя безумно полюбил ее с первой встречи, когда увидел ее на лесном озере. Ребекка, знаешь, что заставило его остаться здесь? «Саммер-Хауз»! Да, да, этот скромный уютный особнячок! Жених понял, что ему жаль расставаться с ним, а взять с собой этот домик он не может! А без этого домика его детям негде будет играть.

Ребекка повернулась и устремила взгляд влажных от подступивших слез бирюзовых глаз на Люка.

Он медленно вышел из-за стола и, подойдя к ней, вытер смуглой рукой ее мокрые щеки.

– И он решил вернуть усадебному дому его прежнее великолепие,

сделав его свадебным подарком невесте... им обоим... чтобы они жили в нем долго и счастливо всю оставшуюся жизнь. Потом этот дом перейдет к их детям и к детям их детей. Пока усадебный дом будут перестраивать, молодоженам придется пожить где-нибудь в другом месте, например в «Саммер-Хаузе». Ребекка, что ответит невеста своему глупцу, когда он все расскажет ей? Сможет ли она простить его? Или она уже разлюбила его?

– Невеста ответит, что любит его и что пойдет за ним на край света... Лишь бы быть всегда рядом... – проговорила она, пристально вглядываясь в его лицо.

Люк погладил ее по белокурой головке, обнял и прижал к себе.

– Как же я люблю тебя, Ребекка! – воскликнул он. – Прости меня. Я должен был давно тебе это сказать! Но я все ждал какого-то необыкновенного случая...

Обнимая ее одной рукой, Люк снова повел ее к письменному столу, открыл ящик и достал две изящные коробочки и сложенный лист бумаги.

– Открой их, Ребекка.

Дрожащими руками она открыла крышечку, и ее изумленному взору предстало необыкновенное по своей красоте золотое кольцо с аквамаринном в обрамлении нескольких бриллиантов, которые переливались всеми цветами радуги.

– Никогда не видела ничего подобного! – воскликнула она со счастливой улыбкой. В другой коробочке лежало традиционное обручальное золотое кольцо.

– А это брачный договор. – Люк протянул ей бумагу. – Я собирался отдать тебе договор и кольцо с аквамаринном в день поездки в Брайтон и отпраздновать нашу помолвку. Но тут появился Росс со своей девицей и помешал мне признаться тебе в любви и пригласить тебя на мою яхту, чтобы уйти в море вдвоем наслаждаться тишиной и покоем. Ребекка, я больше не в силах ждать...

– Я тоже, – прошептала она.

– Видит Бог, я мог бы остаться у тебя уже два месяца тому назад. Но, к счастью, все случилось по-другому. Я хочу, чтобы ты полюбила меня всем сердцем, всей душой. И хочу, чтобы к алтарю ты пошла в белом подвенечном платье. Ты поняла, что я имею в виду? Когда я ушел от тебя той ночью, я вскочил на своего вороного и помчался, не разбирая дороги. И что же ты думаешь? Я очутился у того лесного озера, где впервые увидел тебя! Это наваждение здесь началось и здесь должно закончиться, сказал я себе и вошел в озеро, чтобы остудить страстное желание. Слушай, что было дальше! Когда я на рассвете вернулся домой мокрый с головы до ног,

Майлз дал мне полотенце и свежую газету... Наверняка он решил, что я сошел с ума, но не проронил ни слова.

– Майлз очень хороший человек. И все здесь – добрые, хорошие люди.

– И все тебя очень любят, Ребекка. Это особый дар – располагать к себе людей. Росс обожает тебя. Кларки пожертвовал собой, чтобы спасти тебя, а ведь вы были едва знакомы...

Они сидели на диване, тесно прижавшись друг к другу.

– А что же будет с «Мелроузом»? – с тревогой воскликнула Ребекка. – А твои дела в Корнуолле? Ты действительно решил остаться здесь навсегда?

– Да. Угольными шахтами займется Тристан, он и раньше замещал меня. Судходной компанией буду управлять я сам. Ну а «Мелроуз» никогда и не был моим. Это имение моих родителей, и я всегда чувствовал это. Мы обязательно съездим туда, и ты увидишь, какое это замечательное место. Сама судьба направила меня сюда. Похоже, настало время корнуолльским Рэмсденам вернуться в родное гнездо. Отсюда начнется новая династия Рэмсденов, моя ветвь. Я уверен, что Шарлотта Рэмсден и Джаго Трилоуни одобрили бы мое решение. А ты?

– Сегодня утром я вспомнила о своем возрасте и поняла, что ты никогда не женишься на мне. Ведь мне уже двадцать шесть лет!

– Двадцать шесть? Так это самый подходящий возраст для замужества! Где живут твои друзья, о которых ты рассказывала мне? Далеко?

– Кей Эббот? – удивленно переспросила Ребекка. – В Грэйвли, при церкви. Всего в нескольких минутах ходьбы от «Саммер-Хауза». А что?

– Ее муж дома?

– Скорей всего, да.

– Прекрасно. – Люк вдруг поднялся, следом за ним Ребекка.

– Что ты задумал? Может, он занят или не захочет... – начала догадываться она.

– Я слышал, что церковная крыша протекает, – неожиданно произнес Люк.

– Да, но какое это имеет значение? – воскликнула она удивленно.

– Как бы он ни был занят, время найдется, когда он узнает, что мои строители просто рвутся починить крышу его церкви.

– А твои родные? Твоя мама? Я с ней даже не успела познакомиться! – с тревогой проговорила Ребекка, с опаской глядя на дверь кабинета.

– Ребекка, это касается только нас двоих. У меня нет никакого желания устраивать пышное торжество. Мы должны принадлежать друг другу. Если они начнут вмешиваться, отпразднуем потом... устроим им торжественный

ужин...

Девушка кивнула в знак согласия. Ее глаза сверкали, как драгоценные камни на кольце, подаренном Люком в ознаменование их помолвки. Он вынул кольцо из коробочки и надел ей на палец. Брачный договор и вторую коробочку с обручальным кольцом Люк положил себе в карман.

Ребекка оглядела свои серебристо-серые юбки, измявшиеся от долгого сидения, пригладила рукой растрепавшиеся волосы.

– Мне бы переодеться, причесаться, – жалобно сказала она.

– Зачем? Ты такая красивая! Ты всегда необыкновенно красивая!

Ребекка смущенно улыбнулась.

– Как и ты, – сказала она.

– Спасибо, Ребекка! – обрадовано воскликнул Люк и поцеловал ее так крепко, будто Ребекка была первой женщиной, заметившей его внешность. Потом он взял ее за руку и, отперев дверь, спросил: – Вы готовы, леди Рэмсден?

– Да, мистер Трилоуни, – ответила она.

– Иди молча, – велел ей Люк, когда они вышли в коридор. – Только бы никто не встретился на лестнице! О, черт меня возьми! Я же сегодня не брился! – пробормотал он, проведя рукой по щетине.

Люк слегка поддерживал ее за локоть, когда они шли вдоль длинного коридора мимо Росса и Кэтрин, которые о чем-то спорили, мимо Саймона, потягивающего вино, мимо маленького Джаго, возившегося на коленках с игрушечным корабликом.

Люк и Ребекка шли молча, стараясь не обращать на себя внимания, но Росс следил за ними. Не выдержав, Ребекка оглянулась, и Росс поднял хрустальный бокал, едва заметно улыбаясь.

Влюбленные легко сбежали с каменного крыльца усадебного дома и направились в парк. Как только фасад дома скрылся за деревьями, Люк приподнял свою невесту и, крепко поцеловав, закружил ее так, что золотистые, мягкие, как шелк, волосы Ребекки рассыпались по спине и плечам. Счастливые и окрыленные, они взялись за руки, и пошли по дороге, ведущей в «Саммер-Хауз».